

Горький вкус родных рябинок

Арина Бугровская

18+

Арина Бугровская

Горький вкус родных рябинок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70228288

SelfPub; 2024

Аннотация

Когда половина жизненной дороги уже пройдена, Аришка останавливается, чтобы перевести дыхание, и оглядывается назад. Детство. Советское, деревенское. Кажется, что счастливое и беззаботное. Но это – поверхностное впечатление, и оно не совсем верное. Зачастую дети предоставлены сами себе, а взрослые заняты своими важными делами. «Целы будут» – машут легкомысленно рукой занятые, но весёлые мамы. А дети и не всегда оказываются «целы». Советские люди. Добрые, отзывчивые, справедливые, готовы всегда прийти на помощь. Так? Да, и так часто бывало. И по-другому. Аришка-подросток оказалась в трудной ситуации. И окружающие не прочь утопить её в грязи, в которую она, споткнувшись, упала. Но и выбраться ей тоже помогли люди. Взрослой Аришке тоже досталось немало. И, по привычке, она опять рассчитывает прежде всего на себя. И снова напрасно. Ведь мир, как говорится, не без добрых людей.

Содержание

Предисловие	9
1	11
2	16
3	19
4	21
5	23
6	25
7	32
8	36
9	40
10	43
11	46
12	48
13	52
14	59
15	62
16	66
17	70
18	73
19	75
20	80
21	83
22	87

23	91
24	95
25	97
26	100
27	105
28	108
29	112
30	115
31	120
32	123
33	127
34	130
35	135
36	139
37	143
38	148
39	152
40	156
41	160
42	164
43	169
44	173
45	178
46	180
47	183
48	186

49	189
50	191
51	193
52	198
53	201
54	204
55	207
56	211
57	214
58	217
59	218
60	220
61	223
62	227
63	229
64	232
65	235
66	237
67	241
68	244
69	247
70	249
71	250
72	258
73	262
74	267

75	268
76	271
77	277
78	282
79	286
80	291
81	295
82	299
83	303
84	307
85	311
86	314
87	315
88	323
89	325
90	329
91	332
92	335
93	340
94	343
95	347
96	349
97	350
98	351
99	354
100	357

101	360
102	363
103	365
104	368
105	370
106	372
107	374
108	377
109	379
110	381
111	383
112	386
113	390
114	392
115	397
116	406
117	410
118	413
119	418
120	421
121	424
122	427
123	430
124	432
125	434
126	436

127	439
128	443
129	449
130	455
131	467
132	473
133	478
134	480
135	486
136	491
137	493
138	498
139	500
140	506
141	509
142	517
143	518
144	520
Заключение	521

Арина Бугровская

Горький вкус родных рябинок

Предисловие

Один мудрый человек, его звали Герберт Уэллс, сказал, что каждый может написать книгу, и эта книга будет рассказывать о его жизни.

Ну что же, посмотрим, получится ли у меня. И ещё вопрос, а будет ли она интересной? Тут уж Герберт, по-моему, ничего не обещал.

Но прежде, чем начать, надо определиться, насколько она будет откровенной. Однозначно, она должна быть откровенной. Но возникает этическая проблема. Про себя-то я могу писать всё, что вздумается, а другие тут при чём? Никто согласия не давал, чтобы их жизненные фрагменты я выставляла на всеобщий просмотр.

Поэтому о себе напишу, о других – по-разному.

Есть близкие и дорогие мне люди, они будут следовать вместе со мной по страницам моего повествования. Есть те, которых создало моё воображение. Пришлось пойти на эту, неприятную для меня меру, так как, даже из малого количе-

ства знакомых, которых я посвятила в свои планы, нашлись такие, которые потребовали, чтобы их не было в произведении. Вот и выкручивалась.

Так что, если вдруг кто-то когда-нибудь меня спросит, правда ли то, о чём я написала, я улыбнусь и скажу: «Ну, конечно же, нет. Где-то что-то основано на реальности, но и своему воображению я дала разгуляться».

Тем более, что воображению в любом случае надо дать волю о ком бы я не писала, ведь не настолько же моя память хороша, чтобы вспомнить всё.

1

Спать ложились рано, сэкономили электричество. Бабушкина пенсия – всего 48 рублей. Это её ещё, спасибо, недавно удвоили. При таком малом бюджете приходилось пореже ходить в магазин. Но бабушка, не привыкшая к тратам, нередко и эту сумму умудрялась не всю израсходовать, но на «чёрный день» не откладывала, а старалась кому-нибудь остаточек отдать. «Бери, бери, тебе нужнее. Куда мне? Вон, новую пенсию уж почтальонша скоро принесёт».

Но свет тратить напрасно, без особой надобности, не следовало. Поэтому, как только управлялись с делами, лезли на печь. Ступеньки лесенкой, нижняя – самая широкая, на ней и посидеть можно, вместо стульчика. Дети, бывало, за вечер не один раз лазили вверх-вниз. И улягутся уж, бабушку поджидая и попутно рассматривая на потолке и стенах разные пятнышки – картинки. Потом игры затеют. Бабушка кричит:

– Тише вы, печку провалите!

«Печку провалим! – смешно и немного страшно, – полетим с кирпичами прямо в котлы!» Но смех смехом, а нельзя печку проваливать. Как без печки?

Наконец, бабушка выключила свет. Дети поспешно отодвигаются друг от друга.

Аришка с Андреем, всё делившие между собой только

пополам, давно уж разделили и бабушку. Лечь она должна между ними. Тонкими пальчиками на ощупь проверили лицо. Бабушка «смотреть» должна вверх, потому что, если она наклонит голову в сторону к одному из внуков, получится, что от другого отвернётся, а это уже неправильно. Разобрали каждый себе по бабушкиной руке и притихли.

– Ну, чаво вам рассказать?

– Что-нибудь.

Диапазон тем неширок, но не беда, можно слушать одно и то же.

Вот, например, сказка про воров, которые утянули поросянка. Она настолько бабушке наскучила, что рассказывая её, она редко оставалась в бодрствовании. И внукам приходилось то и дело будить бабушку и подсказывать ей слова, на которых она засыпала. Ребятишек же сказка каждый раз радовала юморными приключениями неудачников и справедливой и доброй концовкой. И от того, что каждое слово этого произведения они знали уже лучше бабушки, поправляя её, если вдруг её речь свернёт не туда, сказка становилась им всё родней.

Совсем по-другому звучали бабушкины рассказы о Боге. Здесь она сама увлекалась, вспоминая услышанные, дорогие сердцу, подробности. Жаль только, что подчас недоставало ей этих подробностей. Нужных книг не было, храмы далеко. Спасибо, дочь Варвара выручает, привозит время от времени переписанные на листочках тексты молитв. И с дочерью

бабушка их тут же учит наизусть, так как сама почти неграмотная. Варвара уедет, обидно бывает забыть что-то и беспомощно смотреть на непонятные крючки. Но, впрочем, к ней часто заглядывают и заходят, так что спросить есть у кого. Вон и Аришка скоро зачитает. Эта девка молодец, понятливая.

Но сегодня мысли бабушки заняты другим.

– Мамка ваша опять учудила.

Детские маленькие сердечки болезненно сжались, как бывало всегда, когда ругали или не одобряли их мамку. И совсем другое дело, если над мамкиными поступками смеялись и восхищались их остроумием. Только вот дело в том, что так по-разному часто относились к одной и той же мамкиной проделке. Всё зависело от рассказчика. Бабушка Варвара матюкалась и орала. Бабушка печалилась и вздыхала. Бабушку было жалко. Инка Талалаева рассказывала так, что Аришка с Андреем покатывались со смеху и желали повторить мамкины подвиги.

– А что она сделала?

– Да шла она с Инкой Талалаевой мимо Быковых. Маня выскочила, стала на них ругаться. Что ей не понравилось? Не знаю. Те идут, и Маня за ними бежит, ругается. Им бы промолчать, а ваша мамка обернулась и ...

Бабушка повторила мамины слова.

Аришка притихла. Что тут скажешь.

– А Инка? – мамину молоденькую и немного бесшабаш-

ную подругу звали по имени и на ты.

– А Инка что? Хохочет, небось. Разве от Инки чего доброго дождёшься?

В отличии от бабушки, детям стало легче, что мамка не одна вела себя «вот так».

– А тётъ Маня? – Аришке хотелось надеяться, что каким-нибудь чудесным образом все в конце помирились.

– А что тётъ Маня? Ругалась. Что ей ещё делать? Не драться же.

О, это было бы совсем скверно. Аришка нелегко переживала свои ошибки и ошибки родных. В центре груди словно залёг тяжёлый камушек. Ей хотелось услышать от бабушки, что всё не так уж и плохо, что все в конце концов поговорят, поймут друг друга и помирятся. Но выразить свои чувства не могла. А бабушка уже начала вечерние молитвы. Она их чаще пела. А Аришка и Андрей подпевали тонкими голосами.

Через какое-то время правнуки замолчали, засопели, уснули. Но бабушке не спится. Нароботалась за день. Гудят ноги, ноет спина, но сна нет. Тихо встаёт, стараясь не разбудить малышей. А, впрочем, их разбудить не так-то просто. Особенно Андрея.

Зажигает лампаду перед иконой и становится на колени.

Икона большая, старинная. Сын Пётр привёз её из какого-то монастыря. Отправили его учиться на художника в Москву, вот он оттуда её и привёз своей верующей матери. А когда вырос, возмужал, не раз и не два сам перед иконой то-

потал, произносил страшные слова, глубоко рая материнское сердце.

– Прости, Пресвятая Матушка Богородица, – вглядывалась в тёмный лик старенькая женщина.

И на неё в ответ смотрели скорбные глаза Царицы Небесной, держащей на руках своего Божественного Сына.

2

Аришка открыла глаза. В комнате ещё было полутемно. Девочка прислушалась. Бабушка с Андреем о чём-то тихо разговаривали. Аришка торопливо поползла с печки. Так можно проспять всё самое интересное.

– Проснулась? – ласково приветствовала её бабушка, – ну садись, попей парного молочка.

Аришка уселась за стол на лавку рядом с братом. У того уже нарисовались над верхней губой белые усы чапаевской формы. Аришке тоже захотелось такие же. Бабушка проворно поставила перед ней кружку.

– Мать нынче в Маковское поехала, – стала рассказывать и внучке последнюю информацию. – Вчера получку получила, так теперича всю там и оставит.

Аришка с Андреем весело переглянулись.

– Мамка вкусенькое купит!

– И книжки с картинками!

– И мороженое, она обещала!

– Бабуш, а когда она приедет?

– Да не скоро, ещё и туда, небось, не доехала.

Бабушка вздохнула, видя легкомысленную радость своих правнуков. Попыталась всё же донести здравую мысль и до их глупых головок.

– Нет, чтобы побережь деньги. Или на «книжку» поло-

жить. Всё целее были бы.

Но Аришке с Андреем такая бережливость не показалась разумной. И они дипломатично промолчали, уставясь в свои кружки, и втайне надеясь, что бабушкина установка не собьёт их весёлую мамку с намеченных целей.

Бабушка махнула рукой и повернулась к своей печке.

В полутёмной комнате огонь казался особенно ярким, и освещённая, просторная, ещё порожняя печная внутренность предстала перед детскими взорами знакомым зрелищем.

Вот бабушка потянулась к ухватам, выбрала самый широкий. И на металлическом цилиндрике в печь поехал самый большой котёл, в самый дальний угол. В нём еда для коровы.

Следующие котлы поменьше – для поросят, для коз, для кур. Их бабушка ставит башенкой один на другой тоже куда подальше.

Иногда ухват дёрнется, и из-под крышки котла прольётся и зашипит сердито вода. Но бабушка живо поправит покосившуюся башенку.

Наконец, пошли небольшие котелочки с едой для людей. То есть для Аришки, для Андрея, для бабушки и всех, кто случайно или целенаправленно заглянет в этот, всегда открытый для гостей, дом. Сегодня будут готовиться щи да картошка тушёная. А для детей ещё и каша пшённая.

Аришка с Андреем имели отличный аппетит, редко от чего отказывались. И позже, конечно, попробуют и горячие щи

с золотистыми масляными кружочками, и рассыпчатую картошку с поджаристой корочкой сверху, и ароматную кашу, которая так, как в русской печи никогда нигде не получится.

Заглянут они и в большие котлы, попробуют и коровью, и поросячью еду. Нормально, вкусно. Особенно приятен запах пара, когда мнёшь мелкую картошку, сваренную в мундире. Она мягкая, легко поддаётся широкой толкушке с длинной ручкой.

А потом, уже перед сном, бабушка вновь будет заполнять котлы и котелочки новой порцией продуктов, чтобы утром осталось только поставить их в печь.

А Андрей с Аришкой будут сидеть рядышком на невысокой скамейке, и наблюдать, как бабушкин острый нож с тонким лезвием ловко отделяет спиральную кожуру от картошки. Кожура попадает в большой котёл для коровы, а картошина летит и весело плёскается в маленький, где уже собралась целая компания таких же беленьких кругляшей. Андрей выберет себе картофелину и грызёт сырую. Аришка тоже пробовала, но никак не получалось вызвать гастрономический интерес к этому блюду. Не лежала душа есть сырую картошку и всё тут.

Так и появилась первая неразделённая любовь. Неразделённая между братом и сестрой, а пока всё остальное они дружно и поровну поделили.

3

Днём дети запросили у бабушки:

– Можно, к мамке пойдём?

– Идите, она как раз с Маковского должна приехать.

– Ух, ты! Давай, Андрей, скорее обувайся.

Аришка поставила перед братом резиновые сапоги. И свои натянула. Недолго полюбовалась их блестящей, ещё новой поверхностью. Красные. Сбоку уточка изображена.

Вскоре дети шагали по дороге, топча весеннюю грязь и испытывая самые значительные лужи.

– Во, Ариш, море целое. Перейдём?

Аришка скользнула взглядом по стальной поверхности, скрывающей непредсказуемый рельеф дна, попыталась оценить неизвестность.

– Пошли.

Взявшись за руки, дети медленно вошли в лужу. Под ногами чавкало что-то мягкое и засасывающее, сапоги постепенно погружались в глубину, вода стягивала обувь и холодила ноги.

Голенища сапог уже едва торчали над водой, когда Аришка приняла решение:

– Поворачиваем, а то потонем.

Развернувшись, ускорили шаг, стараясь побыстрее выбраться из опасной лужи, начерпали ледяной воды и вскоре

были на берегу.

– Ариш, у меня вода в сапогах.

– У меня тоже. Давай разуемся и выльем.

Нашли более-менее чистый пригорок с рыжей прошлогодней травой, разулись, потрясли сапогами, из которых вылилось немного воды, и побежали к мамке.

4

Маму звали Алла. Была она молодая, красивая, весёлая, любила шумные компании и застолья.

Недавно она с детьми переселилась в новый дом. Это было не первое их место жительства.

Деревня Рябинки делилась на две части – старинная, где жила бабушка, там были частные дома, и новая, поселковая, где построили советские жилища одно-, двух- и, даже, один дом трёхквартирный, которые принадлежали колхозу и местному ПМК. И колхоз, и ПМК щедро делились этими квартирами и домами со своими работниками. И одни работники, выбрав дом, в нём и проживали, другие же, как их мама, всё никак не могли определиться и переезжали с места на место, благо было много свободного жилья.

С отцом мама как раз находилась в процессе развода. Ругались. Однажды Аришка поучаствовала в этом неприятном действии.

Мамка с отцом сцепились, а она, желая заступиться за слабую мамку, ударила отца кулаком по спине. Ударила и обожгла кулак. Но не физической болью, а стыдом. Больше в ссорах не участвовала. А, впрочем, больше ссор на её глазах и не было. О них она иногда узнавала из весёлых рассказов матери, когда та делилась деталями с Инкой Талалаевой или тётё Таней Окуневой. И в них ничего страшного уже не было.

Процесс распада семьи был недолгим, но неприятным, как ему и полагалось быть. Дети чувствовали его неизбежность. Мама была категорична. Но отец не сразу сдался, он любил свою красавицу жену, хотя уже безответно. Его качества – ум, доброту, порядочность, мама оценила гораздо позже, когда жизнь стала клониться к закату, когда многое из того, что казалось смешным и забавным, оказалось пустым и глупым.

И теперь он ещё раз попытался вернуть отношения. Но мама тут чётко обозначила границы и понастроила преграды.

Со смехом рассказывала своей подруге Инке:

– Стучится, а я двери закрыла. Уходи, говорю, а он – «не уйду». Видела, у меня возле двери в веранде стекла нет в маленькой форточке? Я кулаком в эту форточку: уходи! Уходи! Он плюнул и ушёл.

И ушёл. Уехал к родителям на свою родину. Поставил точку.

5

Дома детей ждали сюрпризы и приятности.

Во-первых, мамка привезла им целую картонную упаковку мороженого. Оно было подтаявшее и расплывалось в сладкие белые лужицы. А вафельные стаканчики местами были совсем раскисшими, в них густые белые горки были уже не холодные, мягкие и очень приятные на вкус. Словом, ещё неизвестно, какое мороженое лучше – замороженное или подтаявшее.

Во-вторых, в комнате стоял прозрачный целлофановый мешок с кукурузными палочками. Не пакетик и не пакет, а самый настоящий мешок. Размером он был с Аришку, ну, не с Аришку, а с Андрея, ну, может быть, немного поменьше.

После мороженого кукурузные палочки елись с большим трудом. Но тут их развесёлая мамка ввела в дом целую стайку Аришкиных и Андреевых подружек. Выглянув на улицу, она их увидела на дороге. Те играли в «Кашу-малашу».

Игра заключалась в том, что нужно стоять в подходящей грязи, которая должна быть мокрая в нужной мере, и топтаться в ней, поочерёдно поднимая и опуская ноги. Важно ноги не слишком приподнимать, а лишь слегка оттягивать вверх, приговаривая при этом: «Каша – малаша, каша – малаша». И ноги будут всё глубже и глубже проваливаться в весеннюю дорожную грязь. А потом в подходящий момент,

а какой момент подходящий, каждый решает сам, нужно вылезти из того, во что засосало. И это непросто. Иногда приходилось вылезать по частям, то есть, сначала ноги, а потом уже пустые сапоги.

Так вот, мама прервала их игру и пригласила всех в гости. И вскоре куча грязных сапог стояла у двери, а вся эта компания грызла кукурузные палочки. Все более-менее глубокие тарелки были в этом задействованы. А тут ещё и кстати сказка по телевизору началась. Чёрно-белая девочка в ней пела весёлые песни, размахивая корзиной с пирожками. И если у любого и каждого из жующей компании спросить, какого цвета шапочка была у этой девочки, все с уверенностью скажут бы, что красная. Это чётко и ясно было видно даже по чёрно-белому телевизору.

Аришке было и хорошо, и, всё же, неприятное чувство просачивалось в сердце. Ей было жалко, что мамка такая весёлая и щедрая для всех, а не только для них с Андреем. Но, впрочем, это чувство было не настолько сильным, чтобы испортить такой чудесный день.

6

Кто сказал, что в деревне скучно и делать нечего? Кто-то из взрослых. А среднестатистический ребёнок и в кусте крапивы найдёт много чего интересного. А уж ежели в целой деревне поискать...

Перво-наперво торопятся детские ноги на мамкину-бабушкину работу. Там иногда такая бурная деятельность, что и на их долю хватит.

Аришкина мама работала завклубом некоторое время, а потом дояркой. С Аришкиной точки зрения – обе работы хороши, но всё же...

Если включить воображение, и представить маленькую девочку, которой Аришка была когда-то, поставить её на развилке, две тропинки которой ведут на мамкины работы, и посмотреть, куда же она повернёт, то можно мысленно увидеть, как стоит она, колеблясь и вертя головой, то в сторону клуба, то фермы. Но вот – решилась, побежала. Куда? На ферму, конечно. Хотя нет, остановилась, вернулась. А, это она за братом. Взяла Андрея за руку, и побежали вдвоём на МТФ (молочно-товарная ферма).

Колхозная ферма представляла собой несколько кирпичных зданий, загонов между ними и так, по мелочам, из дополнительного. Всё это исхожено, разведано, изучено наизусть.

В одном здании – Витьки Быкова конюшня, очень интересное и популярное место, но о ней не сейчас. Напротив конюшни – телятник. Дети и там частые гости. Милые телята, беленькие и рыженькие, пятнистые самых разных рисунков. Глаза большие, круглые с длинными прямыми ресницами. Они неуверенно стоят на ножках и доверчиво тянут мокрые носы к человеческим, пусть даже детским, фигурам, в надежде, что сейчас им перепадёт что-то вкусное, и этим пробуждая у девочек материнский инстинкт. И тогда девочки готовы нянчиться с ними целыми днями.

Где-то посреди животноводческого хозяйства высится широкая башня без окон и без дверей. Лишь у самой земли выбито несколько кирпичей и получилось небольшое отверстие, как раз такое, чтобы туда протиснулась некрупная, но любопытная фигура и посмотрела, что там внутри.

А внутри там глубоко, если посмотреть вниз, и высоко, если смотреть вверх. Нет, какие-то сверху отверстия там всё-таки были, потому что внутри не темно и виден внизу мусор.

И если ухнуть в эту башню, или эгэгкнуть, то голос окажется гулким, звонким и устрашающим. А назначение этой башни так и осталось неизвестным.

Рядом огромные круглые ёмкости, словно гигантские кастрюли на две трети вкопанные в землю. В одной такой кастрюле барда. Пахнет неоднозначно, но животным нравится. В другой кастрюле патока. Тягучая, коричневая и съедобная. Аришкина подружка Аня пробовала, сказала, что слад-

кая. Но Аришка, обычно не отказывающая себе ни в чём, тут застопорилась, засомневалась, а потом и отказалась наотрез даже попробовать.

Тут же и самое страшное, что может быть на ферме – быки. Иногда стоят они в отдельном загоне. Стоят и смотрят на проходящую Аришку, фыркают возмущенно, перебирают ногами. В носу кольца, это значит, что злющие и опасные. Говорят, что эти кольца вдеты для того, чтобы, если бык набросится, схватить его за это кольцо, крутануть, ему станет больно, и он сделается тихим и послушным. Вот уж в этом сомневались все. Во-первых, поди, схвати его за кольцо, так он и дался; во-вторых, от боли он совсем рассвирепеет, лучше не усугублять, потом, его нос может разорваться, и тогда кольцо останется в руках, а быка уж ничто не остановит. Вот такие картины рисовало детское воображение после встреч с этими чудовищами. И непонятно, как из милых теляток получилось такое. В какой момент происходит метаморфоза? Аришка ни разу этого не видела. И уж совсем непонятно, как пастухи с ними справляются и их не боятся.

И вот, наконец, коровник. Атмосфера здесь рабочая, активная, бодрая. Доярка должна быть расторопной, иначе не управишься. И если к дояркам пришли их маленькие дети или внуки на помощь, то эта помощь только приветствуется. Причём, труд особо не разделялся на детский и взрослый, можно делать всё, лишь тащить бидон молока не получится, не поднять.

Летом коровы возвращались с поля. Им открывали ворота, и они, приветствуя родные стены протяжным мычанием, шли на свои места. Аришка удивлялась, как в ряду одинаковых мест они находят своё. Но долго удивляться некогда, начиналось одно из опасных мероприятий, нужно корову привязать. Для этого цепью обхватывают её вокруг шеи. Приходилось рисковать, так как корова не стоит смиренно, а машет своей головой. А вместе с головой машутся рога. И эти рога могут поранить, особенно страшно за глаза. Но, слава Богу, всё всегда обходилось благополучно.

И тут начиналась дойка. Обычно у каждой доярки два доильных аппарата. В свободное от их перестановки время доярка умудрялась подоить несколько коров вручную, перелить молоко из доильных аппаратов в бидон, отнести надоенное молоко в специальное помещение, где сидит тётя Зина и ведёт учёт. Здесь доярка переливает молоко в мерное ведро и потом опрокидывает его в общую огромную бочку. Здесь особый запах, свежий и сырой. Пол всегда чистый и залит водой, которая стекает в воронку в центре. Здесь же часто и председатель – Сан Саныч.

В осенне-зимне-весеннее время приходилось несколько раз в день кормить коров. Для этих целей имелась вагонетка. Вот уж весёлый вагончик для детей. Он предназначен для перевозки кормов: сена, жома, силоса. В отдельном коридорчике накладывают полную вагонетку этого добра, а потом по рельсам везут к своей группе коров. Затем раскладывают ви-

лами по кормушкам. А коровы нетерпеливо тянутся, не дожидаясь, когда еда будет наложена как полагается и ещё свил снимают вкусные кусочки. И становится страшно, как бы вилами не кольнули в красивые коровьи глаза. А доярки сердятся на коров за их нетерпение, матюкаются и, даже, бьют по их добрым лицам.

Аришка с Андреем тоже пользовались вагонеткой. И корм в неё накладывали, и коровам развозили, но намного веселее катать друг друга, когда один стоит в вагончике, словно капитан у штурвала, а другой изо всех сил катит её по рельсам. Но тут уж обычно кто-нибудь из доярок притворно строго упрекает: «Вы сюда работать пришли или баловаться?»

Аришка на ферме перепробовала и многое другое. Научилась следить за доильными аппаратами. Там есть небольшая стеклянная трубочка в чёрном шланге, специально предназначенная для отслеживания. В начале доения молоко густыми толчками проходит внутри неё. Но через некоторое время струйка молока становится уже и слабее. Тут нужно помассировать вымя коровы. Она немного добавит.

Научилась снимать доильный аппарат и надевать его на недоенную корову. Это всегда тревожно, так как страшноватое и засасывающее шипение воздуха заставляет поволноваться, нельзя мешкать, надо быть ловкой и четыре присоски аккуратно, одну за другой надеть на соски.

Научилась вручную доить корову. Первую свою любимку запомнила на всю жизнь. Звали её Капуста. Аришка всегда

немного переживала за несолидность такой клички. Но корова вообще не виновата. Просто дояркам даётся указание дать кличку с использованием определённых букв, вот они и проявляют свою творческую фантазию. А у всех она разная, что ж поделаешь.

Капуста была спокойной и непоколебимой. А соски её были совсем не тугие. И даже тонкая струйка молока вытекала сама, когда подходило время. Вот Аришка на Капусте и отработывала своё умение.

Нравилось Аришке сгребать коровьи лепёшки. Это делалось специальным скребком, аккуратно и с удовольствием. Сначала с одной узкой досточки, потом со следующей. Сгребалось это добро в неширокую самодвигающуюся траншею. Особенно приятно было этим заниматься, когда этих коровьих отходов впереди много, а позади всё чисто. Тогда чётко виден результат. А лепёшки кучами и поодиночке тихо ползут себе в траншее по кругу к месту своего назначения.

А место назначения – яма, уже полная коричневой жижи. И малая часть этой ямы находится в помещении фермы, большая вываливается наружу. Зимой она замерзает, и по ней можно кататься как по льду. Страшновато, конечно, потому что глубина-то неизведанна. Глубоко, говорят.

У коров в кормушках лежат большие куски соли. Они их вылизали своими языками до глянцевого блеска. Аришка и её друзья берут эти куски прямо у коров из кормушек и сами их лижут. Вкусно.

На ферме имелся и красный уголок. Комната такая. Путь к нему лежал по длинному коридору с серыми, пещерного вида стенами. В «красном уголке» телевизор, газеты, бумаги, что-то красное по стенам. Дети там иногда находились, но недолго. Вокруг полно более интересных вещей, которые, наверное, пора заканчивать перечислять.

Вот таким было одно из самых приятных мест Аришкиного детства.

Другое место работы Аришкиной мамы – клуб. Там тоже интересно, хотя не так, как на ферме. Находится он недалеко от леса. Там в ряд стоят три здания: клуб, баня и ПМКовская контора. А объединяет их бетонная дорожка, которая длится столько, сколько делятся эти здания. И это очень приятное место, потому что по такой ровненькой и аккуратной дорожке можно походить, побегать, попрыгать. И тут же стоят лавочки для тех, кто любит сидеть и смотреть.

В клубе особенно интересно зимой. Перед Новым годом привозят высокую ель, устанавливают её и начинают наряжать. Стоит приятный новогодний запах. Ребяшня носится вокруг ёлки, а каждая новогодняя игрушка, как маленькая сказка, стоит в неё только внимательно взглядеться.

И вот незадолго до праздника Аришка обсуждала с соседом Вовкой Окуневым свои новогодние выступления. Вовка был ровесником Андрея и его хорошим другом. Был он добрый, безобидный, сильно заикался. Знали они друг друга с самого раннего детства, так как дома их бабушек стояли рядом.

– Я выучила песню «Папа, подари мне куклу», – похвасталась Аришка, – хочешь, я тебе спою?

Вовка не стал возражать и Аришка затянула:

– Всю ночь по кры-ышам дождик капал...

О том, что для пения необходимы приятный голос и музыкальный слух, Аришка узнала гораздо позже. А потом узнала, что и того и другого у неё нет. И это останавливало её, если ей вдруг приходило в голову спеть в присутствии кого-либо. Но Вовка и сам был не в курсе про приятный голос и музыкальный слух, поэтому спросил:

– А кто это тебя так научил?

– Это я сама научилась по пластинке. Мамка уже накупила всяких подарков на Новый год и будет всем дарить, кто выступит. Самая красивая там кукла. Вот я и придумала спеть эту песню. А мамка мне и подарит куклу. Понял?

– Ага. А мне что-нибудь подарит?

– Конечно, подарит. А что ты споёшь?

– Не знаю. Я петь не умею.

– Ну, можно стишок рассказать. Ты умеешь стишок рассказывать?

– Да, вот послушай:

Маленький мальчик

Сел на диванчик,

Ножку поднял,

Фу, навонял.

– Ну, можно и такой, наверное. – Аришка немного поразмышляла. – А другой не знаешь?

– Другой не знаю, – вздохнул Вовка.

И вот новогодний утренник или вечерник. Вся деревня собралась. Наступил момент, когда желающие могли выступить.

пить перед залом. Аришка не стала ждать, когда её попросят, и направилась на сцену. О том, что нужно стесняться и бояться, она тогда ещё тоже не знала. И поэтому, вздохнув полной грудью, громко заголосила:

– Папа, подари, папа, подари,
Папа, подари мне куклу-у-у...

А сама больше поглядывала не в зал, где зрители готовились одарить её аплодисментами, а на маму, которая копалась в подарках. И, к удивлению Аришки, наконец, выбрала... пластмассовую птичку и с улыбкой несла её дочери. Разочарование и досада на непонятливую мамку были настолько велики, что последние слова песни плавно, почти не изменяя мотива, перешли в громкий плач, да что там в плач, скажем честно, это был возмущенный рёв.

Мамка в недоумении застыла, и зал, наконец-то, заинтересовался таким необычным окончанием выступления.

Аришка понимала, что ей как-то надо обозначить свою позицию, раз уж не поняли изначально, о каком подарке она тут намекала.

–Только не птичку-у-у!

Расстроенная мамка быстро поменяла подарок и протянула дочери пластмассового ослика. Что птичка, что ослик в Аришкиных глазах были одинаково приятны, но тут уж поняла она, что не судьба и усугублять ситуацию не стала.

Следующим на сцену рвался Вовка. Его стихотворение имело такой же сомнительный успех. И, хоть зал хохотал, но

стихотворение было явно не новогоднее. Мама, поколебавшись, протянула ему ту самую злополучную птичку. И Вовка её на этот раз не забраковал.

Хорошо, что и Аришке, и Вовке не приходило в голову переживать и расстраиваться по поводу своих неудачных выступлений. Хотя, если уж быть совсем честными, им даже не пришло в голову, что эти самые выступления были неудачными. Вот с подарками, тут уж, конечно, мамка сплеховала. Но детские обиды быстропроходящие. И вскоре они весело бегали вокруг ёлки. Аришка держала за заднюю ногу своего ослика. А куда дел свою игрушку её добрый приятель, Аришка не заметила.

8

Бабушка протянула монетку внукам и попросила их сходить в магазин за сахаром.

Не успели они далёко отойти от дома, как случайно оглянувшись, увидели догоняющую их Райку Окуневу. Догоняющая Райка – это из области ночного кошмара.

Райка – старшая сестра Вовки, старше Аришки на два года и тоже их соседка. Была она совсем не похожа на своего добродушного брата. В раннем детстве она враждебно относилась к Аришке и Андрею, а поскольку была сильной, то им приходилось несладко.

Вовка и Рая жили с бабушкой Валею и дедом Гришей. «Солопей» – так насмешливо, но и с тщательно замаскированной нежностью, звала своего мужа бабушка Валя. Их (Вовки и Райки) мама, тётка Таня, занималась, в основном, поиском подходящего спутника жизни. И эти поиски требовали изрядных затрат времени и сил, так что на детей этого добра оставалось немного. Но дети и не переживали. Вовка – добрый, нетребовательный и не критичный, даже и не догадывался, что чем-то обделён. Самым близким человеком для него был дед. Жаль только, что он стал старым и слабым и всё больше времени проводил на печке.

Райка с раннего детства помогала своей бабушке на ферме, причём, управлялась с коровами почти наравне со взрос-

лыми, носила вёдрами воду из колодца, на огороде за ней было не угнаться, словом, оставалось удивляться, что с ней дальше будет, если процесс обретения трудовых навыков продолжится с той же скоростью. И эту её сторону оценили Аришкины родственники и нередко ставили её в пример.

– Смотри, какая Райка работящая. Во, молодец девка. Да, далеко тебе до неё.

Аришка в таких случаях делала неуклюжие попытки приблизиться к Райкиной работящности, но и сама чувствовала, что ей далеко.

Почему Райка недолюбливала Аришку и Андрея – неизвестно, но при всяком удобном и неудобном случае так и норовила их обидеть. Как-то даже ломилась к ним в закрытую дверь, почуяв, что никого из взрослых дома нет. А брат с сестрой тряслись с обратной стороны этой двери.

Аришка с Андреем тихонько мечтали, что когда-нибудь вырастут, станут сильными, и тогда Раечка у них получит. Перво-наперво, в случае внезапного роста и усиления, они нарвут крапивы и засунут её Раечке в штаны и... всё. Вот такой короткий и ёмкий план. Больше ничего подходящего в голову не приходило, но и этого было достаточно, если включить воображение. А оно рисовало им страшную и радостную картину Райкиных мучений, когда она, почему-то, никак не могла избавиться от этой крапивы и ревела на всю деревню.

А сейчас эта Райка неслась за ними, как лось. И не было

никаких сомнений, что с недобрыми намерениями.

– Бежим, – Аришка потянула брата за руку. Но было бесполезно, так как Аришка не умела быстро бегать, а Андрей, хоть и ловкий, но был слишком мал.

Райка вскоре схватила их обеими руками за шивороты и резко повернула к себе.

Дети только пискнули, и, сжав головы в плечи, ждали расправу.

– Не бойтесь, – Рая всё же запыхалась, – я не буду вас бить. Вы куда идёте?

– В магазин, – пропищали оба.

– Покажите деньги, – приказала Райка.

– А они бабушкины. Бабушка сказала, чтобы мы кулёк песка купили.

– Покажите, не бойтесь, не заберу.

Аришка разжала кулак. В ладони лежал один рубль.

– Ясно, – как-то разочаровано произнесла Райка и отпустила детей. – Ладно, идите, – она повернулась и пошла обратно.

А Аришка с Андреем смотрели в Райкину неприятную спину и не верили своему счастью.

А вечером узнали, что у Окуневых пропала десятка, а так как накануне вечером к тётке Тане в гости приходила их мама, вместе с ними, то потерпевшие решили, что её украли или Аришка, или Андрей, или оба. А потом выяснилось, что десятку эту стянул Вовка. И на допросе бедный Вовка пока-

зал, что потратить похищенное он собирался на себя и своих соседских друзей, так что Райка верное направление своим чутьём унюхала. Узнав об этом, ребята очень переживали за своего друга и за конфеты. Раскрыла преступление всё та же глазастая Райка.

И всё таки Андрей с Аришкой Раечке отомстили. Жёстко. Гораздо страшнее, чем в мечтах.

Был зимний вечер. От заходящего солнца розовел снег, в тени же он был голубым. Этот зрительный образ всплывает в памяти и много лет спустя.

Аришка с Андреем стоят перед соседским домом. Окуневы были на ферме. Об этом дети догадались и поняли, что пришло время мстить.

Аришка первая взяла в руки снег, слепила снежок и бросила в стену.

– Получай, Раечка!

– Получай, Раечка! – повторил брат и тоже вlepил снежком в дом.

Но в стену бросать не так уж и серьёзно.

Аришка слепила ещё один снежок и бросила его в стекло. Это было окно кухни. Ребята у соседей бывали, они знали.

– Получай, Раечка!

– Получай, Раечка! – Андрей не отставал от сестры.

Снежные удары были меткими и сильными. Вскоре зазвенело и посыпалось стекло, потом другое. Снежки уже летели в кухню. Дети забрались на высокий фундамент и заглянули внутрь. Пол, стол, стулья были усыпаны снегом.

– Надо посмотреть, не возвращаются ли они?

Они побежали за поворот и посмотрели в сторону фермы. Дорога была пустынна.

– Пошли ещё!

В тот вечер месть продолжалась долго, но никто не видел, и никто не остановил.

Чем могла бы закончиться эта история? Ну, естественно, такое страшное дело должно было бы закончиться страшным наказанием.

Но наказания не было. Вообще не было никаких последствий.

Уже взрослая Аришка пыталась разгадать эту загадку и не смогла.

Может быть, вернувшиеся Окуневы, обнаружив погром, не смогли сообразить, кто это сделал и поэтому преступников не нашли?

Смешно. А следы на снегу? Там, наверное, столько понатоптано было, что не разобрал бы только слабоумный.

Или Окуневы оказались милосердны и сказали, проглотим это, поймём и простим, ведь мы сами не без греха? Ещё смешнее.

Может быть, наказание было настолько суровым, что мозг решил, что в памяти это нельзя оставлять и стёр всё нафиг?

Уже, будучи взрослой, Аришка обратилась к свидетелю:

– Ма, я помню, мы с Андреем в детстве... и т.д.

На что, хоть и постаревшая мама, но в здравом рассудке и твёрдой памяти, удивилась и сказала:

– Первый раз слышу.

Больше свидетелей рядом не оказалось. Можно, конечно,

связаться с Райкой Окуновой или с её матерью, тётъ Таней. Но у Райки спрашивать как-то не хочется. И даже немного страшно. Мама звонить своей подруге по такому поводу тоже не согласилась. Сказала, да прям тут, может, вы и бросили снежок в сторону окна, но ничего серьёзного. Словом, отмахнулась.

Может, это всё Аришкино воображение? И явь с выдумкой она не всегда различает? Крапива в штанах – это выдумка, а снежки на кухонном полу – это явь. Или нет?

Странно всё это.

10

На бабушкиной стороне деревни был колодец, и за водой ходили к нему. Колодец-журавль. Бетонные широкие кольца уходят в землю. Там вода. Сверху столбы и воротца, выполняющие роль рычага, к столбу подвижно прикреплѐн шест, на шесте болтается ведро. Опускаешь шест в колодец – опускается ведро, поднимаешь шест – поднимается ведро. Как-то так.

Ходить за водой интересно, но немного опасно. И опасность эта резко возрастает зимой. Потому что вокруг вырастают горы покатога льда. Каждый раз, когда воду переливают из колодезного ведра в своё собственное, она (вода), естественно расплѐскивается, и горы льда растут. Постепенно верхняя часть кольца, на которое нужно опираться, когда достаёшь воду, доходит уже не до груди среднестатистического человека, а до пояса. Стенки этого кольца и внутри, и снаружи, тоже уже ледяные. Словом, жуть какая-то ледяная стоит посреди деревни.

И вот в такую ловушку попал однажды мужик. Пьяный. Ночью. Один. Безнадѐжно?

Но ему повезло, потому что бабушка ждала рождения телят. Сейчас эта взаимосвязь станет очевидной.

Чаще всего у Зорьки рождались сразу два телѐночка. Мальчики. Бычки. Событие это нужно было не проворонить.

Так как и корове нужна была помощь, и «послед» молодая родительница могла съесть, а это считалось нехорошо. Но в те дни, о которых сейчас речь, стояли морозы и телята могли просто-напросто замёрзнуть.

Бабушка просила Бога, чтобы Он её разбудил в нужный момент. А сама спала, просыпалась, прислушивалась.

За год до этого её разбудил стук в окно. И это оказалось тем самым, нужным ей сигналом.

А в ту ночь она услышала еле различимые крики. В другое время она, может, повернулась бы на другой бок и дальше бы спала, мало ли кто песни в ночи запел. Но сейчас встала. Сходила к корове, у той всё спокойно. Вышла на улицу, прислушалась, приглушённые крики раздавались словно из-под земли. Не сразу догадалась, что кто-то в беде, то бишь в колодце, и надо срочно вытаскивать его оттуда. Время шло, каждая минута могла стать последней для человека.

В доме ночевали сын Пётр и племянник Толик. Мигом была организована спасательная операция. Мужики притащили лестницу, опустили в колодец.

Страшный, замёрзший мужик лез из ледяной тьмы. На выходе он вцепился в бабушкин рукав и чуть не скинул её туда, откуда она его таким чудом вытаскивала.

Ну что ж, достали мужика, уложили на печь, растёрли самогонкой, влили её же ему внутрь, и вскоре он пошёл домой.

А после его прозвали «Спутником». Мол, по пьянке потерял ориентир, сбился с маршрута. Деревенский народ ост-

роумный и в курсе последних научных разработок.

А дед Пётр сдружился со Спутником. И однажды в борьбе (дед знал несколько приёмов рукопашного боя и любил с кем-нибудь побороться) сломал ему руку. Но Спутник не обиделся, зато страшно обиделась его жена. Ох, досталось тогда и деду Петру, и Спутнику.

Как-то Аришка гуляла по ферме. Время было послеобеденное, летнее, народу почти нет, коров тоже нет. Чего ей там гулялось, сейчас и не вспомнить. И тут её позвала бабушка Валя Окунева.

– Ариш, иди, что я тебе дам.

Аришка подошла и стала с любопытством разглядывать бабушки Валины руки. Там явно что-то было, пока непонятное. Бабушка Валя приоткрыла ладони и в образовавшемся отверстии показалась птичья головка. Живая, подвижная и очень-очень симпатичная.

Аришка тут же протянула свои жадные ручонки, и птичка перекочевала к ней.

И вот девочка и птаха остались вдвоём. Ах, как жаль, что нет рядом Андрея. А птичку, конечно, надо выпустить на волю. Аришка поспешила на улицу. «Вот только немножко подержу её. Ах, какая она невесомая, какая она милая, а глазочек, как бусинка. Сейчас, сейчас я тебя выпущу, только поглажу пальчиком твои пёрышки на головке, только рассмотрю получше твои лапки и коготки. Ах, какие коготки! Вот только прижму твоё тёплое тельце к щеке. Ах, какое оно гладкое и нежное. Вот только поцелую твой тоненький клювик...»

И тут птичка пребольно клюнула Аришку в губу.

«Ах, ты!» – Аришка в раздражении размахнулась и бросила птичку. Гнев мгновенной молнией ослепил разум. Но всё же Аришка бросила птичку не вниз, где она бы ударилась о землю и разбилась, а в сторону, чтобы нехорошая птичка всё же сориентировалась бы и взлетела. Но, к несчастью, в той стороне было небольшое ограждение. Так себе ограждение, просто столбы, которые соединялись двумя параллельными латами.

А птичка сначала летела от броска, потом энергично замаяхала крылышками и полетела уже самостоятельно, но всё же, в силу инерции, не успела изменить траекторию и врезалась в верхнюю лату. После удара она всё же полетела дальше.

Но Аришка видела, какой тяжёлый это был удар. Как стогряча птичка полетела дальше, но выживет ли она?

С тяжёлым сердцем пошла девочка домой.

А ночью мама проснулась от горьких рыданий своей дочери.

– Что? Что случилось? – мама пыталась разбудить девочку, думая, что ей снится плохой сон.

– Птичку жалко! – Аришка плакала и не могла утешиться, потому что понимала, что, скорее всего, она погубила живое существо, маленькую, слабую птичку. Ах, как горько! И невозможно ничего исправить!

А мама не могла понять, почему среди ночи Аришка повторяет слова Шурика из «Кавказской пленницы» и ревёт его же слезами.

Центром семьи, её живым притяжением была бабушка. К ней съезжались родственники. Когда, много лет спустя, не стало бабушки, некуда стало съезжаться, никто не смог и не захотел занять её место.

Аришка с Андреем себя гостями не считали, и всем приезжающим (за редким исключением) были рады или очень рады.

Почти каждые выходные навещался бабушкин сын – дед Пётр. Жил он в городе, в областном центре, работал художником, имел двух дочерей и жену. Был атеистом, увлекался здоровым образом жизни, хотя это и не мешало ему иногда крепко выпить.

С собой привозил он городские гостинцы, лекарства, а уезжал с деревенским изобилием. Это изобилие он запихивал в свой рюкзак со множеством завязочек и застёжек и отправлялся на станцию.

Дети его ждали, любили, он был чаще весёлый. Аришка особенно с ним сдружилась, потому что он раскрыл для неё новую грань окружающего мира, очень для неё увлекательную. От своего деда она узнала невероятную бесконечность космоса, которую невозможно уразуметь, узнала про планеты и звёзды, чёрные дыры и другие открытия астрономии. Его рассказы зажигали в душе такую любознательность, что

зачастую её от деда с трудом можно было оторвать. И такую её любознательность дед поощрял. И вкладывал в Аришкину головку все знания, какие могли уложиться туда в силу возраста.

Но одно его раздражало и даже бесило. Вера. И бабушкина, а потом и внуков. Но тут уж бесись, не бесись, а вера у старых и малых непоколебима.

Все выходные в деревне он трудился. Весело и с удовольствием. Деревенский труд сезонный. Но интересный, тяжёлый и на свежем воздухе. Аришка с Андреем тоже с удовольствием участвовали в нём.

Весной сажали картошку. Брли в колхозной конюшне лошадь, плуг, и дружно, во главе с лошадыю работали. Получалось быстро. А что там сложного? Шагай по борозде да бросай картошку через промежутки, равные длине сапога плюс ещё чуть-чуть. А если случится кому замешкаться и не успеть на своём участке, то кто-нибудь из взрослых тут же спешит на помощь.

А потом дед сажал на толстый круп лошади Аришку или Андрея, а то и обоих. Ух, страшно, высоко и весело. А лошадь идёт себе смирно. И вскоре привыкаешь к её мерному шагу и расслабляешься.

Летом с дедом сено заготавливали многочисленным бабушкиным травоядным. Дед сыпал шутками и поговорками, часто любил повторять, обращаясь к кому-нибудь из детей:

– Вот, а ты говоришь, что Земля имеет форму чемодана.

Сначала Аришка отнекивалась, мол, не говорила такого, и Андрей тоже не говорил. Пыталась объяснить деду, что они давным-давно знают, что Земля – это шар, и, если вот прямо здесь начать копать, копать, копать, то можно выкопаться на другой стороне Земли, и там люди ходят на головах.

И что это раньше она думала, что, если долго-долго идти, то можно прийти к краю Земли. Это такое место, где Земля резко заканчивается. И вправо-влево, везде заканчивается, и там страшный-страшный обрыв, а дальше ничего нет. А что Земля имеет форму чемодана, такое она не могла утверждать, потому что такая мысль ей даже в голову не приходила.

А потом Аришка поняла, что дед её дразнит.

Осенью белили стволы у яблонь в саду, обрезали ветки.

А зимой резали поросят.

Конечно, Аришка с Андреем никогда не присутствовали в такие моменты, и, даже, слушать не могли поросячий визг. Да что они, их отец не выносил этого и всегда уходил в дом и прятал голову под подушку. Но потом, постепенно, кто откуда, все сходились к месту происшествия.

И Аришка с Андреем стояли рядом, иногда помогали в «подай-принеси-убери». Но и просто наблюдать было интересно.

Дед Пётр зачёрпывал в кружку поросячьей крови и пил её. И всем предлагал. Все отказывались.

– Напрасно, напрасно, – вздыхал он по поводу всеобщей

глупости. – В крови много железа, от неё только здоровее станете.

Но никто не соглашался таким способом становиться здоровее, кроме...

Однажды как-то все куда-то ушли и около порося остались Аришка, Андрей и дед. И он предложил им выпить по половине кружки. Сначала выпил Андрей, потом Аришка. Это было тёплое, невкусное пойло.

Спустя годы Аришка об этом пожалела, так как кровь животных употреблять в пищу категорически запрещала наша вера. Вот так.

13

Очень редко, вместе с дедом Петром, приезжала его жена. Аришка с Андреем звали её тётъ Зина, хотя по статусу она являлась им бабушкой.

Была она женщиной городской и, как говорится, «из другого теста».

Однозначно её и не охарактеризовать, так как в любом определении на её счёт можно быть несправедливой. В одном лишь точно не ошибёшься – была она женщиной непростой.

Вместе с дедом Петром они воспитывали двух дочек. Старшая Надя – отцова, младшая Оля – мамина. Но и отцова тоже.

Столько уж мачех описывали в литературе, что набили оскомину, и возникает вопрос, а однозначно положительных мачех, что, не бывает? Бывает, наверное, но и в этот раз всё неоднозначно.

Честно говоря, влипла Надя, как кур в ошип. И не без своего участия.

Когда-то при разводе со своей первой женой, а была она не много, не мало, актрисой, правда неизвестно, каких театров, строгий дяденька судья спросил у маленькой Надюши:

– А с кем ты хочешь остаться, детонька, с мамой или с папой?

И детонька ответила:

– С папой.

И на этой раз правосудие пошло на поводу у ребёнка. Разумеется, там были и другие аргументы, но в семейной памяти они не сохранились.

Актриса неизвестных театров не шибко, видать, горевала, и вскоре исчезла, больше её и не видели. А ребёнок остался с папой, а потом выяснилось, что к папе теперь прилагается тётя Зина.

В детстве Аришка наблюдала, как Надю тётя Зина всё больше критиковала, считала её простушкой, если не полудурочкой.

К младшей же, Оле, было другое отношение. Её словно поставили на невидимый пьедестал, возможно, даже заслуженно. Вся родня считала её умной и перспективной. Её все любили и уважали.

Так и росли обе девчонки, и с возрастом старшая становилась простушкой всё в большей степени, а младшая обретала черты, достойные своего пьедестала.

Посади деревце, да поухаживай за ним, подвяжи веточки, направь их в нужную сторону, и вырастет оно стройным и высоким, любо-дорого посмотреть. А ткни саженец как попало, да придави его сверху пяткой, и увидишь, что будет.

Но девочки любили друг друга.

Бабушка к своей невестке внешне относилась уважительно. Возможно, она в её присутствии немного напрягалась.

Но «за глаза» не сказала про неё ни одного плохого слова.

Тётъ Зина в гостях вела пустые, с Аришкиной точки зрения, разговоры и оказывала Ольге всякие знаки внимания и помощь, даже в мелочах, чем удивляла и вызывала толлику презрения у непривыкших к таким телячьим нежностям Аришки и Андрея. «Тётъ Зина Ольке моет голову. А Ольке вон сколько лет. Мы и то сами себе голову моем».

Когда, будучи взрослой, Аришка училась в университете, то несколько дней жила с тётъ Зиной. И у Аришки немного «поехала» крыша. Неизвестно, что тому явилось причиной, то ли тётъ Зинина многогранность, то ли Аришкина слабая крыша, то ли и то и другое, но дело было так...

Когда Аришка явилась, как снег на голову, на тётъ Зинин порог и объявила новость, что придётся тётъ Зине потесниться на несколько дней и оказать Аришке гостеприимство, тётъ Зина согласилась. Хотя имела полное право Аришку послать в другое место, так как дед Пётр к тому времени нашёл себе другую женщину, тётъ Зину, получается, бросил, и Аришка была в таком случае здесь почти никто.

Но тётъ Зина теперь жила одна. Надя уже давно отделилась, не без помощи своей мачехи приобрела квартиру, по прямому указанию той же овладела надёжной профессией, вышла замуж и развелась, растила ребёнка. Общение между ними почти иссякло. Взрослая Надежда о своей мачехе плохого ничего не сказала, та же говорила много, в основном, неприятное. К этому времени у тётъ Зины сложилось убеж-

дение, что её приёмная дочь никчёмная дурочка.

У Оли же было почти тоже, но на порядок выше. Работа в престижном московском университете, муж, ребёнок. И ореол одарённости и таланта.

Аришка была принята. Тётя Зина выделила ей комнату. Живи, учись, занимайся, к учению в этом доме всегда относились с уважением.

В первый же вечер тётя Зина провела Аришку по своей квартире, знакомя с обстановкой. Показала ей и довольно толстую пачку денег:

– Ариша, вот эти деньги смотри не бери, – она принялась подробно объяснять, что жильцы дачного посёлка собрали их для дачных нужд и вручили тёте Зине на хранение как избранной старосте, – так что, эти деньги общественные, я за них отвечаю. Если что-то нужно будет купить, мои деньги в другом месте.

Тётя Зина показала.

– Хорошо, – пролепетала двадцатитрёхлетняя Ариша. Чужие деньги она не имела привычки брать.

И вот наступила ночь. Тётя Зина, наверное, спокойно спала в своей постели, хотя, кто знает? А вот Аришке точно не спалось. Было неприятно – в чужом доме, в чужой кровати, вдали от мужа. Она смотрела в окно, слушала ночные городские звуки, а сон всё не шёл.

Мысли перескакивали с одного предмета на другой и неожиданно наскочили на дачные деньги тёти Зины.

«А вдруг она их потеряет? Спрячет куда-нибудь и забудет, а потом решит, что это я их взяла...».

«Кукуха», пока ещё не поехавшая, обрабатывала этот вариант, рассматривая проблему со всех сторон, решая с какой будет легче съезжать. И решила! Правда, за давностью лет Ариша забыла плавный переход к следующей мысли. Поэтому, если логика сейчас не будет прослеживаться, это не значит, что в ту ночь логики не было. И по какому мостику скатилась «кукуха», теперь не вспомнить, но внезапно сердце дрогнуло от страшной мысли:

«А если эти деньги я возьму?»

«Как? – спросил у «кукухи» здравый смысл. – На фига тебе эти деньги? Зачем ты их будешь брать?».

Но той ночью, похоже, здравый смысл был сонный, а «кукуха» бодрa и горазда на выдумки.

«Ну, многие люди делают и не такие страшные вещи втайне от других... И даже от себя. Это называется, кажется, шизофрения, раздвоение личности, когда одна половина человека даже не догадывается, что вытворяет вторая. Вспомни...»

И тут услужливая «кукуха» стала предлагать на рассмотрение все известные фильмы и художественную литературу на эту тему.

Здравый смысл запротестовал, что всё эти ужасы в фильмах и книгах, а в жизни такого не бывает.

«Бывает» – сказала «кукуха» и заулыбалась, потому что

поняла, что победила.

Короче, Ариша всю ночь не спала, пыталась контролировать все половины своей личности, не дать им завладеть дачными деньгами или не натворить ещё худших дел. «Кукуха» подсказывала каких.

На следующее утро невыспавшаяся Ариша поехала в университет и весь день думала, что она сошла с ума. Подружка Лена не могла понять, что случилось. Почему Аришка такая задумчивая и оглушённая. Аришка несколько раз пыривалась ей рассказать про свою проблему, но останавливала мысль, что не поймёт. Абсолютное большинство людей не поняли бы. Она со страхом осознавала, что скоро будет новая ночь и принесёт ей новое безумие.

Короче, это наваждение проходило долго и постепенно. А что стало причиной, каков механизм этой фигни и во что это в действительности могло вылиться, знают, наверное, психологи и психиатры, ну и психи, конечно. Кто-нибудь из них, возможно, и объяснил бы.

Например: Аришку однажды заподозрили в воровстве, правда, в детстве, и всего лишь колоды карт, но это сломало какой-то рычажок в мозгу. И теперь Аришкина реальность была такова, что невиновный человек может оказаться виноватым всё равно. Как вариант пойдёт?

В общем, тут какая-то психологическая загадка.

А исцеление положило своё начало в откровенном рассказе другой подруге Юле о своих страхах. И та её поняла и

поддержала. Правда, сама такого не испытывала, но твёрдо знала, что в жизни бывает всякое. Потому что в своей жизни Юля тоже пережила немало.

А после Аришка поняла, что внутренний огромный зверь, который, казалось, прочно поселился в её рассудке, становится не таким уж страшным червяком, стоит его лишь вытащить наружу и рассмотреть внимательно при свете и на свежем воздухе.

А как со своими душевными тиранами справлялась Надя, если они у неё, конечно, были, она не рассказывала.

Может и напрасно Аришка не рассказала Лене, решив, что она не поймёт, и, что хуже, осудит. Та со своим мужем тоже пережили неоднозначное событие. Правда, это было значительно позднее.

Немного предыстории.

Лена с Юрой решили переехать из районного центра в Брянск. На самой окраине города они купили избушку-развалюшку, снесли её и на этом месте построили уютный небольшой дом. Ариша бывала там. Совсем окраина. Через несколько метров начинались заросли, какие-то водоёмы, конец города.

Лена и Юра – дружная семейная пара, оба красивые, но есть у них одна черта, которую не многие одобряют – любили они по вечерам посидеть за бутылочкой. Работе это не мешало, обоим нравился и процесс, и результат. Не нравился, правда, единственному сыну Даньке, но тут уж на всех не угодишь. Всё, предыстория закончилась.

История случилась вечером 6 января. Перед Рождеством.

В этот вечер то ли бутылка была чекушка, то ли ещё что, но выпить закончилось, а вечер – нет. И отправился Юра за новой дозой, магазин ещё работал, и до него было относительно недалеко. Ушёл и пропал. Нет и нет. Лена стала ему звонить.

Долго идут гудки. Наконец, берёт трубку. Голос невнятный, бормочет что-то маловразумительное. Мужики какие-то, скоро будет, бросает трубку. Немного подумав, Лена опять его набирает, нервничает, пытается вернуть мужа. Тот опять долго не берёт, потом разговор движется по тому же бестолковому кругу и прерывается. Через какое-то время Лена делает новую попытку.

Когда Юра вернулся, Лена на него набросилась, как утка на майского жука, решив, что он бессовестным образом променял её на каких-то мужиков, нахрюкался с ними до поросячьего визга, и теперь она ему задаст за весь испорченный вечер. Но Юра был почти трезвый, только бледный и перепуганный. И её возмущённый накал встретил таковыми словами:

– Лен, сейчас со мной случилось что-то нереальное. То ли у меня белая горячка, то ли я только что встретился с бесами...

Возвращался Юра уже из магазина, когда вдруг неожиданно вынырнули два мужика. И к нему. Оба юркие, странные. Таких мужиков Юра как-то и не встречал. Прицепились к нему с разговором, наседают, что-то спрашивают, тут же за него отвечают, зовут к ним в гости посидеть, выпить. Юре и не надо было это общение, и в гости ни к чему, но они увлекают, под руки тянут. А куда тянут? Понял Юра, что в той стороне, куда они его зовут, нет домов. Там кусты и поле. Затормозил он.

А у самого от всего этого мельтешения, голова как в тумане. А мужики не дают опомниться, вот уж один выпить предлагает прямо тут. Полез за пазуху и вытащил оттуда полную рюмку спиртного. Юра подумал: «А как это у него рюмка налитая в кармане была? Или он только что налил? Но я не видел».

Не хочет Юра с ними идти, но не знает, как вырваться. Хотел ударить самого настырного, а рука не поднимается.словно под водой, все движения медленные и бессильные. Не может руку поднять для удара.

И только настойчивые звонки Лены немного выводили его из этого транса.

На следующее утро, Рождество, Юра, как только рассвело, пошёл на то место, посмотреть на следы, попытаться понять, что произошло, и куда его тащили.

И ещё одна история из области сверхъестественного. Или около этого.

Передавалась она из уст в уста, по дороге изрядно истрепавшись, и, если где-то получится нестыковка, отнесём её к допустимым искажениям в виду трудности этого самого пути.

Случилась в Лосевке, в посёлке, где Аришка прожила большую часть своей взрослой жизни. А вот время можно только предположить. Начало девяностых. Или последние годы советской эпохи. Неважно. Просто нужно учитывать дефицит на самые элементарные товары.

Работали в кафе девчонки. Разных возрастов. Сдружились за долгие годы. Имена народная молва не сохранила, поэтому называть будем по ходу повествования. История подлинная.

Пришла на работу Катя, напуганная:

– Девчонки, посмотрите, что я нашла у себя под ступеньками.

Она держала в руках спичечный коробок. Девушки собрались вокруг, смотрят на коробок, но взять в руки не решаются. Уж больно вид у Кати тревожный. Не хочется и самим такими же тревожными ходить.

Катя поняла, что все ждут её дальнейшие разъяснения,

раскрыла коробочку.

Девочки склонили носы ниже, разглядывают.

– Что это? Земля? Похоже на землю. Или песок? Может, порошок какой? Где ты, говоришь, нашла?

– Под ступеньками. Я там ключ прячу. А тут гляжу – спички, раскрыла коробок, а тут это... не спички.

– Лучше бы ты его в руки не брала.

– А что ж теперь делать?

– Не знаю.

– Не знаю.

Одна за другой девочки признавались в своей беспомощности, и лишь верная подруга Света предложила решение:

– К бабке надо ехать.

– К какой бабке? Не знаю я, никаких бабок.

– В Ясенево, слышала, есть какая-то.

– Ой, да я боюсь. Свет, поехали вместе?

– Ну, поедем.

Когда подруги сходили с автобуса в Ясенево, понятия не имели, где эту бабку будут искать. Но язык, говорят, до Киева доведёт, а уж до киевской ведьмы, то бишь, ясеневской, тем более. Короче, нашли.

Бабушка проблему поняла с ходу. И действовала осторожно. В руки злополучный коробок не взяла, велела положить его на платочек, девкам наказала сидеть подальше, не мешать, пока она работает с неопознанным материалом будет. Все сели. Бабка перед коробком, что-то шепчет. Девки по-

дальше, на диване, во все глаза за бабушкой наблюдают.

Бабушка шепчет, издаёт какие-то звуки, закатывает глаза. А потом как стала зевать. Как стала зевать! Жуть. Катя со Светой сидят, дрожат, по реакции бабушки понимают, что всё серьёзно.

Долго длилась процедура. Потом бабушка встала, завернула коробок в тот же платок, подаёт хозяйке. Та не проявила желание брать в руки такое. Но бабушка успокоила:

– Не бойся! Сняла я страшное заклинание. Сильно кто-то постарался. И на тебя, и на всю твою семью наложил. Теперь слушай внимательно, что дальше делать. Бери, не бойся, прямо в платочке сожги, пепел весь собери и раскидай по киевской трассе, чтобы машины своими колёсами этот пепел куда подальше увезли.

(В пяти километрах от Лосевки проходит московско-киевская трасса).

Света и тут верной оказалась, не бросила подружку. Вместе как-то добрались до трассы, там же, на обочине сожгли. Долго пришлось повозиться, немало дополнительно вспомогательных материалов сжечь. Пепел бережно собрали, а потом и по трассе щедро рассыпали, стараясь по тем местам, где колёсная колея находится, чтобы уж около Лосевки этой гадости не осталось.

Всё, казалось бы, конец повествования, но нет. Осталось немного.

Через какое-то время в кафе пришла общая подружка и

бывшая коллега Оксана. Она здесь раньше работала, часто заходила, со всеми дружила. Зашла в нужный момент, когда народу никого, все работницы сидели за столом и чаёвничали. Ну, она знает, когда заходить.

Поздоровались, пообщались, потом Оксана и обращается к Кате:

– Ты у меня перец молотый просила. Я к тебе приходила, тебя дома не было. Я под ступеньки положила. Ты нашла? В спичечном коробке?

Молчание... потом хохот... и ответ Кати:

– Нашла, и уже сожгла, и пепел по киевской трассе раскидала.

– За..чем?

– Чтобы машины своими колёсами куда подальше увезли. Теперь, всё.

Путь на конюшню открыл, наверное, Андрей. В пять лет он проскакал на коне по деревне. Все ахнули. Свидетели этого зрелища пытались это самое зрелище остановить. И начало было положено.

Вскоре тропинка на конюшню забетонировалась от детских ножек. Всему виной – редкостное добродушие конюха Витьки Быкова. Был он по деревенским меркам дурачок. В армию не взяли – забраковали, и он нашёл себе место около лошадей.

Родители его были людьми обычными. А вот с детьми оказалось не всё так просто. Причём, сложности возрастали от старших к младшим. Если бы старшая Валя была единственным ребёнком в семье, возможно, никто бы и не заподозрил ничего. Ну, подумаешь, картавит слегка, бывает. Зато симпатичная. Короче, не все и не сразу замечали, что что-то не то.

Однажды из-за неё подрались два солдата (воинская часть останавливалась в деревне). Так вот, солдаты не просто подрались, но один другого ранил ножом. Все охали:

во-первых, жалко было пострадавшего;

во-вторых, жалко было нападавшего. Аришка его видела сразу после происшествия, ещё до приезда милиции. Он был пьян и плакал;

в-третьих, а подрались бы они из-за Вали, если бы как следует её узнали? Много деревенских и мужиков, и баб не прочь были бы солдат в этом вопросе просветить.

Чем дело с солдатами закончилось – неизвестно, а вот бедную Валию никто не пожалел. Но вскоре она уехала и там, вдалеке, вышла замуж. Говорят, удачно.

Средняя Галя по возрасту была поближе к Аришке и её подругам и они, бывало, общались. Галя часто просвещала девочек во всяких женских делах. И Аришка, однажды наслушавшись её, решила, что замуж не пойдёт. Потому что, ну просто невозможно пережить эту первую брачную ночь, да и людям как в глаза смотреть после такого?

А вот между сердцами детей и сердцем младшего, парня лет восемнадцати – двадцати, Витьки, протянулась приязнь, которая породила на некоторое время немного странную и необычную дружбу.

Потом дети выросли и, как-то незаметно, оставили Витьку, и он остался один. Но это было потом.

Витька был темноволосый, волосы вьющиеся. Лицо мягкое, улыбающееся, добродушное. Он чаще молчал, слушал и соглашался. И детям он не казался таким уж дурачком. Скорее по развитию он был равным с ними, а потому с ним было интересно. Уговорить его на какие-либо приключения было легко. Но обычно хватало и его работы в качестве приключений.

Вот, например, зимой.

Витька запрягал в сани подходящую лошадку. Дети крутились рядом. Вскоре мальчики тоже научились запрягать. Научилась этому и Райка Окунева. В последнее время они с Андреем сдружились. Оба ловкие, шустрые.

Аришка эту арифметику так и не осилила (в смысле лошадей в сани так ни разу не попробовала запрячь). И вообще, чувствовала себя немного неповоротливой.

Итак, лошадка готова, в санях подстилка в виде соломы, дети горохом сыпались сверху, усаживались как придётся. Вожжи брал в руки Витька, но мог и передать их любому желающему, и начинался путь.

Лошадка шла шагом или бежала ленивой рысью. Полозья издавали скрипучий визг и оставляли после себя две гладкие полосы. Мимо проплывали дома, деревья, а потом выезжали в поле. Там стояли стога сена или соломы. Витька вилами нагружал это добро в сани. Дети помогали, чем могли. Чаще руками. А то и просто утрамбовывали своим весом. Нагружали немного, жалели лошадку, а день длинный, можно и ещё разок съездить.

И как-то получалось всё ловко, весело и безобидно.

Аришка раз попала под сани. Одна сторона полозьев проехала прямо по её туловищу. Но, то ли она лежала в глубоком снегу, то ли эта процедура вообще не опасная, всё оказалось быстро и безболезненно. Хотя Витька испугался, даже на ручки Аришку подхватил. А Аришка только глазами хлопала, испуг быстро прошёл, а удивление задержалось: «И как это

меня не раздавило?»»

Больше всего с Витькой Быковым и его конюшней дружили Аришка с Андреем, Райка и Вовка Окуневы и Аня Галдина.

Анька Галдина была из многодетной семьи. У неё есть старший брат Ваня, она вторая, а потом рождались и рождались, в основном, братики. Ну, и две сестрички порадовали уже отчаявшуюся дожидаться Аньку.

Ваня, хоть и не намного был старше, гулял с другой компанией, и с Аришкиными друзьями они редко пересекались.

А вот Анька была подругой Аришки. Её мама также работала на ферме. Возможно, там они (Аришка и Аня) и познакомились. Но не факт. Когда с рождения люди живут рядом друг с другом, какой момент можно считать знакомством?

Может быть тот, когда, наконец, встреча запомнилась. Но самые ранние воспоминания нечёткие, фрагментарные, ускользающие. Потом припоминаются более сюжетные, но, поди, разберись, какое из них было раньше.

Вот Аришка с Анькой помогают соседской бабушке-старушке. На тачке перевозят досточки. Работают и во всё горло расппевают пионерскую песню о самоотверженных героях, то есть, кажется, про себя. И хоть сами ещё явно октябрюта, но самодовольное воображение устремлено в светлое будущее.

Тут же услужливая память предлагает полюбоваться на будущих пионеров с другого ракурса. И кому из них первой в голову пришло назначить.. (страшно сказать) любовное свидание Витьке Быкову в.. (ещё страшнее) лесу. Идут в лесок,

такие довольные, взявшись за руки. И Витька на лошади их обгоняет. Тоже торопится на свидание.

Ну что ж, состоялось randevu.

Домой вернулись в зимних сумерках и с мётлами. Нашли целую кучу этих мётел. Видать лесные рабочие с осени заготовили, да забыли вывезти. Вот и решили девчонки домой прихватить.

А вот ещё одно.

Лето. Всё зелено, солнце, птицы. Аришка с Аней гуляют около леса. Здесь растут кусты орешника, а под ними земляника. За каждым кустом, как за занавесом, комнаты зелёные открываются: одна, другая, разные. И все уютные.

У Ани на руках братик Лёнька, он ещё не умеет ходить.

Лёнька болеет какой-то непонятной болезнью: ему нельзя плакать. Аришка это уже знает, но ни разу не видела, в чём там дело.

И вот что-то случилось – заревел. Аня торопливо его пытается успокоить. Она трясёт его на руках и а-а-акает. Аришка беспомощно наблюдает рядом. Что делать – не понимает, она совсем не умеет успокаивать малышей.

Лёнькин плач усиливается и вдруг замирает на какой-то высокой ноте, но это потому, что похоже, он перестал дышать.словно в его горле этот плач застрял вместе с воздухом в каком-то определённом месте и не проходит ни туда и ни сюда.

Глаза его закатываются, лицо синеет, и он становится как

тряпичная кукла. Анька его трясёт, хлопает ладонью по спине. Аришка в напряжении ждёт, когда это всё закончится. А это длится, длится, становится страшно, вдруг Лёнька уже не задышит.

Наконец, крик находит выход, прорывается наружу, Лёнька тут же его останавливает и судорожно втягивает воздух, девочки облегчённо выдыхают. Фух, всё.

В родной деревне девчонки прожили бок-о-бок много лет, много было у них ещё приключений, но о них рассказ впереди.

Когда в деревню на постой, или на работу, или по какой другой государственной надобности, вселились солдаты, это, естественно, взбудоражило всю деревню, особенно женскую её половину.

Солдаты расположились на краю посёлка в пустующих казённых домах. И дети первыми потянулись в ту степь.

Солдаты были щедрыми и гостеприимными. Дети нахальными и без комплексов. Вскоре малышня узнала имена самых доверчивых, и, придя к, теперь уж, солдатским домам, кричала что-то типа: «Сергей, выйди-и. Саша, выйди-и!». Те выходили. Часто с тарелкой, на которой лежал твёрдый кусок киселя. Это было угощение для деревенской детворы. И дети его по очереди и с разных сторон грызли. Или разминали в густой порошок и лизали.

Иногда случалось проникнуть и внутрь казармы, где малышня с жадным любопытством рассматривали солдатский быт, а те, обычно, на детей особого внимания не обращали и занимались своими делами.

Один случай Аришка вспоминает со стыдом. Они как-то с Аней Галдиной попали в солдатскую столовую. Был обед. Солдаты сами ели и девочкам подали солдатский борщ и перловку с рыбой. А на третье, как полагается, компот.

Но девочки не торопились есть, потому что знали, что в

большой алюминиевой кастрюле была сладкая молочная каша. А её-то солдаты девочкам не предложили, а вот её-то девочки и хотели больше всего на свете, на тот момент, разумеется, и задумали хитроумный план. А если вещи называть своими именами, то, получается, кражу.

Они ели борщ с перловкой так медленно, что пересидели всех солдат. И те ушли по своим солдатским делам. В столовой остались Ариша, Аня, вождельённая кастрюля и ещё кое-что из ненужного.

Едва за последним солдатиком закрылась дверь, две неназванные подружки подняли крышку огромной кастрюли. Каша там было – белое море. Каша была манная и густая. Они схватили по ложке и стали есть прямо из кастрюли. Черпали и воровато оглядывались на дверь. Но никто не зашёл.

После, чтобы скрыть следы преступления, они разгладили поверхность каши ложками, оставляя гладкие полосы и вывалились из столовой. На этот раз – наелись.

Аня, иногда рассказывала эту историю с романтическим блеском в глазах. Уж очень каша была вкусная. Аришка, хоть и поддакивала, но её смущало какое-то сомнение. Как-то всё представлялось неприятно удивлённое лицо повара, когда он рассматривал непонятные борозды на каше, пытаясь разгадать их происхождение. И разгадывал с тяжёлым вздохом. «Запусти козла в огород...»

Коровы в деревне были у многих. Почти половина дворов имела у себя рогатую любимицу. Доярки, естественно, в своём хозяйстве коров не заводили, молоко приносили с ферм. Надоят вручную от той коровы, которая даёт самый вкусный продукт, перельют в баночку, баночку поставят в коровью кормушку в уголок, присыпят сенцем. И стоит оно, дожидается окончания дойки. А когда домой пора идти, доярка сунет банку подмышку, зимой за фуфайку и идёт себе спокойненько. Даже мимо Сан Саныча – председателя. Но, что он, не знает, что у доярки свои детки и их кормить-поить надо.

Ни разу Аришка не замечала, чтобы кому-нибудь доставалось за добытое таким образом молоко.

Мало было коров и среди молодого поколения, живущего в поселковой, более современной части деревни. Там уже были жители, повёрнутые на городской образ жизни. Им хотелось после работы отдыхать.

А вот старшие растили своих детей и внуков на своём молоке.

Пастуха не было, коров пасли по очереди.

Когда наступала бабушкина очередь, Аришка каждый раз хотела раньше проснуться и тоже гнать коров в поле, забирая каждую от своего двора. Аришка просила бабушку, что-

бы та её обязательно разбудила. Убедительно просила, так ей казалось. Но бабушка в этом смысле была человеком ненадёжным. Аришка это уже поняла и больше надеялась на какое-либо чудо, которое её вовремя разбудит. И ведь правильно надеялась! Разбудило чудо-то. Аришка чуть ли не кубарем скатилась по печной лестнице и на улицу.

Солнце едва взошло, изумрудная трава была мокрой от росы, петухи кричали, птицы пели, а вот бабушки и коров было не видно, не слышно. Аришка остановилась в нерешительности. Куда повернуть? Если бабушка уже прогнала коров, значит, она всё-таки проспала и надо бежать в поле, чтобы хоть к чему-нибудь успеть, а вот, если она не опоздала...

Аришка, наконец, решила и повернула в ту часть деревни, в которой начинают собираться коровы в стадо. И угадала.

Бабушка была ещё, можно сказать, в самом начале пути. Увидев Аришку, она удивилась:

– Проснулась?

– Ага, – сказала Аришка хмуро, обиду надо всё-таки показать. – А ты меня опять не разбудила.

– Ну, будет, помогай мне теперича, раз спать не хочешь, – бабушка протянула Аришке длинный кнут.

И они пошли. Как командиры. Аришка чувствовала себя такой деловой и важной, что никак не могла прогнать у себя с лица дурацкую глупую улыбку, которая всё портила. Девочка время от времени била кнутом по пыльной дороге и

кричала недовольным голосом, подражая суровым пастухам: «А ну, пошла», – на замешкавшуюся корову и та послушно отрывалась от вкусной травки и ускоряла шаг.

А впереди возле своих дворов стояли хозяйки с новыми коровами, стадо увеличивалось в размерах, так что Аришка стала опасаться, что может потерять над ними свою власть.

На лугу удобно разместились с бабушкой под одиноким деревом, а коровки мирно паслись рядышком. Теперь до обеда лежи, сиди, наблюдай за скотиной.

В жаркие дни коров в обеденное время гоняли в деревню. Чтобы их напоили, подоили дома. Но чаще дойка была полевая. Коров подгоняли ближе к деревне и оттуда уже выходили хозяйюшки с подоиниками и детьми. И хозяйюшки, и коровушки искали глазами друг друга и приветствовались. Коровушки ласковым «му-у-у», а хозяйюшки хлебом с солью. Хозяйюшки раскладывали захваченные стульчики, усаживались около кормилицы, стараясь укрыть упругое и беззащитное вымя от завистливых и дурных глаз. Дети тут же затевали нехитрые игры, резвились на вольной воле.

После дойки подоинок аккуратно сверху завязывали чистой пелёночкой и расходились по домам, весело беседуя с подругами и соседками.

А коровушки – лапушки вновь принимались за своё коровье дело, чтобы и вечером хозяйюшку было чем порадовать. Было около четырёх часов, когда бабушка заволновалась: – Ариш, побудешь с коровами тут одна? Я быстро схожу,

напою коз.

– Ла-адно, – неуверенно протянула Аришка и посмотрела на своё стадо. Всё выглядело мирно, казалось, что так и будет.

Бабушка торопливо пошла в сторону деревни, а коровы стали вдруг вести себя не то, чтобы подозрительно, а как-то не совсем правильно. Только что они паслись спокойно и очень даже кучковато, а сейчас стали расширяться. Вот одна рога наострила, ест траву, быстро переходя от одной вкусной метёлке к другой и двигаясь от стада. Надо её повернуть, пока она совсем не удрала в чистое поле.

Аришка побежала к ней, замахала перед её мордой прутком, корова нервно повернула.

Аришка увидела на другом конце стада – ещё одна вырвалась, того и гляди нырнёт в дремучий лес. Аришка побежала к ней...

Когда минут через тридцать бабушка показалась на околице, стадо как подменили.

По полю бегали полубезумные коровы, не понимая, что от них хочет эта дурная девчонка с писклявым голосом. За коровами бегала Аришка, не понимая, как заставить этих дурных животных остановиться и успокоиться. До бабушки донёсся едва слышный плаксивый голос:

– Бабуш, иди скорее, а то они сейчас разбегутся.

Бабушка ускорила шаг.

Уже после, успокоившись, Аришка поняла, что пастухом

быть не так уж и легко.

В центре деревни стоял магазин. В нём работала тётя Валя по прозвищу Завмаг. Иногда её ещё называли Перерыв.

Магазин работал, не особо соблюдая режим. Завмаг могла отлучиться домой в любое время, объяснив потом ожидающим её односельчанам, что это был перерыв.

Впрочем, односельчане не так уж часто бегали в магазин. И часы нашествия покупателей тётя Валя, конечно же, знала.

В первую очередь шли в магазин, когда привозили хлеб. А привозили его очень редко. В разговоре на эту тему со своим любимым дядей-одесситом, Аришка сказала, что, наверное, два раза в месяц. Дядька не поверил. Аришка тогда подумала, что, возможно, она ошиблась, но на сколько – не знает.

В тот день, когда привозили хлеб, бабушка и её соседи шли в магазин с пустыми чистыми мешками, а возвращались с теми же мешками, но наполненными под завязку ржаными буханками.

Иногда до следующего приезда хлебной машины эти буханки покрывались густой пушистой плесенью. Бывало, эта плесень начинала особо колоситься, когда ненароком пропускали очередной привоз хлеба. Тогда обрезали со всех сторон корки и ели немного чёрствую и суховатую внутренность. Вполне съедобно, с Аришкиной точки зрения. Поэтому по дальнейшей жизни Аришка плесени не боялась, смело

отодвигала её в сторону, если в этом была нужда и употребляла продукт.

Ещё в магазине давали конфеты «внагрузку». Это когда конфеты, в фантиках или без, потеряют свой товарный вид в виду непредвиденно долгой лежалости, пустят свои конфетные соки, слипнутся друг с другом в большой спаянный комок, вот тогда Завмаг начинает продавать их «внагрузку». То есть, хочешь ты или не хочешь, но к твоей покупке добавят комок такой, какой удастся урвать у большого общего комка.

Вначале, когда сосёшь эти конфеты, их поверхность кажется неприятной для языка и немного безвкусной, но потом эта поверхность растворяется и начинается гладкая и сладкая внутренность.

В магазине бывали очереди, но стоять в них среди односельчан интересно. Столько разговоров, шуток, новостей, перебранок.

Мужики, бывало, без очереди покупают себе бутылку и на закуску зачёрпывают прямо из бочки мелкую рыбёшку. Засунут руку в коричневую жидкость и вытаскивают столько, сколько поместится в жмене. Только головы и хвосты торчат во все стороны между пальцев. Завмаг её не взвешивает, а чуть прищулив глаз, так оценивает и щёлкает костяшками весов, прибавляет к стоимости бутылки несколько деревянных колёсиков.

А в больших голубых ящиках лежат конфеты. Вот из-за этих-то конфет Аришка и мечтала, когда вырастет, стать

продавцом. Можно то из одного ящичка конфетку съесть, то из другого. Вон их сколько, кто заметит?

Если следовать Аришкиному рассуждению и моментом знакомства считать первое воспоминание об этом человеке, то воспоминание о Танюшке Вершининой следующее.

Магазин. Очередь. Впереди Аришки красивая куртка. На белом фоне красные узоры. В куртке девочка. Она стоит спокойно, смотрит на ассортимент, на продавщицу, на Аришку не смотрит, Аришка сзади. Почему-то кажется, что это – то самое знакомство или полужнакомство.

Второе воспоминание (девочки уже общаются): Аришка пришла к Танюше в гости и та делится радостью. Научилась танцевать.

– Хочешь, покажу?

– Покажи.

И Танюша под собственное «тра-та-та, та-та-та-та», резко вскинув руки, затопав ногами в такт, затанцевала «лезгинку».

– Здорово, – оценила Аришка, – научи и меня.

Недавно к Аришке попали редкие фотографии деревенских детей, и у неё сжалось сердце. Танюшка особенная. Это чувствовалось тогда, это видится и из «прекрасного далёка».

Высокая, длинноногая, в нарядных аккуратных платых. Густые белокурые волосы украшены бантами. Большие серо-голубые серьёзные глаза.

Аришка часто приходила к ней в гости. В её доме уютно. Родители её были в возрасте. Танюшка была «последышкой». Старшие братья поженились и разъехались.

С Танюшкой было приятно и мирно. Всё, что она делала, хотелось делать с ней.

Каждый день она вымывала в доме полы. Во всех комнатах. Аришка ни разу не слышала, чтобы её заставляли. Возможно, это вообще Танюшкина инициатива. Полы были покрашены красно-коричневой краской, кое-где верхний слой облупился. Ну, ещё бы, столько мыть!

Программу телепередач, напечатанную в газете, она просматривала и отмечала интересное подчёркиванием. Аришка хотела перенять эту привычку и пару раз дома у мамки так делала, но вскоре забросила. Дома это казалось пустым занятием.

Танюшкин дом стоял у самого леса. Сразу за забором грунтовая дорога делала поворот, а за дорогой – лес. Но сколько там было уютных уголков для игр!

На ферму и конюшню Танюша не ходила, играла в девичьи детские игры.

Где-то посреди дороги между домами Танюши и Аришки рос старый дуб. В его дупле девочки устроили тайник. Туда клали записки друг для друга.

Танюшка была чудом, безупречной девочкой. И Аришка, чувствуя рядом с ней свою второсортность, часто у неё спрашивала:

– Танюш, с кем ты больше всех дружишь?

И с облегчением слышала в ответ:

– С тобой.

Как-то к Вершининым приехал старший Танюшин брат с семьёй. Погостив немного, оставили своего маленького сына Серёжку и уехали по своим делам.

И стали они играть втроём. Малыш был послушный и тихий.

А потом случилась неприятность. Пропала колода карт. И родители Танюши подумали, что их украла Аришка.

– А ты что думаешь? – Аришка не стала отпираться, понимая, что это пустое, ей просто нужно было знать мнение любимой подруги.

– Я думаю, что их Серёжка куда-то подевал, – по её тону Аришка поняла, что у подруги нет сомнений.

И потускневший на какой-то момент мир вновь заиграл красками. А потом эту колоду нашли под кроватью.

Как-то холодным летним днём гуляли с девочками.

Кто-то сказал:

– Ариш, у тебя одна губа синяя, другая красная. Посмотрите, девочки, как смешно.

– Потому что я замёрзла. У меня ноги замёрзли.

Обутая в туфельки, Аришка была без носок.

Танюша сказала:

– Нужно ноги обернуть газетой.

Где-то нашли газету, Танюша помогла Аришке. Ух, как

стало ногам тепло и приятно. Прямо чудо какое-то.

Уже став взрослой, Ариша читала об этом способе в «Унесённых ветром».

Говорят, что человек как алмаз с множеством граней. И общаясь с кем-нибудь, люди соприкасаются похожими гранями. Поэтому в другом человеке мы видим своё отражение, свои качества. Аришке хотелось бы думать, что она в чём-то была похожа на свою подружку.

Бабушка Варвара приобрела для своей матери козу. Это было взрослое наглое создание с вздорным характером. Козу звали Седкой.

Ещё повезло, что она была безрогая. Шерсть её была седая, уши торчали в разные стороны – узкие и длинные. Из круглого вымени точно также торчали в разные стороны соски.

Вообще, вид у неё был дурацкий. Но смех над собой она не любила, и судя по всему, о себе была высокого мнения. И, если что-то не так, тут же становилась на «дыбки», то есть, вскидывалась на свои задние кривые ноги, угрожающе нагибала голову, забывая, что у неё нет рогов, и бросалась на обидчика.

Иногда обидчику доставался удар «под дых», иногда обидчик улепётывал, но чаще обидчик принимал бой. Хотя, обидчиком чаще была Седка, а другой участник битвы просто мимо шёл.

Глаза её были полушалые. Какой-то разум светился в прямоугольных зрачках, но дурь светила ещё ярче.

Седка была брезгливая, и, если ей давали откушенное печенье или яблоко, она его ловко переворачивала своими губами прямо во рту, откусывала нетронутую часть, а попорченную чужим ртом роняла наземь.

Потом Седка размножилась, и появилось много других козочек и козлов, но как-то они не обрели индивидуальность.

Хочешь поссориться с соседом? Заведи коз. Это не про бабушкиных. От дома они никуда сами не отходили. Всегда жались к широкому порогу или к дворовым воротам. И ждали бабушку, потому что гуляли только с ней.

Бабушкин день был наполнен работой с утра до позднего вечера, но всё же она выделяла время для коз. Она выносила складной лёгкий стульчик, подарок сына Петра, вскидывала через голову и плечо верёвку плетушки и шла. Козы тут же трогались за ней. Она переходила пыльную дорогу. На той стороне улицы когда-то, возможно, был дом, теперь же экраном открывался живописный вид на лес чуть вдалеке и зелёный лужок перед ним. Здесь и пасла бабушка коз. В минуте-другой ходьбы от дома.

На этом лужке пересекались умеренно заросшие лозой овраги. Это был почти идеальное место для коз.

Бабушка никогда не сидела без дела. А если была возможность совместить несколько дел сразу, она эту возможность не упускала.

Вот и пася коз, она рвала крапиву для поросёнка, резала лозу, чтобы позже сплести новую плетушку, связывала прутья в вязанку и, нагрузившись дарами природы, возвращалась домой со своими питомцами. Козы её любили, и даже Седка никогда свои подлости не совершала по отношению к

бабушке.

Бывало, бабушке некогда пасти коз, и она просила Аришку отогнать их на луг.

О, это морока. Козы никак не хотели видеть в ней вожака или хозяйку и добровольно идти с ней отказывались. Тогда Аришка принудительно старалась сделать их сытыми и счастливыми и, взяв где-нибудь подходящую палку, начинала гнать их к козьему счастью, свежей зелёной травке и вкусной горькой лозе.

Козы сопротивлялись, как могли. Как говорится, их в дверь, они в окно. Только на одном фланге Аришка начинала одерживать победу и вести наступление, на другом козы прорывались назад и сводили на нет все усилия.

Аришке самостоятельно редко когда удавалось отогнать коз на достаточное расстояние, чаще кто-нибудь помогал.

Но когда козы насильно удалялись от дома на несколько метров, они сдавались и уже шли спокойно туда, куда им указывали палкой.

Аришка же на лужку немного по-другому проводила своё время. Чаще всего уткнувшись в книжку. Иногда собирала грибы, наверное, луговые опята. Но бабушка называла их как-то иначе.

Бывало, подражая бабушке, рвала крапиву, чтобы позже нарезать её мелко на круглой досточке поросётам. Правда, в отличие от бабушки, делала это только в перчатках. Хотя и перчатки не всегда помогали, и ядовитое острое жало все

же проникало сквозь ткань. Бабушка перчатки не признавала, удивляя Аришку своей стойкостью. Говорила, что натруженные руки потеряли чувствительность к мелким пакостям окружающего мира, в частности, крапивы.

Бабушка была верующей. И в то время, брежневское, это было возможно. Она просто игнорировала другую позицию, будь это точка зрения советской молодёжи, советских властей или советских соседей. Вот только мнение советского сына оказалось неприятным и болезненным. И ещё страх за него, за безбожника и хулителя.

Не знала тогда ещё бабушка, что это его мнение как ветром сдует, лишь только придёт лихое время и принесёт с собой онкологию.

Бабушка молитвы знала наизусть. Чаше она их пела за работой и перед сном. Церковных книг не было, да и читать бабушка практически не умела. Она радовалась каждой новой молитве, которую на листочке, переписанную от руки, приносила дочь Варвара и тут же начинала учить её.

И поэтому долгое время Аришка и не догадывалась, что в стране идёт борьба с религией. Бабушка верила открыто.

На Пасху, на второй день, вся деревня ходила на кладбище. Вставали чуть пораньше. Бабушка управлялась со своим многочисленным хозяйством и время от времени поглядывала в окно.

– О, уже Валя Окунева пошла. Юбка – новая, платок так и горит.

Кладбище было в соседней деревне. Идти было весело.

Нарядная Аришка в красном брючном костюме. На расклешённых брюках белый узор. Красиво!

Расстлали скатерть на могиле бабушкиной сестры Пелагеи и расставили всякую снедь.

Яркое солнце, голубое небо, сочная молоденькая зелень, воздух свежий, с утра немного прохладный, а к полудню – почти лето. Только пока ещё без мух, комаров и зноя.

На белоснежных скатертях яркие синие и розовые яички. Потом бабушки сходились к братской могиле и громко пели: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

И если советское начальство по слабости ума в эти минуты оказывалось где-то поблизости, то, наверное, как-то незаметно пыталось исчезнуть. Впрочем, это всего лишь предположение, потому что Аришка ни разу не видела на кладбище начальников. Все как-то, более-менее, равны.

Ближайший храм был далеко в Тростянке, километрах десяти от деревни, и ещё один на таком же расстоянии в Лосевке.

Бабушка в храм ходила не часто. А уж Аришку с Андреем с собой никогда не брала. Обещала только.

Накануне вечером вытаскивала из сундука лучшую одежду, а дети канючили рядом.

– Бабушка-а-а, а ты нас разбуди-и-ишь?

– Разбужу, – легко соглашалась бабушка.

– Мы вправду дойдё-о-ом, мы быстро ходи-и-им!

– Конечно, быстро!

– А чего ты нас в прошлый раз не взяла?

– А я вас не добудилась!

– А ты сильней толкай!

– Ладно, буду сильней толкать.

Но ребята не очень доверяли бабушке. Решили на этот раз привязать свои руки к её руке верёвочками. Она встанет и их дёрнет, они и проснутся. А дальше они уж не отвяжутся, в том смысле, что пойдут с бабушкой в церковь, она их не сможет прогнать.

Но на следующее утро проснулись дети одни. Не было ни бабушки, ни верёвочки. Они помчались из деревни и остановились на окраине. Куда дальше? Есть дорога налево. По ней из одной деревни в другую и таким образом можно попасть, наверное, в неведомую Тростянку. А второе направление – в Лосевку.

– Куда бабушка собиралась идти?

Эх, не догадались вчера вечером расспросить, сейчас бы догнали.

Стали всматриваться вдаль. На Тростянку дорога далеко не просматривалась, скрывалась в соседней деревне, а за ней виднелся лес. Дорога где-то там, в лесу.

А вот Лосевка была видна. Между Лосевкой и детьми километров девять лугов, на которых росли отдельные деревья, кустарники, протекала шустрая Нерусса.

Поэтому дети своё внимание обратили, в основном, в ту

сторону.

Там виднелась подходящая точка. Что это? Одинокая человеческая фигура? Бабушкина фигура? Или кустик? Присматривались – не разглядеть. Зато разглядели чуть в стороне ещё такую же точку. И чуть ближе. И ещё одну. Кусты! Поняли, что сегодня в церковь не попасть.

Разочарованные, поплелись домой.

В первый раз Аришка столкнулась с официальным неприятием религии, когда училась в 4 классе в Сумской области.

Сразу после Пасхи построили всех учащихся в длинном школьном коридоре на линейку. И с ходу директор перешёл к сути. Был он невысок ростом, худенький и очень голосистый. Впадал часто в визгливый крик и издевался над неокрепшими детскими барабанными перепонками. Спорить и оправдываться в таких случаях было невозможно из-за отсутствия подходящих пауз, поэтому, чаще, очередной разнос был монологичным. Виновному лицу оставалось делать виноватое лицо и слушать про себя нелिцеприятные вещи.

На этот раз директор вызвал из строя нескольких учащихся. Оказывается, накануне они с бабушками были в церкви. Возмущению директора не было предела. Аришка даже рот открыла от удивления, потому что совсем не поняла сути преступления.

Наоравшись как следует и предупредив, чтобы это было в последний раз, он отпустил этих, в какой-то мере, православных мучеников, а также всех остальных на уроки.

То ли директору самому влетело, то ли он был ярый противоборник христианства, но этим он не ограничился. Пошёл на следующем уроке по классам, чтобы пресечь и уни-

чтожить все ростки.

И вот зашёл в класс, где за второй партой у стены сидела Аришка со своей подружкой Марийкой.

Что-то вновь стал говорить о вреде религии, а потом и задал вопрос:

– Может, кто-то из вас, здесь сидящих верит в Бога?

Аришка верила, даже не сомневалась, но как сказать об этом директору? Несколько минут она колебалась. Что-то подталкивало её: «Встань, скажи, я верю». Но страх сковал ноги и язык. Мгновения шли. Директор ждал. Никто не встал. А жаль!

В деревне было два озера, два лягушатника. Оба очень популярны среди детей, особенно в летнее время. Они не имели официальных названий, но в благодарность за множество приятных минут на своих берегах, заслуживают несколько строк.

Одно озеро – на лугу, там, где паслись деревенские коровы. Оно было мелкое, тёплое и грязноватое. Приличная корова ещё подумает, а попить ли из него или до дома дотерпеть.

Но дети не раздумывали, играли и плавали. И гуси тоже. Аришка умела плавать только одним способом: цеплялась за мягкое дно пальцами и перешагивала руками, держа голову над водой, и только ноги с телом более-менее плывут. Больше не получалось никак.

Хорошо, озеро мелкое и таким способом можно «переплыть» чуть ли не из одного его края в другой. Ну, может быть, на середине немного пройтись придётся.

Но Анька Галдина там чуть не потонула и своей спасательницей считала Аришку. Аришка же как-то сомневалась и молчала не из скромности, а, скорее, из-за недоумения. Всё происходило на её глазах и с её участием, но потопления и спасения в сознании как-то не зафиксировалось.

А дело было так.

Она стояла в самом глубоком месте, воды было, может быть, по грудь, а Анька вертелась рядом.

Вертелась, вертелась и довертелась. Ноги что ли заплелись? Она упала в воду и оттуда почему-то долго не могла найти выхода. Пока не нашла Аришкины ноги и по ним, как по якорным цепям, поднялась на поверхность.

Может, Аришка ей и помогла руками как-то? Нет, она точно помогла бы руками, если бы у неё закралось подозрение, что подруга тонет. Но, честно говоря, о том, что она спасательница, она узнала чуть позже, когда Анькина голова вместе с частью туловища встала над водой, отфыркиваясь, откашливаясь перепуганно, и сказала:

– Я чуть не утонула. А ты меня спасла.

Самыми милыми в этом озере были головастики. Они плавали вместе с детьми, не мешая и не вызывая никаких неудобств. Наоборот, одно сплошное удовольствие.

Стоило лишь в горстях набрать воды и вон их сколько! Маленькие, миленькие, шустренькие, чёрненькие, скользкие. Хвостиками виляют, плавают.

Аришка сначала думала, что головастики – это сами по себе животные, а потом узнала, что из них вырастают лягушки. И удивилась, совсем не похожи головастики и лягушки. Лягушки – вон они, тоже плавают. Высунут свою лупастую мордочку, совсем как Аришка, до рта всё под водой, а всё что выше – над водой, и зависают в удовольствии. Наслаждаются неподвижно в тёплой воде, наблюдают за детьми свои-

ми глазиками круглыми.

Аришка их не боялась. Спокойно брала в руки, гладила нежное тельце. И никогда не обижала.

Мимо озера коровы протоптали свои коровьи тропинки. Отличались они от человеческих тем, что были какие-то ступенчатые. А почему такими получились – неизвестно.

А вокруг на лугу было много гусиных перьев. Их Аришка собирала в большие букеты и отдавала бабушке. Та делала из них подушки. Но это уже другая история, а история с первым озером закончилась.

По краю деревни тянулся лес, то приближаясь к ней вплотную, то удаляясь. Второе озеро было расположено у леса, неподалёку от деревенских домов.

Хотя, возможно, это был искусственный пруд, так как уж больно оно имело правильную прямоугольную форму с закруглёнными углами. И этой формой озеро определило своё основное назначение – хоккей.

Вот тут-то и пригодились такая малышня, как Аришка и её друзья.

Хотя, Аришка, вдобавок к малолетству, была ещё и неповоротливая. Но и таких, оказывается, берут в хоккей, когда команда героическая, но малочисленная. Малочисленная она в виду малого количества молодёжи в деревне, а героическая, потому что на время присваивались игрокам такие звучные фамилии, как: Гусев, Харламов, Якушев, Крутов, естественно, Третьяк, и другие.

Настоящие клюшки были только у знаменитостей. Обычные игроки, типа Аришки, обходились кривыми палками, высеченными из кривых деревьев. И эти палки изготавливались самолично Гусевым, Харламовым... и т.д.

Потом малыши расставлялись по полю, и начиналась игра.

Аришка, как ни старалась активнее участвовать в матче,

всё же поняла, что главная её функция – создать достойное препятствие, помеху на пути игрока. Всё же тому интереснее лишний раз красиво вильнуть по пути следования от одних ворот к другим. А без таких столбиков, как Аришка, вилять было бы незачем. И потом, шайба, по закону вероятности, всё же могла пару раз застрять в Аришкиных валенках, а это уже почти серьёзно.

Больше проку от себя Аришка не видела.

А летом на этом озере она сильно поранила ногу. Наступила на разбитую зелёную бутылку.

Рана оказалась в области большого пальца. Острое бутылочное горлышко аккуратно обняло большой палец у основания и попыталось отделить его вообще от ноги.

Боли почти не было. Было какое-то мягкое, с потрескиванием вхождение в тело, и Аришка подняла ногу. Вода вокруг тут же окрасилась в красный цвет, Аришка поспешила на берег. Кровь хлестала довольно-таки активно, и Аришке посоветовали отправиться домой. Что она и сделала. Поскакала на одной ноге.

Вообще-то раны и порезы Аришка с Андреем старались от взрослых скрыть, потому что знали, что от любящей мамы им будет добавок, а бабушку было жалко. Они даже скрывали, сколько могли, Аришкин вывих ноги, Андреев перелом руки и прочие неприятности, но это было позже.

А этот порез всё же надо было показать, пока вся кровь не вылилась, и палец не отвалился. И Аришка на одной ноге

повернула в сторону мамкиного дома. Тем более, что он находился ближе бабушкиного.

Дома, как Аришка и ожидала, ей досталось по «шеям» и она, расстроенная ещё больше, сидя на ступеньках, полоскала ногу в растворе марганцовки и слушала мамкину нотацию. Нотация длилась долго, казалось ей не будет конца, но тут скрипнула калитка, и мамка остановила речь.

Аришка с надеждой посмотрела на входившую фигуру, рассчитывая на объективное и жалостливое участие хоть с той стороны. Фигура оказалась соседкина.

– А я иду, смотрю, кровь на дороге, – глаза её выражали острое любопытство и были готовы округлиться от ужаса или сочувствия, в зависимости от того, куда повернёт ситуация, – думаю, кто же это тут шёл, кровью обливался, и пошла по следу. Никак к вам?

– Да вот, Аришка лазает где попало, ногу порезала в лягушатнике. Сколько раз ей говорила...

Дальше Аришка почти не слушала мамку, тем более, что та начала одно и то же по второму кругу. А Аришка и с первого всё усвоила. Вроде...

Кровь уже не шла, но палец сильно разболелся, и Аришка попрыгала на кровать.

Несколько дней пришлось полежать. Нога болела при малейшем движении.

Приезжала бабушка Варвара, привезла тюлевые шторы в подарок. Аришка, терпя боль, спустилась с кровати и на чет-

вереньках, больной палец при этом держа на весу, прошкандыбала в соседнюю комнату полюбоваться на обнову. Шторы уже висели на окне в зале. Красиво!

Но нога так заныла, что Аришка, вернувшись на своё место, заплакала от боли. Хорошо, что терпеть пришлось недолго, боль снова утихла.

И начался постельный режим. Потянулись подружки в гости на кровать. Особенно дорог бывал приход Танюшки Вершининой.

Навестить больную пришла и тётка Ольга. Она к Аришкиной ране отнеслась со страхом за последствия. Особенно пугала её, а потом уже с её подачи и Аришку, столбнячная перспектива. Оля вздыхала, говорила, что надо бы в соседнее село, в медпункт, сделать прививку. Но, к счастью, всё обошлось без столбняка и без медпункта.

Через несколько дней Аришка уже вставала с постели, правда, на одну ногу, и скакала не только по дому, но и по деревне. Она чувствовала тёплое сочувствие подруг, и это было приятно.

Потом осторожно стала опираться на пятку раненой ноги, и вскоре окончательно выздоровела. Хотя палец на всю жизнь остался получувствительным, не сгибался и, в случае удара, в нём образовывались многочисленные игольчатые уколы, весьма болезненные.

А в реки и озёра она никогда не бросала мусор. И другим не разрешала в своём присутствии. А ту разбитую бутылку

кто-то вытащил и выбросил. Куда-то.

В доме, напротив бабушкиного и чуть наискосок, жила-была бабушка Мотя, старушка необщительная и мрачноватая. И вот к ней приехала её внучка Натка, девчонка, полная противоположных качеств, весёлая и коммуникабельная. Разумеется, приехала не одна, а с родителями, но те, как-то быстро погостили и отправились дальше, а Натку оставили на целое лето. И Аришка быстро, практически мгновенно, подружилась с Наткой.

Ещё она была невысокой и доброй. В первые минуты знакомства сообщила:

– Слушай, какую я песенку знаю:

Я балерина,

Я из Берлина,

Смотрите тут-тут-тут,

Смотрите там-там-там.

А здесь не дам.

А почему? А потому,

Что я мадам.

В процессе исполнения нужно было поднимать подол платья спереди, потом сзади, поворачиваясь к зрителям попой и вертя ею, и, наконец, скрещивать руки на груди, прикрывая её (грудь).

Аришке сия самодеятельность понравилась, и она быстро

её выучила, а потом показывала далее всем своим. То есть, как могла, способствовала распространению искусства.

По вечерам Аришка с Наткой бегали босиком по дороге, поднимая пыль изо всех сил. И это было и красиво – пыль в свете заката, и приятно ногам.

Днём лепили куличики прямо на дороге.

Недалеко от дома бабушки Моти дорога делала поворот и яму. В яме часто бывала вода, после дождей не успевала высохнуть, и на склоне этой дороги хорошо было заниматься лепкой. Всё под рукой или в шаговой доступности. Песок – пожалуйста, вся дорога – сплошной жёлтый песок, вода – рядом, украшения – да кругом цветы, растения, украшай на здоровье. Аришка, Натка и другие желающие часами ползали на коленях, создавая красоту.

Машины ездили крайне редко. Но всё же ездили. И вот, заслышав рёв мотора, девичьи сердца вздрагивали, только бы к ним не повернула. И, бывало, поворачивала к ним.

Девочки расходились по сторонам, уступая дорогу четырёхколёсному монстру. Руки, ноги, колени, волосы, платья, лица были мокрыми и в песке, как у всякого творческого человека, занятого этим видом деятельности.

Мрачные глаза внимательно смотрели на колёса, сначала пытаясь предугадать их траекторию, а потом беспомощно наблюдали, как они сминают и расплющивают их поделки.

Трудно представить себе чувства шофёра, когда он среди множества зол старался выбрать наименьшее, и, может быть,

виновато вглядывался в девичьи расстроенные лица. Но девочки не винили шофёра. Они его и не замечали. Просто какая-то лихая неизбежность обрушивалась на их труды, и как только эта неизбежность протарахтевала дальше, бросались к своим работам и восстанавливали, что можно было восстановить, или творили сначала. И можно было уже быть более-менее спокойными, потому что, как молния не ударяет дважды в одно и то же место, так и машины редко дважды в день проезжают по этой дороге.

У бабушки был сад. Большой и настоящий. Настоящий, в Аришкином понимании, когда под деревьями растёт густая зелёная травка, а не картошка с морковкой. У бабушки грядок с картошкой и морковкой, а также с другими всевозможными овощами, тоже хватало, но росли они на своём положенном месте, а не в саду.

В саду было много яблонь, разных сортов, разных размеров и возрастов, но дети знали каждую.

Летом в сад выходили напрямик, через окно. И первой выходящего встречала «Белый налив», яблонька молодая. Она же и первая дарила свои крупные ароматные плоды.

Под её кроной любила сидеть Аришка и читать книги (когда научилась читать). Эта яблоня – общая любимица. Далее росли деревья и рядами, и в одиночестве, и по парам, и у каждого в доме была своя любимица.

На Андреевой созревали полосатые, как арбузики, яблочки. Только в отличие от арбузиков, полосочки были красно-розово-белые.

На Аришкиной любимой созревали розово-белые яблоки с особенным вкусом. Аришка такой сорт как-то и не встречала больше нигде.

В конце сада стелился по земле ствол яблони со сладко-горькими плодами.

Вдоль забора со стороны улицы раскинулись два гиганта, две огромные яблони. На одной из них стволы расположились так удобно, что Аришка залезла на один из них и усаживалась, как на лавку, там и углубление подходящее было, на другой ствол ставила ноги и наслаждалась жизнью.

Но просто сидеть она не любила, и, если можно было совмещать приятное с приятным, она совмещала.

Например, приятно сидеть, выпитывая все радости лета и частицу этой радости отдавать обратно, в окружающий мир.

А если короче, то петь песни.

К тому времени ей стало понятно, что для пения необходимы музыкальный слух и голос. Её подружки эти штуки имели, она не раз слышала, как красиво они поют, и само собой думалось, что и у неё этого добра не меньше. И только много позже узнала, что ни музыкального слуха, ни красивого голоса не было и в помине. Учитывая, сколько раз она услаждала окружающих своим пением, это обстоятельство её очень смутило, смущает и поныне, но тогда о своих недостатках она не знала, и никто ей о них не говорил.

И Аришка, сидючи на дереве, самозабвенно оглашала на всю округу весь свой песенный репертуар. А он был не такой уж и бедный.

И сначала песни лились нескончаемым потоком, следуя одна за другой, потом начинали появляться паузы, во время которых Аришка вспоминала, что ещё не пела. Постепенно паузы становились всё длиннее, и концерт приближался к

завершению.

Бывало, из сада напротив ей подпевала Натка. И тогда уж два голоса звенели на всю округу. Аришке это особенно нравилось.

Иногда с соседнего огорода, баб Вали Окуновой доносился смех и весёлые комментарии. Рая со своей бабушкой пололи огород, и Аришкины чудачества вызывали у них насмешку.

Но Аришка не огорчалась.

Когда песни заканчивались, Аришка открывала книгу. И там, сидя на дереве, читала.

Но вообще-то бабушка послала её собирать яблоки – падалицы для коз. Аришке нравилось это дело. Она их собирала каждый день, поэтому яблок было немного. Только свеженападавшие.

Она брала с собой плетушку, ставила её у ствола дерева, а сама ходила вокруг, собирая сначала в бабушкин фартук, который она специально для этого дела надевала, а потом относила в плетушку.

В работе проявляла добросовестность, хотя не отличалась скоростью и расторопностью.

После отдавала собранные яблоки козам. Высыпала им в их лоханку и с удовольствием наблюдала, как они аппетитно едят всё это великолепие, выбирая сначала немного подгнившие плоды, возможно из-за их мягкости и особой сладости. Аришка и сама любила есть яблоки, предварительно по-

стучав их по чему-нибудь твёрдому, они тогда становились с мягкими сладкими коричневыми пятнами.

Иногда с Седкой затевала небольшой бой. Седка всегда не против боя. А Аришка тогда ещё с уважением относилась к чужим желаниям.

Аришкина мама жила не в одном доме, а в нескольких. Разумеется, не одновременно, а поочерёдно.

Как-то так получилось, что казённого жилья в деревне было больше, чем желающих в них поселиться. Вот и получилось, что у жителей был не только выбор, но и возможность попривередничать.

В самом ранней детстве Аришка жила в трёхквартирном доме. Через стенку две сестрёнки Болотины. Вот тогда-то она с ними и познакомилась.

Старшая Тамара старше Аришки на год, была самолюбивой и самоуверенной девицей, внешность портил большой нос с горбинкой. Но самолюбивой и самоуверенной девицей она стала после, когда выросла, а в раннем детстве она была бойкой девчушкой и верховодила всеми, кто позволял собой верховодить.

Её сестра Мила была младше её на три года, и со своим мягким характером просто не имела возможности избежать вышеупомянутого верховодства.

Первое Аришкино воспоминание – у неё и у Тамары одинаковые джинсовые сарафанчики, украшенные вышивкой. Девочки вертятся, крутятся друг перед другом, рассматривая и любуясь нарядом.

Следующее воспоминание – подленькое.

На дорожке козы круглые какашки. Ариша, Тамара и маленькая Мила сидят на корточках перед ними, рассматривают. Мила маленькая, не понимает, что это.

– Это конфетки рассыпаны, – со сладкой улыбкой уверяют её старшие подруги, – скушай, не бойся.

– Не-а! – Мила отказывается, но нерешительно, и, чувствуя эту нерешительность, «подруги» становятся более настойчивыми.

– Ну, попробуй, знаешь, какие вкусные!

Но Мила чувствует неладное.

– Сами сначала попробуйте, а потом я.

– Ой, – фальшиво запели «подруги», – мы уже знаешь, сколько съели! Мы уже объелись. Попробуй теперь ты.

Но Мила теперь уже решительно отказывается. И «подруги» разочаровано отступают. А так хотелось. Что-то гаденькое внутри так желало Милиного унижения, но не дождалось.

Сестрѐнкам с детства нравился Андрей. Им с ним было весело, они играли. Андрей был очень симпатичным, даже красивым, невысокого роста, весѐлый и лёгкий по характеру, он нравился всем.

Дома у Болотиных было очень уютно. В коридоре на полу лежал линолеум, редкостное явление в деревне. И по такому полу приятней было не ходить, а ползать, сидеть на нём или играть.

Их мама работала в библиотеке в соседнем селе, и в до-

ме полным-полно было «Мурзилка» и «Весёлых картинок». И на не менее уютных, чем линолеум в коридоре, широких, чистых ступеньках порога дети рассматривали и читали эти журналы.

А ещё их мама, тётя Лида, давала Аришке библиотечные книги домой с собой.

Случилась и неприятность. Однажды Аришка читала на улице, около бабушкиного дома книгу «Борьба за огонь» Жозефа Рони-старшего. Аришка с раннего возраста могла читать и детскую литературу, и взрослую. И вот такую вот серьёзную книгу оставила на складном стульчике и ушла на какое-то время в дом. А когда вернулась, козы сожрали практически всё произведение. А что не сожрали, то понадкусывали.

Аришке стыдно было потом в глаза смотреть тёте Лиде, но та её простила, хотя в следующий раз книги давала с заметным напряжением.

А папа Тамары и Милы был другом Аришкиного папки. И с его стороны Аришка всегда чувствовала тёплое отношение и симпатию. И за это любила его. Вот такая вот жила-была в деревне семья.

В деревне была и школа, правда, только начальная. Учительницу звали Антонина Фёдоровна. Она руководила всеми тремя классами. А у школы было два здания – летнее и зимнее.

Зимнее здание – это обычная деревенская изба. В ней и проходил практически весь процесс. Она состояла из двух комнат. В первой комнате печь, которая хорошо прогревала обе половины. На печи посвистывал чайник. Здесь девочки и мальчики раздевались, здесь же стоял стол, за которым они пили чай. Пространства здесь хватало и для малоподвижных игр.

Переменки были длинные. Антонина Фёдоровна жила неподалёку и, бывало, уходила домой по своим хозяйским делам, а у детей, естественно, начиналась перемена. Играли, пили чай. Сахар приносили свой, каждый в своём пакете или банке.

Но больше любили не чай, а кулинарное изобретение Тamarки Болотиной. Она приносила из дома какао-порошок и его щедро раздавала всем желающим. Желали все. Какао смешивали с сахаром и получался невероятно вкусный десерт. Его в таком виде и ели. Ложками или языком. Антонина Фёдоровна говорила, что в таком количестве есть какао вредно для сердца. И, хотя в детском возрасте к своему серд-

ду относились со вниманием, но отказаться от такой вкуснятины не было сил. Даже ради сердца.

В старшем, третьем классе, учились Райка Окунева, Тамара Болотина и Танюшка Вершинина.

Во втором – одна Аришка.

В первом – Андрей, Вовка Окунев, Анька Галдина и дочь учительницы – Наташа Тарасова.

К своей дочери Антонина Фёдоровна относилась со всей учительской строгостью. И нередко награждала провинившуюся в чём-то дочь довольно-таки жёсткими тычками. В таких случаях все сочувствовали Наташке, со страхом косились на учительницу и усердней склонялись над тетрадками.

Аришка училась неплохо, но и не блестяще. Математика ей давалась легко и была любимым предметом.

Ещё в первом классе ей подарили толстенькую рабочую тетрадь с математическими заданиями, и она носилась с ней, как с писаной торбой. Всё решала, решала, пока эта тетрадь не исчезла куда-то с концами. Как в воду канула. Уж Аришка её искала, искала, но всё напрасно.

А потом к ней закралось подозрение, уж не сожгла ли её в печке родная матушка?

А что? Может, не было бумаги в нужный момент, а тут тетрадь. К тому же исписана вся вдоль и поперёк.

Но подозрения подозрениями, а что делать? Пришлось вздохнуть и жить дальше. Тем более, может, родимая матушка тут и ни при чём.

А за математические способности – спасибо папке.

Ещё Аришка любила чтение. Но тут особый случай.

Книги любила Аришкина мама и привила эту любовь дочери. Правда, прививала ещё и сыну, но тут не получилось.

Мама, навещающая районные и более крупные центры, не обходила стороной книжные магазины. И по вечерам, после возвращения мамы из поездок, Аришка держала в руках книжные новинки, вдыхала запахи, рассматривала картинки и просила мамку: «Ну, прочитай!». А мамка и не отказывалась, сама любила и детскую литературу, и взрослую.

А потом Аришка и сама научилась читать. И зачитывала по несколько раз одни и те же сказки, если долго не было новых поступлений.

В первом классе её любимым чтением была «Снежная королева». Вот уж фантазия автора увлекла её в чудесную страну. И душа сроднилась с верной и мужественной Гердой, а своенравный Кай напоминал ей любимого брата, и, казалось, случись что, и сможет повторить она подвиг сказочной героини. Да вот, впоследствии оказалось – не смогла.

Кстати, эта книжка тоже как-то внезапно и неожиданно исчезла. У Аришки вновь возникли смутные сомнения. Но уже подозрения падали на бабушкину Варварину печку, так как в это время она жила у неё.

Чуть повзрослев, Аришка читала уже всё подряд, всё, что попадалось ей в руки. Чтение стало одним из самых любимых её занятий.

А вот по русскому языку Аришка была и на всю жизнь осталась туповатой. И орфограммы, и ударения никак не укладывались в её голове. А если она насильно пыталась их уложить, они всё равно вываливались как из дуршлага.

Аришка даже удивлялась своему невезению. Если в сомнительном случае она пыталась угадать букву, то угадывала практически всегда неверно. Хотя по закону вероятности должно было бы пятьдесят на пятьдесят. Но нет! Никаких пятьдесят, ноль правильных ответов и точка.

Да и почерк у Аришки был так себе.

Третьеклассницы и любимые подружки – Танюшка Вершинина, Тамара Болотина, учились хорошо, в тетрадях порядок, почерк – загляденье. Райка Окунева училась неважно. И Аришка стала немного комплексовать, появилось ощущение своей неполноценности, которое впоследствии оказалось самым верным спутником жизни, правда, иногда отлучаясь и давая возможность ненадолго править балом дикой самоуверенности, наглости и гордыни.

Антонина Фёдоровна Аришку невзлюбила. Не сказать, что возненавидела, но неприязнь и холодок ощущался. Наташка Тарасова объяснила причину, но как-то без подробностей и туманно.

А тут и случай подтвердил. Аришка писала диктант. А текст был жалостливый. Как росла в лесу ёлочка, зелёная и молоденькая. И ходили к ней в гости зайчики и белочки, прилетали в гости зяблики и снегири. А как-то зимой пришёл к

ней дядька с топором и срубил. И домой потащил. И плакала ёлочка от боли, страха и умирала.

И плакала Аришка, когда писала всё это под диктовку своей учительницы. А под конец диктанта прямо-таки заревела.

А Антонина Фёдоровна спросила жёстко:

– А что же ты не плакала, когда твоя мать ёлку срубила? Или вам эту ёлку не жалко было?

И у Аришки слёзы сразу высохли. А ведь и правда, мамка ёлку на Новый год домой приносила, или в клубе ёлку ставили, и Аришка никогда не думала пожалеть её. А тут впервые взглянула на ситуацию с другой стороны.

Задумалась Аришка. Отчего так получается? И с какой стороны смотреть на вещи? Задуматься-то задумалась, но ответа не нашла.

В мае, когда теплело, Антонина Фёдоровна со своими учениками переселялась в новое здание. Оно не отапливалось по какой-то причине, увы. Потому что это – настоящая школа, просторная и светлая. Всё было выкрашено и блестело. Здание находилось в саду и окружалось кованым забором. А далее росли сосны. Здесь лес вновь встретился с деревней, на этот раз своим сосновым боком.

В школе большой широкий коридор, он же спортзал. Ребята часто на перемене играли в «Знамя».

Ещё играли в «классики» на улице. Игра необычная. Старшее поколение научило, но дальше она не передалась. И постепенно с возрастом у Аришки, и у её подруг, игра стёрлась из памяти. Так, остались какие-то осколки.

Для игры нужна шайбочка. Её делали сами из пустой консервной банки. В неё засыпали сырую землю, утрамбовывали, прикрывали крышечкой от этой самой банки. Важно, чтобы ничего оттуда не высыпалось.

Далее, на земле чертили прямоугольник, делили его на шесть равных квадратов, снизу под квадратами два полукруга, вверху – один большой полукруг. Затем начиналась игра. Баночку вбрасывали в первый квадрат и, прыгая на одной ноге, толкали её этой же ногой поочерёдно во все квадраты. Короче, игра интересная, но лучше в неё играть, чем про неё

читать.

Иногда, очень редко, вместо Антонины Фёдоровны приходил учительствовать её сын – Павлик, Наташкин старший брат. С ним было весело. Он задавал интересные задания, например, записывал на доске текст, нужно было найти в нём ошибки.

Павлик был из малочисленной старшей деревенской компании. С Аришкиными друзьями они играли очень редко. Зимой в хоккей, разве что, а летом, иногда, в «Вышибалы» или «Цепи кованые». Старшие ребята увлекались своими старшими делами. Но малышей не обижали. Наоборот, были доброжелательными, хотя, не без исключений.

Осенние занятия начинали в новом здании. Дети на переменках бегали в школьный сад и там, в мокрой траве, собирали такие же мокрые, мелкие, зелёные, но сладкие яблоки.

Антонина Фёдоровна воспитывала в своих учениках любовь к Ленину и верность пионерии.

Наташка Тарасова больше всех в этом преуспела и строго спрашивала у Аришки:

– Вот если немцы спросят, кого убить, твою мамку или Ленина, кого ты выберешь?

Аришка чувствовала, что выбор здесь в любом случае будет неправильным и вопросительно поглядывала на более продвинутую подругу, мол, научи, как надо.

И подруга учила:

– Надо сказать: «Убивайте меня, а Ленина и мамку не тро-

гайте!».

«Вот оно как!» – запоминала на всякий случай Аришка.

О том, что Ленин умер, она узнала позже. Вначале в её голове была путаница небольшая, ведь на красных плакатах она читала, что «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!».

И Аришка мечтала, что он приедет к ним в деревню, и она поведёт его по всем интересным деревенским местам. И она всё ему расскажет про себя, про бабушку и Андрея, про подружек и обязательно покажет ему свою красивую школу.

Лето – Аришкино самое любимое время года.

Во-первых, каникулы. И, когда она стала ходить в школу, разница ощутилась весомо;

во-вторых, приезжают летние гости.

Особо, с нетерпением Аришка ждала Ольгу. Оля – младшая дочь деда Петра, она приходилась Аришке двоюродной тёткой и была лет на 5 старше Аришки.

Оля была своеобразная, очень умная, училась на одни пятёрки и шла на золотую медаль. Но что-то с физкультурой не заладилось. Оля красивая и фигуристая. Немного полновата на детский взгляд Аришки. И бёдра её делали какой-то гитарный загиб, что было уже лишним, опять же, с Аришкиной точки зрения.

Оля была немного брезгливая и ценила личное пространство. Например, когда она, наконец, приезжала, Аришка неслась к ней в объятия на всех парах, прямо откуда-нибудь из лужи, из грядки, из канавы, так, что комья грязи или столбы пыли неслись вместе с ней, и ей навстречу выпячивалась Олькина вытянутая рука, и покрасневшее лицо вовсе не выражало радости.

Рука вытягивалась вовсе не для объятий, а чтобы остановить Аришку хоть на каком-нибудь расстоянии от себя.

А лицо краснело, возможно, от досады, что Аришка вечно

какая-то грязная, а может быть из опасения, что руки недостаточно, чтобы остановить вопящую племянницу, в общем, для Ольги этот восторг был неприятен.

Приезжая в деревню, она старалась погрузиться в этот мир. Деревенский, летний, полный звуков, запахов, свободы и отдыха.

Она уходила в лес, и Аришка увязывалась вслед за ней.

Она подолгу сидела на полянах и смотрела, вдыхала лесной аромат и утверждала, что в городе совсем другой воздух. Аришка старательно принюхивалась. Вроде воздух как воздух, но Ольге, безусловно, верила. Старалась вызвать в памяти особенности городского воздуха, вспоминала, что в троллейбусах её подташнивало и болела голова.

А потом Аришка широко открывала глаза и по Олькиному примеру старалась рассмотреть всю окрестную красоту. И видела эту красоту: листья, деревья, солнечные блики, травинки, цветы. И слышала эту красоту: птичьи голоса, разные, множество прекрасных птичьих песен, и ощущала тёплый ветерок на своём теле, нежный и бархатистый.

Но долго удерживать всё это в своём внимании не могла, так как для этого нужно было напрягаться, а долго быть в таком напряжении сложно. И Аришка сдувалась, как воздушный шарик, и просто носилась по полянке, а Ольга всё ещё сидела и всё ещё была погружена в созерцание.

В лесу нашлась канавка, по дну которой, в принципе, протекал ручеёк. Почему в принципе? Потому что его не бы-

ло видно, а то, что он там всё же существует, угадывалось по наличию вечной мокроты. Оля предложила Аришке очистить эту канавку. Больше в свою спасательную компанию брать было некого, Андрей не очень интересовался лесными канавками, а круг общения Ольки ограничивался узко.

Кроме родственников она ни с кем не сдружилась и даже знакомства поддерживала без желания. На уровне «Здравствуйте». И в период Олькиного присутствия Аришка как-то отдалялась от друзей, даже некоторое отчуждение к ним чувствовала. Так складывалась некая конфронтация, и Аришке не совсем удобно было перебегать с одной позиции на противоположную другую. Хотя, удобно или неудобно, но Аришка всё равно перебегала. И, бывало, по несколько раз на дню.

Но, к оврагу!

Итак, Оля предложила. И рассказала, что, если всё получится, то будет чудо-чудное: голубой ручеёк, совсем как в мультике. Со всеми вытекающими из него улыбками.

Аришка согласилась.

Вообще-то, можно по пальцам перечесть, на что в детстве Аришка отвечала бы отказом. А, может, и одного пальца хватило бы, да, возможно, и одного пальца было бы много.

Итак, работа по очистке оврага началась. Из дома принесли лопаты и стали очищать дно. Там оказалось много вонючей грязи, в которой возюкались чёрные противные жуки. Овраг был длинный, работы было много, но Оля оптимистично говорила, что мы только начнём, а ручеёк сам про-

должит. Ему всего лишь надо помочь вырваться из грязного плена, а потом он наберётся сил, и сам начнёт чистить себе дорожку, то бишь, русло.

Дорогу к новым знаниям Аришка и Андрей иногда находили сами. И смело шагали по этой дороге, и в конце её, бывало, эти знания бросались в головы ошеломляющими открытиями.

Например, почему вечером темнеет.

Правда, в частности, для этого открытия не пришлось никуда идти, а даже наоборот.

Дети валялись на кровати и играли в «Пили-пила». Для этой игры оба игрока ложатся ногами друг к другу, прижимают ступни ног к ступням своего партнёра (ноги полусогнуты) и выполняют ногами вращательные движения по типу езды на велосипеде, но сопровождающие слова должны быть: «Пили-пила, пили-пила...». И так до бесконечности, или пока не надоест.

И вот, когда надоело, и оба пильщика отдохали, свершилось открытие. В комнате стало темнеть, и Аришка поняла почему.

– Андрей, смотри, прилетели палочки.

Андрей растопырил глаза и стал смотреть, ожидая дальнейших объяснений.

– Приглядишься, много-много маленьких палочек. Они чёрненькие и быстро мелькают туда-сюда.

Андрей никак не мог их увидеть. Аришка догадалась, в

чём дело.

– Когда на них прямо смотришь, они исчезают. Ты попробуй посмотреть немного боком.

Наконец и Андрей увидел эти палочки. Особенно чётко они были заметны на фоне белой печки. Каждую минуту этих палочек становилось всё больше и больше. Они, видно, откуда-то прилетали. И становилось всё темнее.

– А, я поняла, – подвела итог своему открытию Аришка, – когда их становится очень-очень много, то за ними ничего уже не видно, и тогда наступает полная темнота.

А Андрей ничего не сказал. Он просто зауважал свою старшую сестру ещё больше. Хотя, казалось бы, куда уж больше!

А другое открытие – открытие луны. Ну, ходили Аришка с Андреем по тёмному посёлку иногда. Ну, висел в небе светлый шар. Да мало ли что где висит.

Но однажды летним вечером они, наконец, увидели её. Она была большая, полная, яркая и висела над головами невысоко так.

А когда взгляделись в неё, ахнули.

– Гляди, Ариш, лицо.

– И, правда. Страшно?

– Нет, она добрая. Давай ей покричим.

– Давай.

И залились на всю деревню два писклявых голоса:

– Луна! Луна! Луна!

Но, как ни звали, луна не отзывалась.

– Не слышит, наверное. Давай громче.

– Луна-а-а-а! Луна-а-а-а!

Кричали до хрипоты. Но луна так и не ответила почему-то. Может всё-таки она не так уж и низко висела и их просто не услышала? Но смотрела она на них, это точно! Они это чётко видели. Без сомнения.

Пришла пора сажать картошку. Приехал дед Пётр, собралась приятная компания. Как всегда взрослые волновались, удастся ли добыть лошадь. А заодно и навоз. Витька Быков, конечно, безотказный, но у него количество лошадей ограничено. А если все решат в один день сажать, где для всех лошадей набраться? Да и Витькины конюшни вовсе не Авгиевы, навозу там поменьше будет, на всю деревню может и не хватить.

Дед Пётр с сомнением посмотрел на Андрея.

– Может, ты с Витькой поговоришь? Вы с ним всё же дружите. Может, он тебя больше слушает?

Но решил, что одно другому не помешает, и вечером пошёл договариваться сам.

Оказалось, с Витькой не так было просто договориться. Витька улыбался, кивал головой и сказал, что, если останутся лошади, то даст. А останутся или нет, вот в чём главный вопрос, и этот вопрос не дал деду Петру выспаться. Заодно занервничали все.

Но на следующее утро вопрос решился в положительную сторону. И дед Пётр получил кобылку. Витька сам её запряг, в виду городского жительство деда Петра и ненадёжности его умений в этой области. Витькиным перстом была указана куча, с которой можно было начинать расчищать Авгиевы, то

бишь, Витькины конюшни, и дед Пётр на радостях навалил этого добра такой воз, что Витька поморщился, так, мол, и другим может не хватить, да и лошадку жалко.

И вот так, в приподнятом настроении, быстро, весело, с удовольствием и посадили картошку. Андрей куда-то подозрительно исчез. Впрочем, подозрение возникло лишь у Аришки, остальные только рукой махнули, бегают где-нибудь.

После посадки женская часть собирала на стол, дед пошёл возвращать рабочую лошадь, а Аришка сидела на спине той лошади.

Навстречу из конюшни вышел улыбающийся Витька, принял кобылку, стреножил её и отправил отдыхать крепким хлопком по упругому крупу, а Аришка с дедом вернулись домой.

И вот, когда все сидели за столом, у взрослых поднялось настроение ещё выше, мол, после такой дружной работы, да за таким вкусным столом не грех и выпить немного. А Аришка из стебля зелёного лука сделала цветок, окунула его в солонку и только собиралась отправить в рот, то есть в минуту, когда никто не ждал подвоха, подвох и случился. Бутылка-то пропала!

– Какая бутылка? – заморгала непонимающе Аришка.

– Белая. Аришка, ты видела? Вот здесь стояла.

– Не, я видела только прозрачную, с водкой. А белую не видела.

Тут все на неё накинудись, мол, где она. Белая или прозрачная, какая разница? Вынь, да положь на место.

Но Аришка видела, когда бутылка стояла, а когда пропала – не заметила.

Стали думать да гадать, куда она могла деться. Разные были подозрения, но постепенно они сфокусировались на Андрее.

А пока они свои подозрения фокусировали, Аришка незаметно выскользнула за дверь и побежала к Окуновым.

Вовка был лучшим и чуть ли не единственным другом детства Андрея, потому что мальчиков в деревне было совсем мало.

А с Райкой Аришка тоже подружилась, даже одно время ходили в обнимку, но нельзя сказать, что они стали подругами или друзьями. Не протянулась ниточка золотая, связывающая сердца.

Райка сидела на крыльце, ела шоколадные конфеты. Она и Аришку угостила.

Аришка рассказала ей о двойной пропаже: и Андрея, и бутылки с водкой.

Рая же в ответ поведала, что Андрей к ним прибежал ещё с утра, и они с Вовкой куда-то направились.

– Пошли на конюшню, они наверняка туда побежали, – Райка отложила конфеты.

Когда девочки пришли в конюшню, там, казалось, никого не было. Коней разобрали по работам, оставшиеся гуля-

ли на пастбище. Людей не видать: ни Витьки, ни ребят. Но не нужно спешить делать выводы. Знающие люди и в таких условиях могут отыскать компанию. А Аришка с Раей были знающими людьми.

Потолка в помещении, можно сказать, не было. Лишь балки сходились и расходились под прямыми углами. А между ними были перекинuty кое-где доски разной ширины. И только над Витькиным «кабинетом» был потолок. И там, можно сказать, на втором этаже, образовалось потайное местечко. Вот там и могли быть ребята. Попасты туда не так-то просто.

На стене были цеплялки, по ним можно забраться вверх, а дальше – двигаться в нужном направлении, как канатоходцу по балкам и по доскам, не каждый сможет. Кто-то делал это потихоньку, балансируя руками. Впрочем, опыт показывал, что легче бегом. И быстрее, и надёжнее.

Аришка научилась лишь по самым широким доскам передвигаться и то далеко не бегом. А по узким не могла. Пробовала – не получалось, голова клонилась в сторону, и она боялась, что вслед за головой и сама полетит вниз. Но сейчас лезть туда не стали, позвали:

– Вить, Андрей, Вов...

Послышалось шуршание и, не сразу, выглянули три головы: одна чёрная, большая и лохматая и две маленькие белобрысые.

Оказалось, что водку действительно забрал Андрей. И вот

они соображали на троих.

Ну, честно говоря, сообразили они так себе. Крышку понюхали и лизнули противную жидкость. Но, когда шли по доскам и спускались вниз, качались так артистично, изображая пьяную походку, что Аришка заволновалась, как бы не свалились.

Андрею, конечно, тогда влетело. Единственному. Вовке вряд ли. А Витьке тем более. Какие к нему могут быть претензии? Улыбался он обычно на все претензии. А тогда, если и были, то лучше попридержать их при себе. Кобылка-то и в следующий раз понадобится. А где брать её? Вот то-то же.

А Андрею напрасно влетело. Он ведь как мог, так и договорился. Что, не поняли что ли?

Рано или поздно на головы жителей нашей планеты, или на часть голов, обрушивается известие о надвигающемся конце света. Называют точную дату и начинают гадать, как всё это произойдёт.

Вот и такая новость озадачила жителей деревни.

Аришка с Андреем сразу к бабушке, мол, разъясни, что это люди такое говорят.

Бабушка разъяснила, что на Землю придёт Христос, здесь жизнь закончится, этот мир сгорит, люди пойдут на Страшный суд, где и определится их дальнейшая судьба.

Ну и скажите, как этот конец может напугать таких любопытных детей. То есть, надвигается интереснейшее событие, и Андрей с Аришкой стали его ждать, прямо-таки дни считать.

И стали приставать к бабушке с расспросами. Но бабушка подробностей не знала. Сказала только, что это событие страшное и его надо бояться, а когда это произойдёт – не известно не только людям, даже ангелы не знают.

Вот те раз, то обещали скоро, называли точную дату, а теперь неизвестно, когда это будет, может ещё не скоро. Дети почувствовали себя обманутыми и разочарованными, но всё же надежда была, раз неизвестно, то возможно всё. А страх и беспокойство, какие полагались в таких случаях, они и изоб-

разить смогут.

Кто-то уточнил, что к Земле летит огромная комета и, когда она врежется, вот тогда и будет конец.

Этот вариант развития событий был менее интересен. Хотя, тоже обещал незабываемые минуты.

Но не случилось ни того, ни другого.

Но бабушка рассказала историю, и она впечатлила детей в достаточной мере. Вот она:

Жила-была девушка Зоя. Комсомолка, но не спортсменка, а уж красавица или нет, про то неведомо.

Однажды, в канун Нового года, случились в её доме танцы. Мать ушла куда-то, была она верующей и танцы не одобряла, Зоя же в Бога не верила, она верила в грядущий коммунизм. Вот и получилось, кому новогодние пляски, кому рождественский пост.

Девки с парнями быстро разбились на пары и понеслись, а вот Зоин ухажёр Николай что-то задерживался. Но Зоя не привыкла ждать. Она схватила икону Николая Чудотворца и стала танцевать с иконой. Даже подружки – комсомолки смутились, но Зое было по барабану.

И тут в доме раздался такой грохот и тарарам, что все в испуге высыпали на улицу. Думали, дом рушится. Там огляделись: дом на месте, Зои нет. Осторожно вернулись внутрь и видят, стоит недвижная Зоя, в руках икону держит. Зрелище не для слабонервных. Потому что Зоя застыла как истукан. Комсомолки и комсомольцы разбежались по своим ком-

сомольским квартирам, а Зоя осталась на том же самом месте ещё на несколько месяцев.

Слух распространился, словно огонь по сухой соломе. Только ленивый не побывал в те дни в злополучном доме. Пытались Зою всячески вернуть к жизни, но бесполезно. Врачи поставили диагноз, девушка жива, но словно парализована, какой-то странный столбняк, уколы поставить было невозможно, так как иголки гнулись и ломались. Но самое странное, Зою не могли с места убрать, так как она словно прилипла к полу, или приросла.

Вскоре опомнились главные строители коммунизма, такое паломничество под носом, а они не в курсе. Набежали, понаехали, Зою не разбудили даже они, народ разогнали, стражу приставили. И стояла Зоя ещё долго. Время от времени кричала страшные слова.

А потом стражники не заметили, как проворонили какого-то старца. Услышали, как он сказал девушке: «Что, Зоя, устала стоять? Скоро освободишься». Прошёл мимо изумлённых стражей и вышел прочь.

Зоя действительно вскоре освободилась, но дальнейшая жизнь её была не очень долгой и, наверное, не очень счастливой. Подробности и более точную версию можно прочитать в интернете.

Эта история распространилась от Куйбышева до Аришкиной деревни, по дороге, правда, несколько исказившись, Аришка услышала её, когда с интересом вглядывалась в

звёздное небо, пытаюсь рассмотреть приближающуюся комету, сулящую Армагеддон. Но потом забыла.

А когда стала взрослой, смотрела фильм по этому сюжету. И долго не могла сообразить, откуда она эту историю знает. И знает уже давно. Из фильма? Но его она видела впервые, артисты там современные. Нет, не из фильма. А потом осе-нило: ведь бабушка в детстве рассказывала про Зою.

А теперь Аришка поняла, что конец света наступает постоянно, только пока индивидуально и с кем-то другим. И это событие действительно страшное.

Кто даёт автору право писать то или иное? Наверное, он сам может решать. Вот и я рискну прервать повествование и от своего имени предложить читателю порассуждать. Сразу скажу, права я или нет – не знаю.

Я – христианка, хорошая или плохая, опять не знаю, скорее – не очень, но со своей христианской позиции мне кажется, что многие из нас заблуждаются.

Помните, в Евангелие есть описание события, в котором Христос проклял смоковницу, и она засохла? Я постоянно спотыкалась в этом месте, недоумевала, как так, Христос – Любовь, Милосердие и проклял смоковницу. А ведь даже не время было собирать смоквы. Да на ней плоды ещё не созрели, ведь не сезон был. Как же так? Господь сотворил законы, смену времён года, каждому растению наказал давать урожай в свой срок, а тут смоковница не угодила, хотя действовала в соответствии с этими законами.

А теперь эти слова я понимаю так: да, был не сезон, смоковница ещё не могла дать плоды, но Христос знал, что она их и не даст. Она была бесплодна по сути, хотя не должна быть таковой.

(Кстати, читала про эти деревья. Там они имеют свои особенности, в Палестине дают урожай трижды в год, причём, по оставшимся приметам от прошлого урожая узна-

ют, что дерево бесплодно, даже если не сезон. Если приметы отсутствуют, то дерево бесплодно. Как-то так.)

И это предостережение нам всем. Мы, как та смоковница, зеленеем, шелестим листочками, красуемся, нежмся на солнышке, но время идёт, и в нужную минуту дадим ли мы плод? Вырастим что-нибудь путное? А если останемся пустыми, на что мы можем рассчитывать?

И ещё отсюда вот что следует. Мы знаем, что без воли Бога волос не упадёт с головы человека. Но иногда с человеком происходят разные вещи, страшные, в том числе. И чья эта воля?

Вот Зоя. Так как это было давно, и очевидцев теперь, скорее всего не найти, можно верить этому, можно отмахнуться, мол, сказки, поэтому опишу другой случай.

В нашем посёлке умерла девочка. Она сильно болела с раннего возраста, в конце к её проблемам добавилась новая, начались припадки, типа эпилепсии, подробностей не знаю.

У нас чуть ранее умерла собака от эпилепсии, это было тяжёлое зрелище. Лекарства не помогали, надежда на помощь нового средства сменялась разочарованием. Было на грани возможного наблюдать за мучениями живого существа, которые всё продолжались, продолжались, пока выдерживало молодое сильное сердце.

А тут ребёнок. И мать столько лет всё это наблюдала. Чья воля?

Я случайно узнала, что отец этого ребёнка увлекался

экстрасенсорикой и, возможно, других вводил в заблуждение. Есть ли здесь взаимосвязь, как в случае с Зоей? На мой взгляд, есть. Во всяком случае, бабушка девочки видит причину болезни внучки в действиях отца.

Помните как написано в Псалтире? «...Падет от страны твоя тысяча, и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши...». Хорошо оказаться в том состоянии, когда «тьма одесную тебе» (одесную – справа, то есть не с тобой), и ты воздаяние грешников всего лишь увидишь. А кто они, эти грешники? И где они? Они такие же люди и рядом. А если ты среди них?

И всё это в моих глазах не противоречит тому, что Господь – Любовь и Милосердие. Иногда мы в такие дебри заходим, в таких трясиных булькаем, что вернуть нас в исходное положение может только то... что может.

Мы часто забываем, что за все свои поступки дадим ответ. Иногда, тут же, как говорится, «не отходя от кассы», иногда приходится подождать.

Поэтому, как говорит моя мама: «Знай край, да не падай!», потому что «близок локоть, да не укусишь».

Это я говорю и себе.

В утешение добавлю. Через девять дней после смерти девочки видела её маму в храме. Боялась, что она будет никакущая, но выглядела она обнадёживающе. Надеюсь, в её жизни дальше будет всё хорошо.

Это своё мнение я, получается, навязала читателю. Но было бы интересно узнать, что думают по этому поводу другие люди. И не только. Если есть желание, отзовитесь. У меня есть некоторая возможность поместить ваше мнение тут...

У бабушки была коровушка-кормилица. И кормилица эта не только молоко приносила, но и телят. Двоих сразу. Двойняшек. Вот от бабушкиной коровы сколько было пользы!

И телят этих, когда они немного подрастали, отдавали в колхоз. А колхоз за это денежки давал. А денежки бабушка клала на сберкнижки Аришке и Андрею. Вот вам, пожалуйста! Как такую добрую скотину не холить и не лелеять? Одни глаза чего стоят, не говоря уже о сберкнижках.

И вот однажды Аришка с Наткой гуляли около своих домов (а дома те через дорогу друг от друга находились). И видят, скачут немислимым галопом, хвосты задравши, бабушкины телята. С колхозного телятника сбежали.

А у бабушки возле ступенек стояла кадучечка небольшая с дождевой водой. Дождь был несколько дней назад, водичку никто не удосужился вылить, вот и стояла она, цвела и пахла.

И телята подбежали к этой ужасной воде и стали пить с не менее ужасной жадностью. Они пили, толкали друг друга, фыркали, чихали и снова пили.

А Аришка с Наткой смотрели и не знали, что делать.

А что делать? Делать вывод: у бабушки телятки жили – водичку чистенькую, тёпленькую, с вкусняшками нехотя пили, а в колхозе стали жить – не дают там, что ли, вообще пить? Надо спасать телят. Всех. Весь телятник.

У Аришки и Натки опыт спасателей этим летом уже был. Спасали всех, кто на глаза попадался.

Вот вам, пожалуйста, из последнего. Кот бездомный. Или кошка? Девочки в этом вопросе не очень разбирались. Но эта животина была горемычная. И выглядела неважно, и вечно голодная.

Так как бабушки наотрез отказались взять котяру к себе в хозяйство, решено было так спасти.

На нейтральной территории, возле заднего забора Витьки Быкова, в укромном месте за заброшенным погребом был построен кошкин дом. И туда приносилось для кошки питание.

Честно говоря, своих кошек так не кормили, сами порой не ели так, как кормили это несчастное животное.

Кот в своё новое жилище приходил исключительно для принятия пищи, а жить там не захотел, к большому разочарованию девочек.

А потом выяснилось, что он вовсе не бездомный, а домашний, и хозяева его – Быковы. А он нагло пользовался заблуждением девочек и жрал на халяву сосиски и колбасу, которые кстати привезла Наткина мама, приехав погостить.

Но кот – это уже прошлое, а теперь спасти надо было телят.

Девочки собирались недолго. Только у бабушек отпросились отогнать телят в коллективное хозяйство, где им теперь самое было место. И следом за телятами пришли сами.

Была середина дня. Лето. Солнце. Тепло. На ферме не было видно ни одной человеческой души.

Девчонки осмотрели поле деятельности. Телята были среднего размера и находились в общем помещении. Уже легче.

Маленькие телятки, обычно, бывали в отдельных загораживаниях. За ними должен быть более заботливый уход. Они и на ножках стояли неуверенно, и соломки им нужно побольше, чтобы не мёрзли, и поили сначала, как и человеческих малюток, из бутылки (правда большая металлическая) и соски (тоже большая, чёрная, резиновая). А потом, постепенно, приучали пить из ведра.

Аришка не раз этим занималась, когда помогала на ферме, поэтому знала.

Сначала телёнок понятия не имеет, как пить из ведра. И его мордашку засовываешь в молоко обманом. Даёшь палец, он его сосёт, думая, что это соска, и постепенно палец вместе с телячьим ртом нужно опускать в ведро с молоком. Он его продолжает сосать в молоке, и уже молоко, как-нибудь, по пальцу, поступает в организм. Потом нужно убрать палец. Конечно, сразу ничего не получается, но, если долго мучиться...

А когда телёнок научится сам пить из ведра, дело вроде и легче, но у телят инстинкт, когда пьют, наподдать лбом куда попадёшь. Эти наподдавания в естественной среде стимулируют выброс молока у коровы. Но эта естественная среда уже

давным-давно даже и не прошлый век. И эти наподдавания в нынешнее время приносили Аришке лишнее беспокойство. Того и гляди ведро из рук улетит в неизвестном направлении вместе с молоком.

Но в данный момент перед Аришкой и Наткой стояла конкретная цель – напоить водой страждущих.

Девочки были далеко не дурочки и понимали, что для её осуществления нужны: А) источник. Вот он торчит из стены краником. Проверили, крутанули вентиль. О, с источником всё в порядке. Б) поилка. Вроде нашлась таковая. Поилка выглядела горизонтальной трубой с широкими отверстиями в верхней части, и проходила она по всему телятнику. И В) подходящие сосуды, чтобы перенести воду из пункта А в пункт Б. Вот тут-то девочки и проявили себя как дурочки. Посмотрев вокруг в поисках сосудов, они увидели кружки, стоящие в оконных проёмах, схватили их и стали бегать из пункта А в пункт Б.

Бегали, бегали. Бегали, бегали. Бегали и проверяли, а есть ли результат. Его не было. Совершенно. То есть, а тех отверстиях, куда заливалась вода, дно поилки было мокрое, в других местах – аки в пустыне. Чуть-чуть осенило, нужна другая посуда. Стали искать. Нашли вёдра. Обрадовались! Сейчас всё пойдёт гораздо быстрее.

Стали вновь лить, уже не бегая, но, всё же, стараясь максимально поспешать. И вновь результат – ноль. Это уже выходило непонятно.

Продолжили свой путь, порядком уставшие, теряя последние силы и энтузиазм.

Результата нет. И куда, интересно, девается вся та вода, которую они льют?

...Спустя некоторое время на фоне розовых лучей заката можно было заметить две унылые девичьи фигуры. Это было горькое поражение и полупозорное возвращение домой. Ничего не получилось. Воду, казалось, поглощали какие-то «бизоньи» дыры. Не удалось даже лужицы налить. Мокрые и печальные девочки расстроено шмыгали носами. А вслед им доносилось не менее печальное мычание телят. И только со стороны пруда слышался многоголосый хохот лягушек.

Чем старше становится человек, тем с большей опаской он тянет в рот малопонятное и сомнительное. У детей, наоборот, не так. У деревенских детей, возможно, ещё больше не так. У Аришки и её друзей точно не так.

Вокруг был прекрасный, живой, чудесный мир, и, частично, он был съедобным. Об этом свидетельствуют и представители этого мира, и самим можно догадаться, или понаблюдать что-нибудь для проверки.

Вечер. Только что прогнали стадо коров на домашний покой. Пыль как следует не улеглась. А дети смотрят на зелёную траву. И что же в ней такое вкусное? Коровы, вроде, целый день только тем и занимались, что её жевали, и вот, по дороге домой, нет-нет, и протягивали свои фыркающие тёплыми брызгами рты к кустикам и травинкам и на ходу пытались урвать ещё хоть немножко.

И вот кому-то приходит мысль и самим попробовать эту траву. Но страшно. А если мы коровы? А коровам не страшно!

И вот там, где недавно прошли большие коровы, теперь на четвереньках ходят маленькие человечки. Они кушают траву.

Кушает и Аришка. Трава острая, можно порезать губы, поэтому отгрызать её стебель нужно осторожно. На зубах

скрипит песок. Трава на вкус так себе, скорее без этого самого вкуса. Аришка пытается проглотить. Но тонкий стебелёк прилип к корню языка. Выплюнуть? Не выплёвывается. Застрял, и ни туда, и ни сюда. Надо чем-нибудь запить. Нечем. Тогда заесть. И Аришка сгрызает новую травинку.

Вечером дед Пётр спрогнозировал Аришке хороший понос. Аришка слегка сконфужена.

Вот другой случай. Весенний. Распространённый.

Распускается сирень. Майская, ароматная, головокружительная. Если идти мимо подходящего кустика, и взглядом скользнуть по доступным веткам, всё, срабатывает стоп-кран, и руки тянутся эти ветки сорвать. Хорошо, что руки тянутся всё же к одной ветке. А то бывало, спасалась сирень только благодаря тем веткам, которые благоразумно устремились вверх, подальше от мимоходящих.

Итак, ветка сорвана. И что дальше? Сначала понюхать, потом закрыть глаза и снова понюхать. Потом зарыться лицом в прохладных цветках, зажмуриться, замереть и оставить вход только для запаха и для слуха. Обычно, птицы в это время распевают, и эти три чувства дополняют друг друга, позволяя насладиться весенней радостью. (Третье – осязание, лицо – в прохладных цветах). Можно ещё чуть-чуть приоткрыть глаза, и брызнет сиренево-зелёно-солнечный мир.

А потом рождается корысть и требует: отыщи цветочек с тремя или пятью лепестками и съешь его. И будет тебе счастье, какое сама пожелаешь.

И ела Аришка эти цветы. Глаз у неё – алмаз, бывало, с одной ветки столько желаний загадывалось! Интересно, сбылись?

Следующий случай, точнее случаи, без содрогания не вспомнить.

Аришка с друзьями, живя у самого леса, в лес ходили довольно-таки часто: просто так, за ягодами, за щавелем, а, когда научились немного разбираться в грибах, то и по грибы. Потом дома бабушка выкидывала поганки всякие, но они редко попадались, срабатывал коллективный разум и инстинкт. Грибы варили, жарили и ели. Неплохо.

Чаще всего собирались опята, маслята, грузди и сыроежки. И вот на сыроежках инстинкт в нужный момент и не сработал. Сыро-ежки. Само название, кажется, говорит, что можно есть сырыми. (Надо переименовать, чтобы не вводить людей в заблуждение). Потому что, название – названием, но мало ли кто что и как назовёт, нужно ещё и подтверждение. И вот кто-то из детей подтвердил – можно есть.

И Аришка ела. И не одну. Отдирала цветную шкурочку, предпочитая шляпки розовых оттенков, разламывала голенькую сыроежку и в рот. Ничего вкусного. Скорее горьковато-сыроватая безвкусица. Потом находилась новая сыроежка. Её Аришка тоже раздевала и откусивала.

А став взрослой, услышала такую историю. Две женщины пошли в лес за грибами. Одна из них съела сыроежку и умерла. Даже вроде сразу, на месте, не вставая с пенька. Во

всяком случае, взрослое Аришкино воображение нарисовало такую картину. И это случилось не где-нибудь далеко, а у них в районе. Вот так-то. Вот и верь названиям и подтверждениям.

А муравьиная кислота? Освежает! И главное, добыть легко своими силами. Стоит только найти хороший муравейник. А дальше нужно отломать тонкую веточку, облизывать её и положить в самую гущу муравьёв. Насекомые всё сами сделают. Облизать её вдоль и поперёк, через несколько минут можно палочку вытаскивать, скидывать муравьёв и лизать. Бр-р-р, ощущения как от лимона. Лицо сводит судорогой от кислоты. Кто-то сказал, что это муравьи так описали палочку, и на палочке не что иное, как муравьиная моча. Это смущало и портило удовольствие.

Словом, чего только не ели! Листья липы и всевозможные растения, названия которых покрыты неизвестностью. Стоило кому-нибудь сказать, что это съедобное, как тут же начинало тянуть проверить на вкус. И удивительное дело, что никто серьёзно не пострадал. Слава Богу!

Может быть, самым любимым, но и самым редким гостем был дядя Фёдор, мамин младший брат, бабушки Варвары, соответственно, младший сын. Федька, как называли его Аришка и Андрей.

Обычно это счастье начиналось издалека. Дети видели его любимую фигуру ещё на дороге, на подходе к бабушкиному дому и, визжа от радости, бросались навстречу. Вот уж обнимашки были, так обнимашки. Радость, счастье в эту минуту не описать.

Федя был молодой, весёлый, умный, красивый. Играл на гитаре полублатные и весёлые песни, пел красивым голосом. Очень остроумный. Шутил, веселил, подбрасывал детей к потолку и не забывал их поймать.

Душа у него была романтическая и исколесила, вместе с телом, разумеется, половину Союза, потом остановилась в Одессе. Там, на шестнадцатом этаже (выше не было) и поселилась.

Где-то раз или два раза в году он приезжал в Лосевку к своей матери, а потом наведывался и в деревню, где его с любовью встречали племянник и племянница.

Вот и теперь Федька с трудом отряхнул с себя детей, снял со спины рюкзак и гитару и повернулся к бабушке, которая что-то ему тоже приветливое говорила, но детей было трудно

успокоить. Увидев гитару, они сразу стали просить:

– Федь, спой что-нибудь. Ну, спой!

– Потом, – отвечал улыбающийся дядька, – сначала гостинцы!

Ну кто же будет спорить с таким замечательным человеком!

И дети стали с живым интересом наблюдать, как Федька из походного рюкзака доставал гостинцы и раскладывал их на столе. Федя был щедрый и каждому старался привезти сувенир.

В этот раз Аришку и Андрея ждало неведомое доселе питье, кока-кола называется. Аришка задумалась, где-то она слышала это почти стихотворное название напитка. Федя объяснил, что это американский лимонад.

– У-у-у, Андрей, американский лимонад! Давай попробуем!

Федька, воспользовавшись тем, что дети, наконец-то, от него отлипли, повернулся к бабушке. Та его увлекла куда-то во двор.

В комнате остались Аришка, Андрей и две одинаковые кучи гостинцев. Пора начинать дегустацию. И Аришка предложила начать с кока-колы.

– Это у нас лимонад называется «Буратино», а по-американски «Кока-кола». Понял? – Аришка любила логику, и, если можно было что-нибудь логически обосновать, она не лишала себя этого шанса.

– Понял, – Андрею честно было всё равно, он уже нёс открывалку.

– Давай я, – Аришка вечно бежала впереди паровоза.

Вскоре крышечки одна за другой покатались по столу, а бутылки многообещающе зашипели и запузырились.

Аришка схватила свою и поднесла к губам. Андрей сделал то же. Попробовали...

– Фу-у-у, гадость какая – удивилась Аришка.

– Гадость, – Андрей был согласен с сестрой.

В общем, вкус у них, за редким исключением, был одинаков. Пробуя что-то, они бессознательно следили за мимикой друг друга, и эмоции, отражаясь на лице другого, нередко помогали каждому определиться, что вкусно, а что – нет. И это было искренне. Как-то Андрей заболел, и его вырвало гречневой кашей, с тех пор он эту кашу невзлюбил. И Аришка с тех пор невзлюбила, хотя до этого ей каша нравилась. Но раз она Андрею так сделала, как её можно любить? И дело тут совсем не в брезгливости.

И теперь эта кока-кола не понравилась. Категорично. Отодвинули подальше бутылки.

– Может быть, потом допьём? Что дальше будем?

Оглядели гостинцы.

– Сгущёнку! – этот продукт проверен, с ним неожиданностей не будет.

Наковыряли той же открывалкой дырки в каждой банке и давай тянуть. Сладость как всегда удивила своим особенным

вкусом. Тянули долго, заедая виноградными ягодами, потом спохватились:

– А где Федька? Пошли искать.

Федька даже и без подарков был бы праздником. Но он всегда был с подарками. Всегда.

Чтобы рассказать про Федьку, начать надо с бабушки Варвары. Или ещё раньше, с бабушки Наташи. Правда, Аришка с Андреем её так никогда не звали. Она, по-настоящему, была им прабабушка, но Аришка с Андреем и узнали об этом не сразу, думали, бабушка и всё тут. Без всяких «пра». И звали соответственно. А, чтобы не путаться, к другим бабушкам добавляли имена.

Аришка, когда выросла, удивлялась, как у такой простой женщины родились такие дети. Ничуть на неё не похожие. Возможно, дело в их отце, совсем незнакомом для Аришки.

Бабушка и её муж Иван родили несколько детей. Выжили только трое: старшая Варвара, сын Пётр и младшая Лариса. Были ещё дети, но рано умерли. Про одного, кажется, его звали Серёжа, бабушка рассказывала Аришке. Плакала. Крепко мальчик хороший был. Да случилась беда, катался он с сестрой Варварой на санках, упал, ударился головкой. Дома плакал, жаловался, что голова болит. И умер.

Бабушкин муж недолго жил в семье. Он был «образованный». Это у него такое прозвище было. И прозвище, и статус. Он был умный, учился в институте. Скучно и тяжело было ему в деревне, тянул и привлекал его праздничный город, и бросил он свою малограмотную добрую жену и детей.

Дочь Варвара так его и не простила. Может, это было при-

чиной её льдинки в сердце. Даже не льдинки, а кусочка чугуна.

Выросли дети и разлетелись в разные стороны необъятной страны, никто не захотел остаться в деревне.

Младшая Лариса – в Подмоскovie бухгалтер.

Средний Пётр – художник-оформитель.

Старшая Варвара – без образования, школа только, зато где только не побывала и кем только не работала. Но специальность выбирала не пыльную. Рассказывала про свой способ приспособиться: «Устроилась, сначала ничего не понимала, но мне показали, на какие кнопки нажимать, я и нажимала, так и работала. Главное, не трудно. И деньги хорошие платили».

Была она самоуверенной, высокомерной, дерзкой. С домашними деспотичной и грубой. Аришке казалось, что в своей жизни любила она только свою мать.

В молодости поколесила она по стране. Рассказывала, что однажды жила в местности, где испытывали ядерные бомбы, она своими глазами видела тот самый ядерный гриб.

Власти наказали местным жителям сидеть во время испытаний в подвалах, из убежищ и носа не высовывать. Но разве местных жителей засунешь в подвалы, когда что-то интересное снаружи? А невидимая радиация не страшна. Она же невидимая. Что делает?

Вот и бабушка Варвара, да и другие выходили из подвалов, смотрели. Видели гриб вдалеке. Потом в подвал всё же

убежали.

Потом она долго жила на Кавказе. В юные годы встретила мужчину, от которого родилась на редкость хорошенькая дочка Алла. Но с тем мужчиной не срослось. И дочь Алла так ничего и не знала про своего отца. Даже имени.

Потом встретила второго мужчину – Владимира. Тот по характеру был, видать, покладистым, чем и обрушил на свою покладистую голову бесконечные упрёки и критику. Бабушка Варвара вертела им, как хотела. Заставила записать на себя дочь, и стала Аллочка Владимировной. А потом родился сын Фидель. Такое имя, в честь Фиделя Кастро, дал ему отец. Бабушка Варвара особо не возражала. В общем, к детям она была, мягко говоря, равнодушна. И к своим, и к чужим. И, когда расставалась со своим, как ей казалось, ничёмным мужем, отдала ему ещё и сына. «О! Простофиля, забрал!» кстати, Аллочку она ещё раньше сбагрила своей матери. А сама, ничем и никем не обременённой птахой продолжила летать по свету. И лишь когда обременять стали годы, выбрала для окончательного гнездования городок Лосевку, недалеко от деревни своей матери.

Сын Федя жил сначала на Кавказе. Его воспитывала русская семья, но кавказские традиции, особый дух, уважительное отношение к старшим, к матери, всё это впитывалось и прививалось с детства.

А, когда он оказался в России, в гостях у своей матери, ему пришлось нелегко. Но, как говорится, детская психика

гибкая. «Цел будет».

Федя был умный, талантливый, рассудительный. Но как раз эти черты характера не ценились его матерью. С её позиции, мужик, как муравей, должен тащить всё в дом, всё в дом и строить, строить свой муравейник. А на гитаре играть или картинки малювать любой дурак сможет. И то, что у двадцатилетнего парня были белые гибкие пальцы, это говорит о том, что он тунеядец. А то, что его в армию не взяли (язва желудка), это свидетельствует, что он с приветом. Дурак у неё сын, одним словом.

Бабушка Варвара своё мнение не считала нужным держать при себе. И это мнение больно ранило Аришкино и Андреево сердца. Заставляло иногда немного с сомнением глядеть на своего любимца.

А уж что чувствовал и ощущал молодой одинокий парень по этому поводу, знает лишь он один.

Аришке купили велосипед. На вырост. То есть взрослый и с рамкой. Это был один из первых велосипедов у девочек в деревне. И Аришка как-то самостоятельно и быстро научилась ездить под рамку.

Как это вообще возможно – взрослый ум приходит в тупик. Но детский ум задвинут на задний план. Включается сила воли и детское легкомысленное бесстрашие. Падать больно? Ну, скорее неудобно. И по причине слишком частого падения это становится привычным. И земля недалеко. А земля – не асфальт, да и травка кое-где смягчает.

Мотыляла несколько дней взад-вперёд перед бабушкиным домом с перерывом на обед. И научилась. Стала гонять по деревне. Правда, была опасна для общества. Ну и для себя, конечно. Например, если нужно было проехать по какому-нибудь определённом месту, по широкой одинокой досточке, допустим, то руки вдруг делались крюками, никак не могли удержать руль, сворачивали его в сторону, и колёса соответственно. И летела Аришка с этой досточки, да и с других тоже.

Или, например, идёт по дороге дедушка. Его можно объехать и слева, и справа. Дорога широкая, места хватает всем. Но Аришкины руки тут уж не могут свернуть руль ни вправо, ни влево, они одеревенели, и велосипед надвигается на

ничего не подозревающего дедушку, причём сзади...

Какой закон вселенной тут включается, непонятно. Но Аришка быстро поняла, как быть с этой проблемой. Во-первых, если есть возможность и другой путь, то надо ездить подальше от дедушек и одиноких досточек;

во-вторых, если уж опасного участка не избежать, то надо делать вид, что не сосредоточена на нём, равнодушно поглядывать по сторонам, таким образом, максимально обесценить опасность, а подъезжая к нему вплотную, смотреть немного вперёд и вдаль. Тогда как-то так можно обмануть что-то там. И проехать.

И вот на своём велике под рамку приехала в гости к Танюшке Вершининой. Аришка накатала, нагуляла аппетит, домой ехать с такой проблемой лень, да и опасно, могут не отпустить больше, а у Танюшки всегда вкусняшка найдётся. На худой конец кусок хлеба подойдёт.

Танюшка была невесёлая. На неё напала большая неприятность в виде бородавок. Обе её руки просто обросли ими.

И было удивительно, что такая противная пакость случилась именно с ней – чистенькой, ухоженной, умненькой девочкой, хотя это, наверное, не связано друг с другом.

Началось всё это где-то полгода назад, ещё зимой, и было непривычно наблюдать, как девочки во время игр с неохотой брали Танюшку за руку, если нельзя было этого избежать. А если можно, то не брали, сторонились.

Аришка узнала, что бородавки через касание не пере-

даются, поэтому не боялась брать Танюшку за руку, хотя на ощупь руки подружки были неприятны. Все в противных жёстких пупырышках.

И сейчас Аришка и Танюша рассматривали бородавчатые руки.

– Может ты лягушек и жаб трогала? – Аришка пыталась найти причину, но и сама же отмела её за несостоятельность. А кто лягушек и жаб в руках не держал? Враньё всё это.

– Сколько их? Ты считала?

Бородавки большие и маленькие, широкие и узкие, старые и молодые плодились и лезли кое-где одна на другую.

Танюшка назвала солидное двузначное число.

– Да ну, – не поверила Аришка.

– Давай пересчитаем.

Девочки пересчитали. Действительно, число получилось солидное и двузначное.

Аришка не знала, как утешить подружку. Подумать только, какое большое неприятное чувство может вызвать эта мелочь. Но не век же ими любоваться? Пора полюбоваться на другое.

– Пошли, я покажу тебе, как я на велосипеде катаюсь!

Танюшка одобрила езду Аришки.

– Сама научилась? – удивилась она.

– Ага! Хочешь, и тебя научу?

– Хочу.

От Танюшкина дома дорога уходила в лес, подальше от

посторонних глаз и неосторожных путников. Тут и решили проводить обучение.

Но ничего не получалось. Казалось бы, условия идеальные, рядом бежит юная учительница и с горем пополам пытается удержать велосипед перпендикулярно земле. Правда, пытается и удерживает, эти понятия не одинаковые по смыслу, а иногда даже противоположные. И летит ученица вместе с велосипедом и учительницей в придорожную лесную траву и кусты.

Честно говоря, Аришка сама так часто не летала, когда училась.

Но на то были и объективные причины. Ноги у Танюшки гораздо длиннее и под рамкой едва помещаются. Торчат колёнки в разные стороны, как у кузнечика.

Пробовали на рамку по-взрослому. Но тут недобор, ноги едва касаются педалей, нужно сильно перекашиваться, чтобы достать.

Аришка потом научилась и так ездить. Сначала одной ногой давишь на педаль, а вторая пока в воздухе болтается, а потом перевешиваешься на другую сторону, и наоборот.

Но у Танюшки пока не получалось.

Дома бабушка сказала:

– Вы так велосипед разобьёте.

И Аришка расстроилась. Велосипед действительно стало жалко. Но подруга дороже.

Хотя... вот бы Танюшке купили велосипед!

Аришка с бабушкой лежали на кровати. Летом темнеет поздно, и уже потемнело. Значит, поздно. Но они не спали. Не было Андрея.

У Аришки на душе тоска. И где его носит? Как бы чего не случилось.

Такое беспокойство за брата пока ещё редко посещает девочку. Обычно, они гуляют вместе, а вдвоём не страшно, даже если ночью, даже, если одни в темноте. Нет, конечно, иногда страшно, всякое бывает, но не так.

– Бабуш, а скоро Андрей придёт?

Она уже в который раз задаёт этот вопрос, и ведь понятно, что бабушка не знает, но хочется услышать от взрослого умного человека какие-то уверенные слова, которые разгонят её страхи и выдавят из сердца тоску.

– Не знаю. Скоро.

По стенам временами ползёт свет от фар проезжающих мимо машин и мотоциклов.

Обычно машины и днём-то редко ездят, а тут ночью только и мотаются. Это потому, что провода у Володьки Шитова, праздник в деревне. Гуляет молодёжь. Гуляет и Андрей где-то. Там же, наверное.

Сколько Аришка себя помнит, Андрей всегда или рядом, или она знает, хоть приблизительно, где он.

Хотя, самое первое воспоминание – без Андрея. Наверное, его тогда и на свете не было. Как это понять, она была, а его не было?

Она помнит, что лежит в кроватке, смотрит на шторы, шторы зелёные и какие-то куколки на них, или матрёшки. И кто-то подходит сзади. Она слышит приближение, но ещё не видит, кто это. Всё, больше ничего не помнит.

А потом все воспоминания уже с братом. Росли они вместе, неразлучные. Он её звал Ая, а она его – Дюшей. Ходили, держась за руки. Он хорошенький, красивенький, ноги колесом, потом выпрямились. Она в папку. Глаза большие, умные, добрые. (Наверное).

В деревне говорили, что не видели таких дружных детей.

А потом становились взрослее и всё реже держались за руки, потом и вовсе перестали. Но по-прежнему были неразлучны. Не ссорились. Конфетку всегда пополам. Не потому, что надо делиться, такой установки не было, а потому, что конфетка для одного – невкусная. А вот полконфетки мне, а половину – тебе, так нормально.

Делили по такому правилу, Аришка придумала: один делит, другой выбирает. Андрей доверял деление сестре. Аришка легко соглашалась.

С мультиками та же история, одному смотреть – неинтересно. Аришка и не смотрела одна, чтобы Андрею обидно не было. А если начинались, а брата нет, бросалась его искать. Бывало, прибегут оба запыхавшиеся, а уже титры пол-

зут по телевизору. «Ну ладно, зато буквы красивые посмотрим...».

Как-то жили они короткое время под Днепропетровском, около года. Аришка успела немного в садик там походить, и первый класс начать, Андрей только в садике успел побывать. Ох, и не понравился же садик такому свободолобивому мальчишке. Ну, ещё бы, после Витькиной конюшни и свободной жизни, режим, строгость и дисциплина. Однажды рванул он из садика в свободный мир, воспитательница за ним, дети за воспитательницей. Аришка в ужас пришла, глядя вслед этой бегущей толпе, сама же осталась на месте.

Однажды в садик приехал кукольный спектакль со сказкой «По-шучьему велению», для Аришки это было неведомое зрелище, но Андрей остался в соседней комнате наказанным в углу. Представление было предназначено для всех, кроме него. Как оказалось, и кроме Аришки тоже. Потому что она не смогла смотреть сказку из-за расстройств и из-за слёз. Она несколько раз просила воспитательницу разрешить позвать Андрея, но та каждый раз отказывала. Ох, и достал же он её, наверное. Но в конце сдалась, сказала: «Зови!» Аришка побежала в соседнюю комнату. Там в одиночестве всё это время провёл братик. Он стоял у окна и смотрел на свободу. Когда Аришка с грохотом ворвалась в комнату, он перепугано дёрнулся в свой угол. Аришка сообщила ему радостную весть. Но тот не обрадовался, даже не хотел идти. Аришка потянула его за руку. Финал они смотрели сидя

вдвоём на одном стульчике, но он казался совсем неинтересным.

Со временем у Андрея всё чаще стала проявляться способность попадать в опасные ситуации. И как-то легко он находил туда дорогу.

Аришка вспомнила, как они совсем маленькие гуляли около пруда. И как он туда кувырнулся – непонятно. Лёгкое пальцецо пузырьком надулось в воде. Она маленькая, не сообщает, что делать. Единственная мысль – позвать бабушку, но бабушка дома, далеко, не успеть...

А тут ночь, а его всё нет. И страхи заползают в голову. Как бы кто не обидел.

– Бабуш, пошли за Андреем.

– Пошли, – согласилась бабушка и, кряхтя, стала одеваться.

На улице часть Аришкиных страхов развеялась. Да, темно, да, ночь, но деревня не спит, гуляет.

Пошли к Шитовым. Там свет, музыка, там проводы.

А впереди в темноте послышалось шуршание, лёгкие шаги, детские голоса.

Аришка узнала голос брата. Нашёлся! Всё хорошо!

Оказалось, что это девчонки во главе с Тамаркой Болотиной провожают своего юного дружка. И вовсе не страшно на улице, а весело. И Аришке было бы весело, если бы не дома с бабушкой была, а на проводах у Шитовых. Детей, правда, внутри, за столы не приглашали, но и на улице было здоро-

во. Там гулянье в разгаре, вся деревня собралась, и никто не расходится ещё. Вот Андрей захотел домой. А так можно ещё гулять и гулять.

Попрощались. Спасибо девочкам. Особенно Тамарке. Она, конечно, равнодушна к Андрею, но это и хорошо. Хорошо, когда человека все любят. Так спокойней и безопасней.

Домой возвращались втроём. У Аришки на душе и хорошо, и немного больновато, как после рыданий. Хотя она не плакала. Всё в порядке. Нашёлся.

Да, на этот раз нашёлся.

Летом съезжались в деревню к бабушкам всякие городские и полугородские маленькие жители и привозили с собой детский фольклор самых разных жанров.

Большой популярностью пользовались игры в карты. И игры, и гадания.

Запомнилось одно страшное гадание на желание, которое должна исполнить Чёрная Королева. Желание она исполнит, но потом будет ходить невидимая за этим человеком всю его жизнь.

Аришка от такой жути наотрез отказалась. Днём-то ещё ничего, а вот ночью как? Она и так в комнате спать одна боится, а тут ещё и не одна. Рядом будет находиться Чёрная Королева. Нет уж, такого счастья не надо.

Но в Жвачного Короля играли долго. Если это можно назвать игрой.

Итак, суть вот в чём.

Нужно найти подходящий сарай, чтобы никто из взрослых не помешал, да и всяких животных чтобы в нём не водилось. В том сарае выбрать подходящее место, поставить нечто, чтобы выполняло роль столика, на него стакан с водой и сверху положить нож.

Стать рядом и всей компанией хором скандировать: «Жвачный Король, появись!».

Если долго и нудно это повторять, то вода в стакане забурлит, и из него вылезет толстенький карапузик в короне. Нужно самому смелому из присутствующих ловко схватить нож и разрезать тому королю живот. Из него вывалится много-много-премного жвачек. Загребай обеими руками – всем хватит.

Ну, сараев в деревне полно. Гораздо больше, чем жилых домов. Поэтому чередовали. Использовали и Аришкино помещение. Нож, стакан с водой – это всё мелочи. А вот с дисциплиной сначала никак не получалось. В самые напряжённые моменты, когда, казалось, вода вот-вот забурлит, кто-нибудь из компании начинал смеяться. Ну, и какой дурак вылезет, если нет никакой серьёзности? Король точно не лез.

Сделали жёсткое внушение хохотунам. И теперь уже в строгой тишине продолжили вызывать короля. Бесполезно, не появляется и всё тут.

Задумались, что не так.

Подозрение пало на нож. Холодное оружие всё-таки. Решили его убрать подальше от королевских глаз. Мало ли что? Может, он уже понял, для чего тут нож припасён. Убрали подальше от королевского источника, поближе к потенциальному хирургу. Да-да, убивать короля никто не собирался. Живот разрезать, а там он как-нибудь зарастёт, заживёт, вновь жвачками наполнится и можно опять вызывать.

Мысль, как всегда скакала вперёд семимильными шагами, на ходу строя и корректируя планы, а реальность застопори-

лась.

Детские голоса звучали всё жалобнее, требовательные нотки сменились на просительные. Но король не выходил на публику. Ну, не челом же ему бить, в самом-то деле!

И тут раздался пронзительный визг, который мгновенно подхватили все и ринулись вон из сарая, создавая пробку в дверях, и едва не потеряв по дороге перепугано бьющиеся сердца.

Уже вне выяснили, кто первым завизжал и по какой причине. Оказалось Мила Болотина. Ей показалось, что вода стала пузыриться. Провели опрос. Да, многие видели бурление воды. Обрадовались, что процесс сдвинулся, хотя и было досадно, что король в кои веки решил показаться, но подвела Милина нервная система. Но всё же её ругать не стали, как-никак – самая младшая, хоть и не намного, но за доброту характера простили её пугливое сердце.

Вновь зашли в сарай.

Но тут началась ерунда. Теперь, то одной, то другой девочке казалось бурление воды, дело тут же заканчивалось визгом и побегом из курятника. Никак невозможно было заставить себя спокойно реагировать на появление короля. Кажалось, что король уж готов к выходу, и, даже, проявляет нетерпение, если учитывать, как часто, со слов очевидцев, стала бурлить вода, но у девочек дрогнула решимость. Да и разрезать живот одна за другой все отказались. В таких условиях продолжать сеансы стало невозможно, и затею остави-

ли.

А тут – радость: в магазин привезли жвачки. Земляничные.

Аришка с Андреем купили себе по одной упаковке.

Пачечка длинненькая, удобно ложится в ладошку. Развернули розовую бумажку. Там пять пластинок в мягкой фольге. Аришка взяла одну пластинку, развернула бумажку. И тут же нежная розовость и аромат доставили удовольствие органам чувств. Насладилась, и – в рот. Сладкое ароматное облако наполнило во рту всё, что можно было наполнить, и это Аришка ещё не начала жевать.

– Андрей, а из королевского живота, небось, не такие вкусные жвачки?

– Наверное.

– Там, скорее всего, что-то вроде третьего сорта.

Ну, его, этого короля. И без него жизнь удалась.

Зимний день приблизился к своей середине. Мама заболела. Пора было идти на ферму, но она лежала на кровати, и не было сил встать.

Аришка с Андреем переживали. Одно из основных переживаний у Аришки, наверное, формировалось тогда и осталось на всю жизнь – страх кого-то подвести. Надо, значит, надо.

А подвести было кого. Коровы стоят некормленные – раз. Начальство в лице Сан Саныча с недоумением посмотрит: «А где моя работница?» – два.

– Ма, давай мы с Андреем сходим на ферму?

– Сходите, скажите Сан Санычу, что я сегодня не приду.

– А мы сами попробуем покормить.

Зимой коровам нужно было в обед давать дополнительный корм.

Мама за свою жизнь перепробовала и освоила несколько профессий, и, выйдя на пенсию, сказала: «Доярка – это наказание, – и, подумав, добавила, – за непочитание родителей». Вот те раз, а Аришке всю жизнь казалось, что ничего веселей этого нет.

К тому же на ферме тогда работали без выходных. Как? Как впряглись, так и погнали. Как-то так. Ну, и, естественно, без больничных. Бывали, конечно, случаи, когда доярка

не выходила на работу, тогда кому-то приходилось тянуть двойную нагрузку.

И вот Аришка с Андреем на ферме. Сан Саныча на месте не оказалось, они даже обрадовались такому обстоятельству, говорить никому не надо, «сами управимся». Доярки, мамины подруги, посмотрели на них с сомнениями. Но, как было уже не раз, победило извечное «целы будут», причём непонятно, кто они, те, кто «целы будут», то ли коровы, то ли дети, а скорее всего и те, и другие.

А Аришке и Андрею беспокойно. Перед ними целая куча жома, и его надо раздать коровам. Справятся ли?

Вагонетки пока все заняты. Никто из доярок не хочет уступать детям, понимая, что у них всё затянется на неопределённое время. А у каждой дом, семья, всем нужно быстрее домой, там тоже работы полно. Поэтому Аришка с Андреем просто стоят и ждут, наблюдая за мамиными приятельницами.

Вот Васёк. Тётя Вася, по-правильному, но никто её так не зовёт. В ушах здоровенные тяжёлые серёжки, висят некрасиво, растянув мочки и дырочки. Кажется, что если их не облегчить, то рано или поздно, мочки совсем разорвутся, и серёжки выскользнут синими огоньками к ногам коров. Васёк разговаривает громко, весело, но веселье её какое-то невесёлое. Много злости и мат на мате. Мужики так не сумеют.

Не знала тогда Аришка, не знала Васёк, что через много лет и в другом месте, будет у Аришки замечательная учени-

ца, девочка, умница, принцесса, будущая золотая медалистка. А потом выяснится, что она внучка Васька. Ох, и укатилось яблочко...

Вот загребают жом, как два экскаватора ковшами, баб Валя и Райка Окуневы. Работают дружно, мощно, эти скоро вагонетку освободят. Пересмеиваются, слушая маты Васька, изредка баб Валя вставляет своё, остроумное и заковыристое, Райка пока только посмеивается.

Баб Валин портрет недавно в газете пропечатали. Аришка тогда ещё не понимала разницу между районной газетой и всесоюзной, ужасно удивилась, увидев такое прославление своей соседки, и была озадачена её совсем не тщеславной реакцией. Увидев себя, баб Валя засмеялась и описала: «Губы, как трубы, нос, как паровоз». Аришка тогда внимательно взгляделась в газетный снимок, и правда, губы, немножко, как трубы, а нос, чуть-чуть, как паровоз.

Освободили Окуневы вагонетку, пошли домой. Теперь до вечерней дойки есть несколько свободных часов. А вагонетку приняли Галдины. Анька и её мама Нина. Галдины работают не торопясь, особенно по сравнению с Окуневыми. Анька хоть и старается, по пользы от неё не очень. Пока наберёт на совковую лопату жома: зацепит много – не поднять, отсыплет немного, а он весь высыплется. Потом поднимет лопату кверху вагонетки, вся выгибаясь и вставая на носочки, высунув язык от напряжения. И сначала. Не знали Аришка с Андреем, что, когда придёт их очередь, сами так же бу-

дут работать. Горе луковое, а не работники.

Рядом трудится мамкина ближайшая подруга – Инка Талалаева. Хотя, на критичный взгляд Аришки и Андрея, так себе подруга. Сколько раз они слышали, как говорила она о их мамке неприятные вещи, когда её рядом не было. Говорила, они слышали, переживали, но мамке не передали.

Но и хорошие вещи слышали. Один раз их деревенская компания возвращалась из соседнего села. Там, в местный клуб приезжали артисты, давали концерт. Мамка тогда не пошла, а попросила Инку за детьми присмотреть. Компания подобралась большая, пока по полю шли из одной деревни в другую, обсуждали и концерт, и артистов. И Инка сказала, что стих рассказывали – так себе. «Вот Алка, когда читала стихотворение «Они согнали матерей...», весь клуб плакал, а эта артистка Алке и в подмётки не годится».

Ух, как порадовались Аришка с Андреем, ведь Алка – это их мама. И она лучше всякой артистки стихи читает. Все слышали, как Инка говорила. За эти Инкины слова, простили они ей многое. А особенно то, что сама непутёвая и их мамку вечно втягивала в непутёвые дела.

...Короче, на улице уже смеркалось, и трактор привёз новый корм, на этот раз сено, и высыпал его в несколько куч, для каждой группы коров и их хозяек отдельно, а Аришка с Андреем всё ещё не освободили своё место от жома. Правда, осталось совсем чуть-чуть.

Дальние коровы жалобно мычали и тянули свои печаль-

ные морды, недоумевая, почему их никак не покормят, Андрей с Аришкой еле ноги волокли. Жом всё никак не заканчивался, пришлось менять первоначальные планы, состоящие в том, что, когда закончат, покатают друг друга на вагонетке, благо, к тому времени народу на ферме не останется. Не угадали ни с чем. Сил не осталось, это верно. А народу, правда, в какой-то момент не было, но к тому времени, как жом, наконец, иссяк, доярки уже потянулись на вечернюю дойку. Пришла и мамка.

Ночью Аришку долго толкали в бок и пытались разбудить весёлым голосом и приветливыми словами. Но разошавшейся Аришке и голос казался раздражающим, и слова вовсе не добрыми. Потом стало доходить до сознания, что голос-то Олькин. А откуда на печке Олька? Сознание постепенно включалось в работу, настраивая связь с окружающим миром. Наконец и глаза открылись.

– Оль, ты приехала?

– Ага, – Олька радостно улыбнулась пришедшей в себя племяннице. Аришка села. Свет неярко освещал пространство на печи. Где-то в комнате негромко разговаривала бабушка с дедом Петром.

– Мы с папой только что со станции.

– Вот здорово!

– Посмотри, что у меня есть, – Оля показала куколку, которая активно двигала ручками и кивала головой.

– Ой, а как она так?

Оля раскрыла секрет. Оказывается, куколка внутри полая, её пустая головка и ручки надеваются на руку, как перчатка. Двигаешь пальцами – двигается она.

– Дай мне попробовать! – у Аришки сон как ветром сдуло.

– На, – согласилась Оля, укладываясь рядом с Аришкой и зевая.

Аришка стала играть с куклой и строить ближайшие планы. С Олькой всегда много интересных занятий.

– А что мы завтра будем делать?

– Не знаю. Может, в лес пойдём?

– Давай в Колдыбань сходим?

– Можно и в Колдыбань, – Оля уже засыпала, и теперь Аришка пыталась её растормошить.

– Оль, а что ты ещё привезла?

– Завтра посмотришь.

– Оль, давай сегодня.

Но тут в комнате выключили свет, и на печи стало темно.

– Оль, а Оль!

– М-м-м, – юная тётка уже спала, зато Аришка лежала с открытыми глазами, глядя в тёмный невидимый потолок, ждала утро, а в руке тормошилась маленькая куколка.

Уютная знакомая лесная дорога. Две грунтовые колеи, между ними зелёная живая полоса. Аришка с тёткой идут рядышком. Оля ещё не загорелая, в светлом платье, аккуратно причёсанная. У Аришки, как всегда, с аккуратностью и опрятностью нелады.

Идут не торопясь. А куда спешить? Впереди целое лето! Время от времени сворачивают с дороги к крупной землянике. К мелкой уже и лень подходить. Ягодки рвут, но не съедают, нанизывают на длинный стебелёк какой-то травинки, остренький и тонкий. А посуды нет никакой, так как этот поход чисто развлекательный, а целенаправленно идти за ягодами, щавелем, грибами, цветами можно и следующий раз. Хоть завтра.

Лес не бесконечный. Всего несколько километров. Но доходят максимум до Колдыбани. Далее люди не ходят, и дорога сворачивает. Через некоторое время эта дорога выводит на поле.

Загадочная Колдыбань остаётся неисследованной. Но ясно, что именно там и живёт всякая лесная нечисть. В той стороне и лес меняется, становится тёмным и уходит вниз. Оттуда выползает и окутывает невидимый страх.

И Аришка старается отвлечься:

– Оля, расскажи сказку.

– О, нет, потом.

Аришка и сама понимает, что сейчас не время. Сказку лучше рассказывать в саду. Лечь под одной из яблонь, глядеть в небо на облака и слушать.

Ольку, правда, приходится уговаривать. И не то, что она ломается, или хочет Аришку подразнить. Нет, не то. Видно, что ей непросто начинать. И лишь позже Аришка стала подозревать, что эти сказки Ольга сама сочиняла, на ходу.

Потому, что каждый раз это была новая сказка, незнакомая, ни до, ни после Аришка такую не читала. А уж перечитала она столько сказок!

– А Надя приедет?

Аришка всё ещё пытается разговорами прогнать свои страхи, вызванные Колдыбанью и недалёким присутствием неизвестно кого. Может быть, даже самой Бабы Яги. А где ж ей ещё жить? Только здесь, более подходящего места нет.

– Скоро приедет. Она заканчивает практику.

– Какую практику?

– Ну, отучилась на швею, теперь пробует работать.

– И как? Получается?

– Получается.

Все родственники признали, что тётя Зина выбрала хорошую профессию для своей падчерицы. И на хлеб можно заработать, и себе всё, что нужно сшить.

– А сама-то ты как год закончила? – Оля заинтересовано повернулась к Аришке.

– Да, так! – махнула досадливо рукой та. – Математика – 5, чтение – 5, русский – 4.

– Что ж ты так?

– Не знаю.

Вышли из леса. Теперь по его краю дорога уводит назад в деревню. Справа поле, за ним далёкая Лосевка. Далеко впереди серебрится зелёная нива. Ветер колышет её, образуя волны.

– Смотри, как красиво!

– Да.

Сняли обувь, идут босиком, пальцами приятно проваливаясь в песок.

Тёплый летний день. Детство...

Но не все гости были одинаково приятны. Бабушка Варвара приезжала часто, почти каждые выходные, и это не радовало детей.

Бабушка Варвара жила в Лосевке. Если напрямик добираться из Лосевки, вброд через Неруссу, то, говорят, девять километров. Можно ещё в объезд, по московско-киевской трассе на транспорте, потом пешком тоже девять километров, но уже не через реку. А Нерусса небольшая, но коварная. Вот и приходится каждый раз делать непростой выбор.

Бабушка Варвара к своей матери приезжала нагруженная «под завязку». На спине рюкзак, в руках тоже что-нибудь. Бывало, ведро помидоров. Обязательно булочки, хлеб.

Зимой могла приехать на лыжах.

Бабушку, свою маму, она и любили, и жалела. Зато не жалела остальных, к остальным, возможно, относилась весь белый свет, и не церемонилась ни с кем.

Вот пример. Как-то жили у бабушки студентки, которых направили в колхоз, чтобы они помогли убрать сахарную свёклу. Кстати, Аришка однажды и им помогала её убирать. День был пасмурный, грязи на поле по колени и выше, лежат унылые кучи свёклы, и девушки что-то в этих кучах разгребают. Аришка тоже что-то разгребла, и за это студентки угостили её той самой свёклой. Разрезали плод на несколько бе-

лоснежных сочных частей и Аришка убедилась, что свёколка ничего себе, сахарная. Но в грязи копаться не хотелось, поэтому, угостившись, убралась домой.

Так вот, как-то Аришка была свидетелем такой картины: после работы или в выходной, студентки лежали на печке, никого не трогали, разговаривали о своём, о девичьем. И тут заходит бабушка Варвара: мат-перемат, девок за ноги с печки: «А... ну... бабке... помогать... развалились... тут... ...». Вот как-то так проявлялась её жалость к бабушке и желание облегчить ей жизнь.

Матюкалась бабушка Варвара, конечно, по-страшному. Может быть, поэтому Аришка всю жизнь матами не пользовалась и их боялась.

Придя к своей матери, отмахав столько километров и далеко не с пустыми руками, бабушка Варвара тут же принималась работать в обширном бабушкином хозяйстве, попутно втягивая в этот процесс всех, кто попадался под руку. И, так как Аришка с Андреем вечно болтались под ногами, она впрягала и их. Скидки на детский возраст не было.

И, если с дедом Петром любая работа приносила удовольствие, то с бабушкой Варварой она превращалась в пытку своей изнурительно долгой тяжестью, однообразием и беспрерывностью.

В то время бабушка Варвара увлекалась гаданием на картах. Потом, ближе к старости, она узнала, что православным этим заниматься нельзя и забросила карты бесповоротно.

Но в своей относительной молодости она гадала всем желающим. Она и Аришку научила. И та раскладывала тройки карт, пытаясь понять, что у неё на сердце и под сердцем.

Но гадала бабушка Варвара чаще всего на отсутствующую мамку. А карты говорили о мамке только плохо. И дорога не туда, и хлопоты не те, и казённый дом не тот. Бабушка Варвара матюкалась, орала и била кулаком, негодуя на непутёвую дочь. И вот за это Аришка и Андрей не любили, когда она приезжала.

А мама в это время старалась вырваться из деревни и поселиться в далёких краях. Она вырывалась самостоятельно, угнездялась там, а через некоторое время забирала к себе детей. Потом что-то там не срасталось, возвращалась с детьми в деревню и вскоре делала новую попытку.

Реже всех в гости к бабушке приезжала её младшая дочь – Лариса. Жила она в подмосковном Долгопрудном, всю жизнь проработала бухгалтером, родила двух детей, с мужем не сложилось.

Старшая дочь – Любушка, умница, красавица, чёрная родинка у рта, словно ставит точку в создании её милого образа.

Младший сын Валера – глухонемой. Красивый, высокий, но неумолимый недуг делал своё дело.

Говорили, что родился он, возможно, здоровым, но был беспокойным и часто плакал. Бабушка Лариса, сама беспокойная, стала тревожиться, а всё ли в порядке? Почему малыш плачет? Может, он нездоров?

И вот понесли на обследование, сделали пункцию спинного мозга. Неизвестно, нашли причину плача или нет, но Валера замолчал. Вот такая печальная история. Но всё ли в ней правда?

Валера был добрым. И во время редких встреч, Аришка и Валера радовались друг другу, и радость эту рождала родственная любовь. У Аришки к этой радости примешивалась толика жалости. У Валеры, похоже, радость была чистой и незамутнённой.

Общались они не без сложностей, Но понимали друг дру-

га.

Бабушка Лариса к Аллиным детям относилась доброжелательно и снисходительно. Понятно, что они немного второго сорта, но она и таких готова любить. Ну, может, не любить, конечно, а как получится.

Получалось по-разному, пока Аришка не повзрослела, но об этом позже.

Бабушка задумывалась временами, с кем из своих детей ей придётся проводить остатки земных дней, она понимала, что это от неё зависит в малой степени, но размышлять ведь никто не запрещает. Аришка тоже задумалась и посоветовала ей доживать с бабушкой Ларисой. Но бабушка серьёзно сомневалась. Аришка удивлялась: почему? Что тут колебаться, ведь бабушка Лариса самая добрая. Но бабушка колебалась.

И получилось не совсем так, как предполагали лёжа на печи Аришка с бабушкой. Когда пришло время, никто из детей в очередь не встал, и драку за право дохаживать мать не устроил. Чему Аришка немало удивлялась, и осуждала их всех за такое малодушие.

Сначала бабушка немного пожила у своей старшей дочери Варвары, затем её привезли назад в деревню, где уже жил сын Пётр со своей новой женой, потом окончательно отправили в далёкий Долгопрудный. Получилось как в той притче, «станешь немощным, возьмут тебя под руки и поведут туда, куда не хочешь».

Когда Аришка была маленькой, она сильно переживала, что её бабушка старенькая. Гораздо старше бабушек её подруг, старше Райкиной бабушки Вали. А раз она старенькая, то может скоро умереть. Аришка проснулась однажды ночью с этой мыслью и залилась слезами. Возможно, она тогда впервые осознанно, по собственной инициативе, обратилась к Богу. Она просила долгой-долгой жизни для своей бабушки.

Бабушка прожила долгую-долгую жизнь. По неточным подсчётам (год рождения неизвестен) – 95 лет.

И Аришка взрослая задумалась, что в таком долголетии, наверное, мало хорошего.

Самой Аришке тоже пришлось доживать старого человека. И это было гораздо позже. И это было лихо. Настолько, что на некоторое время она потеряла симпатию ко всем старикам и старушкам. И теперь она понимает, что такой груз не каждый на себе добровольно понесёт.

Бабушка мужа была для Аришки сложным человеком. Откровенно говоря, она её так до конца не поняла. Наверное, они были совсем разные.

Бабушку звали Алевтина Степановна. Проработала она почти всю жизнь главным бухгалтером в советской торговой организации, умело управляла и лосевской частью советской торговли, насколько ей позволяли бразды полномочий, и подчинёнными девчатами.

При общем дефиците, работник торговли, пусть и связанный с нею несколько с обратной стороны, это тот человек, перед которым заискивали многие. И Алевтина Степановна жила благополучно, гордо и самоуверенно.

Аришкина мама первая познакомилась со своей будущей почти родственницей. Хотя знакомством это можно назвать с натяжкой. Во всяком случае, Алла Алевтину Степановну запомнила.

Аришка тогда училась на первом курсе педучилища и о собственном будущем муже не имела пока никакого пред-

ставления.

А Алевтина Степановна временно работала продавцом в универмаге. Возможно, она хотела сменить направление своей специализации.

В универмаг привезли мужские трусы, и Алла пристроилась в длинную-длинную, бесконечную, ужасную очередь. Но что делать? Не оставлять же своих мужиков: мужа и сына без трусов.

Люди волновались, раздражались, некоторые старались пронырнуть без очереди. Продавцам, конечно, было тоже несладко.

К обеду Аллу прижали к прилавку, цель близка, совсем рядом. Ура! Она, наконец, первая в очереди. Сейчас её обслужат.

Но не тут-то было.

– Перерыв! – громко объявила полная продавщица, и с силой перекрыла металлическую перегородку, отделяя свою территорию от безумной очереди.

И, возможно, не заметила, что при этом распорола ногу, потенциальной покупательнице.

Алла заплакала. И от боли, и от обиды, и от грубости, и от несправедливости. И ушла домой, хотя была у финиша.

Так Аришкин отчим и Андрей остались без новых трусов. А Алевтина Степановна вновь вернулась в бухгалтерию.

Алевтине Степановне выбор внука не понравился. На это были объективные и воображаемые причины. Но Аришке было почти всё равно.

Со своей мамой она с детства не была особо близка, с рождением младших братиков ещё больше отделились. А когда началась учёба в другом городе, стала почти самостоятельной.

Поэтому, на любовь чужой женщины она и не рассчитывала, и с мужем стали жить сами по себе. А Алевтина Степановна где-то на заднем плане.

И Аришке искренне казалось, что она нашла секрет гармоничных отношений между параллельно возникающими родственными связями при создании новой семьи. И вот он: «чем дальше – тем дружнее».

Вскоре случай открыл ей глаза. А потом и люди добрые подсказали. Секрет этот, если и имеет место быть, но не в их случае.

Но жизнь продолжалась. Время от времени общались, помогали друг другу. Алевтина Степановна, в основном, с ребёнком посидеть. Аришка – по хозяйству, с огородом, уколы поставить.

И так всё тянулось много лет – не близкие, но и не враги, до тех пор, пока к бабушке не пришла нежеланная для мно-

гий гостья – старость. А в подарок она принесла – деменцию.

Строго говоря, такой диагноз поставили не врачи, это Аришка сама, облавив интернет, пришла к такому выводу.

Пришлось переезжать к бабушке. Потянулись очень трудные для Аришки три года.

Деменция, понятное дело, это не грипп. И проблемы уже начинаются с сомнения и непонимания, где границы между симптомами и особенностями характера. Притворство и розыгрыши – это болезнь или желание привлечь внимание? Аришка здесь нужна или над ней издеваются и желают, чтобы она освободила территорию от своего присутствия?

Бабушка была в основном в четырёх состояниях.

1. Деменция отходила. Алевтина Степановна становилась властной, недружелюбной, обидчивой. Аришка в такие минуты чувствовала себя незваной гостьей, и желала куда-нибудь переехать. Но это желание было неосуществимым. Она понимала, что Алевтина Степановна в этом состоянии будет недолго. Поэтому задерживалась допоздна на работе, предлагая любимым коллегам потрудиться за них.

2. Бабушка была милой, слабой, добродушной старушкой, старалась угодить всех, кто попадался ей на глаза, переживала за других.

3. Была полностью не в себе. Отключалась от внешнего мира. Аришка вызывала в таких случаях скорую, но врачи

ничем особо помочь не могли.

4. Бабушка хитрила, притворялась.

В последнем случае нужны были стальные нервы. Чего у Аришки отродясь не водилось.

Вот пример...

Бабушка в то утро не встала с постели.

Было лето. Аришка в отпуске. Никогда ещё отпуска не были столь нежелательны. Аришка даже походила по местным организациям, предлагая себя во временные работники. Но почему-то никто не заинтересовался Аришкиной персоной. И потянулись любимые летние дни под гнётом постоянного присутствия тяжёлого человека.

Ясно, что и Аришка временами или постоянно была в тягость. Но старость оставляет мало выбора. Приходится многое терпеть всем.

Утренние работы были переделаны, и Аришку стало удивлять, почему это Алевтина Степановна заспалась сегодня. Она вошла в её спальню. Та лежала на кровати.

– Пойдёмте завтракать. – бабушку Аришка звала на «вы».

– А, нет. Парализовало меня сегодня.

– Ну, как-нибудь потихоньку.

– Нет, не встану. Отходилась я, – Алевтина Степановна заплакала.

Аришка вышла. Раздражение переполняло.

«Начинается! Вот и что теперь прикажете делать? Ну, пусть полежит. Надоест – выйдет».

Но время проходило, бабушка держала позицию. Аришка стала беспокоиться: «Ладно, без еды лежит. Но ведь, возможно, ещё и пить хочет. Вот это сила воли».

Аришка не выдержала, отнесла ей воды.

– Нет, не могу я попить. Парализована я.

«Она что, не имеет понятия, что такое парализация!!!» – злобно размышляла Аришка.

Приехал на обед муж. Аришка вздохнула с облегчением. Вот сейчас что-нибудь разрешится. Но Сергей совсем не мог противостоять бабушке. Все его уговоры и разговоры ни к чему не привели, закончилось тем, что он стал кормить её с ложечки.

Так продолжалось весь день. Аришка держалась, понимая, что нельзя поддаваться притворству. Но на душе скребли кошки. «Парализованный» человек лежал голодный, кормил этого человека только внук. А она, получается, вообще совесть потеряла.

Утром следующего дня Аришка поставила в комнате бабушки на её столик, стоящий, кстати, довольно далеко от кровати, тарелку только что сваренного супа и сказала:

– Вот суп, а я пойду на огород.

Алевтина Степановна только тяжело вздохнула.

Под жарким солнцем работала Аришка, а в голове роились не менее жаркие думки. И как это всё выдержать! Аришка понимала, что будь на её месте более здравомыслящий человек, который не прогибался бы под чужое влия-

ние, весёлый, лёгкий, который не залипал бы на негативе, на проблемах, который не так глубоко бы пускал в свою душу чужие эмоции, тот бы человек смог бы и эту ситуацию раз-
рулить, и множество подобных. Аришка же слабая. Мозги и так немного набекрень, свою позицию не может держать, легко поддаётся чужому влиянию. Она беспомощна. Попала в какую-то ловушку и не видит выхода совсем.

Прошли часы. Пора было возвращаться в невесёлый дом.

Вымылась. Зашла в спальню к бабушке. Взгляд тут же опустился на тарелку с супом. Пуста...

Алевтина Степановна догадалась, о чём Аришка подумала и сообщила, чтобы развеять её подозрения:

– Приходила Вера Кастова, покормила меня.

Аришка взяла пустую тарелку, ехидно улыбаясь в душе. «Угу, приходила Вера, как же!» Алевтина Степановна не знала, что, уходя на огород, Аришка закрыла входные ворота на внутренний замок. Вере пришлось бы перелезть через забор, что, учитывая возраст Веры, высоту забора и цель визита, было немыслимо.

Алевтина Степановна поела – у Аришки гора с плеч свалилась на некоторое время. Но вечером Сергей опять кормил бабушку с ложки.

На следующее утро Аришка долго валялась в постели. В доме тишина. Муж на работе, Алевтина Степановна тоже в постели. Вот уже третий день «парализована». Аришка смотрела на законное лето. Зелёные листья весело купались

в солнечных лучах.

«Что ж я лежу», – вдруг спохватилась Аришка, и вскочив с кровати, сразу же рванула в комнату бабушки, желая предложить ей на выбор кофе или чай.

– Вы что буде...

Слова повисли в воздухе. Алевтина Степановна стояла у своего стола и что-то перебирала там. Парализацию как рукой сняло.

– ...те, чай или кофе?

Алевтина Степановна злобно сверкнула глазами.

– Ничего не буду, – недобро сказала она. По всей видимости, она подумала, что дома одна, все на работе, вот и решила немного размяться после постельного режима.

Всё. Состояние №4 закончилось. Началось состояние №1.

А вот Аришкина подруга – Кристина, в отличие от Веры Кастовой, однажды преодолела свои высокие ворота. Быстро, можно сказать, крылато, невзирая на где-то лишний вес и отнюдь не подростковый возраст.

И к ней, и к Аришке приближался тридцатник, когда случилась «буря столетия». Ураганы время от времени посещают Лосевку, но, по Аришкиным наблюдениям, проносятся узкими полосами, затрагивая и особо пугая только часть городка. В ту ночь вихрь промчался над их головами.

Аришка проснулась от непонятного и страшного гула, который стремительно приближался. Действуя скорее на инстинктах, она схватила на руки своего маленького сына и понесла его на диван, по пути позвав мужа туда же. Диван стоял у стены внутренней комнаты.

Только лишь все собрались в относительно безопасном месте, как ураган ударил в дом, некоторые стёкла зазвенели и посыпались. Началось светопреставление. Гул был жуткий, и молнии, как светомузыка на дискотеке, мигали без перерыва. Оставалось только ждать. Сынок залез с головой под одеяло и всё спрашивал, скоро ли это закончится. А Аришка подумала о том, как страшно сейчас оказаться на улице. Но, поразмыслив, решила, что вряд ли кто из знакомых мог бы оказаться в центре этого ужаса. Однако, ошиблась.

На следующее утро вышли полюбопытствовать, чем дело закончилось. Огляделись вокруг: крыши, заборы, деревья повредились. По парку было особенно заметно, в какой части прошла ураганная полоса. Но всё было не так страшно, как казалось ночью.

Позже пришла в гости Кристина. Аришка была рада подруге, тем более, уж очень хотелось поделиться впечатлениями. Долго рассказывала о том, как они пережили эту ночь.

– А ты как?

– А я как раз была на улице.

Аришка открыла рот. Это невозможно. Нельзя в таком кошмаре находиться. Этого не может быть.

И Кристина начала свой рассказ.

Дежурила она в эту ночь в парке. Кристина тогда подрабатывала и, кроме своей основной деятельности, сутки через трое сторожила и следила за порядком в парке. Ей выделили будку для этих целей.

После двенадцати парк опустел. Когда начался ураган, она уже спать собралась. Но стихия разыгралась нешуточная и всё усиливалась. И Кристина поняла, что в своей ветхой лачужке, среди вековых деревьев, она рискует проститься с жизнью здесь и сейчас. Раскрыла дверь, стала на пороге, смотрела на разыгравшуюся бурю и не решалась бежать в эту жуть. Но тут затрещало и рухнуло огромное дерево. Оно упало параллельно сторожке. Совсем рядом с Кристиным носом.

И она побежала. Молнии, конечно, частично освещали окружающий пейзаж, но в их свете и оглушающем шуме Кристине казалось, что десятки деревьев катаются по земле. И как ей, такой маленькой и беззащитной, удаётся лавировать среди ломающихся, падающих и несущихся прямо на неё лиственниц, клёнов и сосен, было непонятно, равносильно чуду, и страшно, что чудо может прерваться в любую секунду.

Парк закончился. Она осталась жива. Теперь особенно обидно не добежать до дома, когда самое страшное позади, а до дома недалеко. А вот и дом. Ворота закрыты на ключ. *Дома у Кристина своя мама, а у неё своя деменция. Приходится её закрывать, чтобы дальше двора никуда не ушла.*

Ключ отыскивать, потом пытаться его вставить в замочную скважину, нет, не таковы нынешние обстоятельства, чтобы заниматься подобными глупостями. И она делает прыжок в высоту с разбега! И преодолевает препятствие, может быть, даже не задев верхней перекладины.

Сидя в своей комнате, тяжело дыша, слушая уже несколько отдалённо расходившуюся непогоду, которая теперь уж казалась ей не стоящей особого внимания, она думала, что на самом деле она погибла сегодня, только что, в том страшном парке, где теперь лежит её бездыханное тело, а вот на стуле находится её душа, это всё, что смогло убежать из парка.

А соседней комнате сном младенца спала её мама.

Совсем скоро, буквально через несколько дней, Аришке снова пришлось, раскрыв рот, слушать новое приключение Кристины. На этот раз она спасла человека.

В Лосевке жила многодетная семья. Старшие пили, дети росли. Отца семейства звали Цыган за характерный внешний вид, мама недавно погибла – водка этому немало поспособствовала.

В тот день Кристина со своим мужем культурно отдыхали на озере. Народу – никого, погода – приятная, ничто не предвещало беды. Тут на горизонте показался Цыган со своей младшей дочерью Светой, подростком лет двенадцати. Они расположились на некотором расстоянии, больше Кристина в их сторону не смотрела.

Поворачиваясь в очередной раз вокруг своей оси для равномерного подрумянивания, Кристина заметила девичью фигуру, приближающуюся к ним. Света шла не торопясь и внешне спокойно.

– Папка утонул, – тихо проговорила она.

– Как утонул? – Кристина и муж Коля подскочили и стали смотреть по сторонам, ища глазами «папку», который только что был на берегу.

– Он пошёл купаться, нырнул и не вынырнул.

– Где? В каком месте? Показывай быстро.

Света махнула рукой в приблизительном направлении. Коля и Кристина уже ныряли, сами не надеясь достаточно быстро отыскать утопленника. Но наткнулись на его бездыханное тело почти сразу. Видать Света рукой, всё же, верное направление указала.

Вытащили Цыгана на берег, а он без сознания. Сразу приступили к реанимации. Кристина по ходу дела параллельно давала указания девице:

– Быстро скорую вызывай.

– Как? – спросила девица. *Сотовых тогда не было.*

– Стучи во все дома!

Света повернула к ближайшим домам.

– Быстрее давай, – прикрикнула Кристина.

Света ускорила шаг.

Вскоре на берегу собралось много советчиков. Мужик в себя не приходил.

– Бросьте его. Он уже мёртвый, – доносились голоса.

– Человека надо спасать до последнего, – так ответила им

Кристина.

– Ну и напрасно, мозгам уже хана.

Но Кристина и Коля до приезда «скорой» решили не прекращать реанимацию. Советчики стояли на приличном расстоянии, потому что, как бы это сказать, пьяный утонувший организм напоследок решил отдать внешнему миру всё, что ему не захотелось держать при себе. Сам Коля бегал в кусты, его рвало. Но потом он возвращался и продолжал спасать

человека. Кристина держалась, хотя, это было и трудно.

Скорая приехала одновременно с возвращением Цыгана к жизни.

...Аришка слушала и восхищалась Кристининым героизмом. А ещё она не без зависти подумала, что если сохранится такая тенденция, то Кристинина жизнь будет весьма насыщенной и интересной.

Прошло много лет. Цыган жив-здоров. Совсем не пьёт, воспитывает внуков. И, хотя отцом он был не самым лучшим, в роли деда оказался гораздо ответственней. Его многочисленные отпрыски тоже дали довольно большое потомство, так что забот Цыгану хватает.

Аришка первое время спрашивала у Кристины, мол, встречаешь ли ты Цыгана, сказал ли он тебе спасибо. На что она ответила:

– Да вижу время от времени. Но спасибо мне он не сказал. Стесняется, наверное.

Всё закрутилось после таблеток ф...а. *Боюсь писать название, потому что это может считаться рекламой или антирекламой.*

Аришка иногда задумывалась, знает ли Алевтина Степановна о смене своего состояния? Спросить об этом было невысказано. Аришке казалось, что не знает. И не догадывается.

А ещё Аришка задумывалась, есть ли лекарственная зависимость. Даже попыталась найти ответ в интернете. Зависимость от определённых лекарств, разумеется, есть, но в общем от таблеток – как-то ответа не нашлось. Аришке казалось, что бабушка злоупотребляет количеством. Ей не было известно какова норма лекарств для пожилых людей. Наверное, немаленькая. Но не горстями же пить? Аришка пробовала несколько раз намекнуть на вред лекарств в больших дозах, но Алевтина Степановна была сама себе режиссёр, и Аришкино мнение для неё мало что значило.

И по этой, и по другим причинам Аришка жила в постоянном страхе, что они с мужем в какой-то степени ответственны за её жизнь, и, случись что, у них могут быть серьёзные неприятности.

Например, в гараже бабушка нашла бутылку с какой-то жидкостью и глотнула. Думала, что лимонад от неё прячут,

оказалось – бензин. Но лекарства – словно дамоклов меч. Аришка с мужем то прятали всё самое сильное, то опять незаметно выкладывали, так как бабушка в состоянии №1, мягко говоря, не поймёт, почему от неё убрали куда подальше её любимые таблетки.

В тот день, когда закрутилась история с ф...мом, Алевтина Степановна была настроена воинственно. Отказалась от еды, лежала на кровати, ждала внука. Услышав, что он хлопнул входной дверью, она ринулась ему навстречу с потоком эмоций.

Оказывается, пока все были на работе, приходила страховщица, женщина средних лет. Та, помимо своих профессиональных обязанностей, выслушала жалобы Алевтины Степановны на плохой сон. По Аришкиным нескромным наблюдениям плохой сон имел место быть, но его улучшить было вполне возможно своими силами. Бабушка рано просыпалась, но и ложилась рано. А ещё днём, может быть, не стоило спать. Но Аришкино нескромное мнение у Аришки же и осталось.

Все снотворные таблетки, которые в аптеке отпускаются без рецепта, Алевтина Степановна перепробовала – не помогло.

Страховщица всех нюансов не знала, и посоветовала попробовать ф...м.

– Я пью по одной таблетке на ночь, сплю хорошо!

И теперь бабушка атаковала внука, причём, действовала в

двух направлениях: злобные упрёки в чёрствости и плакси-
вые жалобы на бессердечие.

– Поедем в больницу, тебе, если надо выпишут.

– Никуда не поедем. Сам достанешь. Все внуки, как вну-
ки, а ты бессердечный. Бабка лежит всю ночь без сна, а тебе
и дела нет.

«Вынь, да положи», – вот в таком духе был их длинный
тяжёлый разговор.

Сергей никогда не мог противостоять своей бабушке, по-
этому на следующий день вынул и положил.

Конечно, можно было придумать историю о том, что док-
тор передаёт Алевтине Степановне каждый день по табле-
точке, и таким образом избежать того, что было дальше, но у
«истории нет сослагательного наклонения». А сгруппив и от-
дав бабушке всю пачку, назад хода не было. Так как забрать
у Алевтины Степановны её таблетки, пока она в разуме было
немыслимо.

Вернувшись с работы на следующий день, Аришка об-
наружила бабушку во невменяемом состоянии. То, что это,
возможно, не периодически повторяемое явление, а что-то
серьёзней, предположил Сергей, который, порывшись в её
лекарствах, вытащил отполовиненную упаковку ф...а.

Аришка ахнула. Выпить столько – невысказано. Но выпила
эти таблетки Алевтина Степановна или порастеряла по ком-
нате (Аришка нашла некоторые на полу) было неясно. Надо
опять прятать всё.

Наступил самый тяжёлый месяц – месяц почти без сна. Потому что Алевтина Степановна, выходя из этого своего состояния, состояния №3, не вернулась ни в какое из бывших прежде, а впала в новое, другое.

Позже Аришка узнала, что это был психоз, его обязательно нужно лечить, с ним не живут больше месяца, по крайней мере, ей так сказали, но тогда она этого не знала.

Не понимала, что происходит с бабушкой. Та кричала, плакала, звала Сергея все ночи напролёт. Днём, когда все на работе, в основном, спала. Говорить было бесполезно, она не жаловалась на здоровье, жаловалась на бездушных, недобрых людей вокруг, которые не хотят пожалеть старого человека.

Каждый раз, возвращаясь с работы, Аришка старалась не выдать своего присутствия. Потому что только думая, что в доме никого нет, Алевтина Степановна молчала. Но стоило Аришке чем-то стукнуть, зашуршать пакетом – тут же начинался крик. Громкий, страшный, тягучий, он сжимал сердце в горячий уголёк, от него хотелось убежать, его невозможно было терпеть. И он всё длился и длился. И заканчивался только тогда, когда бабушка вновь засыпала. Обычно в 9 часов вечера.

Потом в двенадцать ночи или в час она просыпалась сно-

ва, и крики не умолкали уже до тех пор, пока все измученные не расходились по работам. И так повторялось изо дня в день. Без малейших изменений.

– Мам, – звонила Аришка с работы, – сходи посмотри, как Алевтина Степановна.

Дверь домашнюю тогда не закрывали. Та перезванивала через какое-то время:

– Прихожу – тихо, стояла под окном, слушала – тишина. Как только я вошла, услышала – закричала.

Аришке казалось, что бабушка притворяется, кричит на зло. Днём, чтобы быть в центре внимания, ночью, чтобы не дать поспать. Злилась. Пробовала с ней поговорить, пыталась вызвать чувство жалости к внуку.

– Сергей за рулём, а толком не спал уже несколько суток. Ему поспать надо. Надо, чтобы было тихо.

Алевтина Степановна заголосила так, что волосы дыбом. Разъярённый Сергей вбежал к ней в комнату:

– Что тебе надо? Накормленная, напоенная. Что ты кричишь?

– А мне сказали, что ты умер.

Аришка с испугом взглянула ей в лицо. Виновато мелькнула мысль, что стремясь вызвать у бабушки сострадание к внуку, перестаралась, но увидела в её глазах насмешливые искорки. Она притворялась?

На работе в этот месяц мысли, в основном, крутились такие: «Вот если взять в спортзале мат, положить его на пол

возле той батареи и спать...».

В выходные Аришка пробовала не давать Алевтине Степановне днём спать, разговаривала с ней, включала громко телевизор – всё бесполезно. Если ей хотелось спать, она просто закрывала глаза и спала, чтобы ночью в своё время объявить подъём.

Стали спать урывками, ориентируясь на неё. Например, семь часов вечера, бабушка затихла.

– Сергей, бегом ложись, поспим немного.

Немного – это сколько получится. Может быть пятнадцать минут, может быть, три часа.

Пробовала Аришка затыкать беруши. Отказалась. Она будет спать, а Сергей один страдать. По этой же причине так ни разу не сходила поспать в дом своей матери. Привычка с детства крепко держалась. Всё пополам: и печали, и радости. Только теперь получилось не с братом, а с мужем.

У Сергея тоже всё сложно: то ли привычки с детства, то ли страхи. Например, межкомнатные двери так и не поставили. Во-первых, хозяйка не желает; во-вторых, как же, бабушка будет кричать, страдать, а мы закроемся и нам всё равно. Вот так и жили.

«И не охрипнет, столько часов кричать!» – удивлялась Аришка.

О, если бы было лето, можно было бы поспать в гараже, на чердаке, во дворе, в конце концов. Но был конец ноября, когда всё это началось.

У Аришки началась тахикардия. Она сама это определила. Сердцебиение за сто и днём, и ночью. И болит, жжёт, в таких условиях долго не живут.

В то тяжёлое время Аришка пыталась найти поддержку и какую-то опору, да хоть совет пригодился бы, у окружающих. Люди разные, люди старше, опытнее, умнее, кто-то же должен знать, что в таких случаях делать. Терпеть? Просто терпеть? Но это невозможно. Это невозможно вытерпеть даже несколько часов. Но дни шли за днями. И терпели, стиснув зубы.

А окружающие удивили своим непониманием. Нет, были некоторые, добрее и поближе, которые сочувствовали. Но и были такие, которые злословили и осуждали. Они словно пытались своим неодобрением усилить ношу, и без того невыносимую.

Например, однажды школьным взрослым коллективом сидели за столом – обедали. В какую-то тему Аришка вставила фразу, мол, для меня сегодняшний день начался опять в час ночи. В этой школе Аришка работала второй год, и коллеги всё ещё оставались чужими. Аришка не могла разбить ледяной барьер между собой и ними. А тут такая тяжёлая личная ситуация, и ни одного вопроса, мол, а как ты себя чувствуешь? И ни одного дружеского участия. И вот повари-ха в ответ на завуалированную просьбу о сочувствии, «посо-чувствовала»:

– Тут нужно в ножки старому человеку поклониться, мол,

спасибо вам за дом, что вы нам оставите.

За дом... Само собой подразумевалось, что дом останется Сергею. Но за дом ли Аришка всё терпела? А сколько ещё они выдержат? Год? Пять? Десять? Никто этого не выдержит. Это невозможно. Сердце не чугунное, нервы не железные.

Нет такого дома, который он так дорого стоил бы.

Но потом Аришка поняла одну истину, знание которой осталось у неё навсегда: невозможно найти полного понимания у человека в том, что он не пережил. О чём он имеет опосредственное представление. И не виноват тот человек, потому что каждый судит только через призму собственного опыта. Зато тот, кто прошёл в своей жизни через нечто похожее, поймёт без лишних слов. И объяснять ничего не надо. Таков один из законов жизни.

Когда Кристина ухаживала за своей мамой с деменцией, Аришка, конечно, сочувствовала подруге. Иногда. Сочувствовала и старой женщине, у которой всё так плохо со здоровьем. А чаще ей вообще было не до этой неприятной ситуации.

Скажи ей сейчас, что кто-то ухаживает за бабушкой, у которой психоз, и душа наполнится состраданием. До слёз. А сердце снова заболит, как болело тогда, как болит во время написания этих строк.

По этой же причине не стоит никого осуждать. Осуждающий просто не знает всех обстоятельств. Он думает, что зна-

ет? Ему кажется! Потому что, если бы он знал – не осуждал.

Настало время написать о самом стыдном.

У Алевтины Степановны на руке был огромный синяк. Появился он в те дни, когда бабушка попробовала лечиться ф...м.

«Уж не перелом ли?» – стала Аришка присматриваться. Да вроде нет. Алевтина Степановна владела обеими руками нормально, активно, на руку не жаловалась.

В тот вечер бабушка кричала не переставая. Все уговоры действовали как красная тряпка на быка. Нервы были оголены. Аришка уже трясло. Она почувствовала ненависть и страх. Страх, что не выдержит и как-то ударит или толкнёт старую женщину. Аришка поняла, что надо уходить, а то будет хуже. Уходить из дома, менять место жительства. Но Сергей уйти не может. Куда ему уходить от старой больной бабушки? Сдать её в дом престарелых? Аришка знала своего мужа, знала, что на это он никогда не пойдёт. Но и Сергей уже на пределе сил. Он тоже может не выдержать. Опять тупик.

Тупо сидели, слушали крики. Сергей не выдержал, побегал, наорал на бабушку. Аришка побежала следом, успокоила Сергея.

Опять сидели, слушали. Алевтина Степановна решила переместиться поближе. Пришла в комнату к измученным род-

ственникам, села ни диван, заплакала, заголосила, запричитала.

Аришка со злостью вскочила, чтобы насильно проводить Алевтину Степановну в её комнату и схватила её за руку. За то место, где были синяки. И она видела, как вздрогнула от боли старая женщина.

Не желая останавливаться, схватила её за другую руку и проводила-таки в комнату.

Но то вздрагивание не выходила из головы. Сказала мужу. Крики не смолкали ни на минуту. Сергей вскочил.

– Собирай бабушку.

– Зачем?

– В больницу едем.

– Сейчас?

– Да, пусть проверят руку, может, перелом.

Сергей Аришку с собой не взял.

– Оставайся дома, я сам.

Оставшись одна, она позвонила матери, рассказала всё.

– Я не могу. Так жить невозможно. Боюсь, что рано или поздно я её ударю.

Аришка не произнесла вслух, но она боялась, что и Сергей может ударить свою бабушку. И это будет непоправимо. Но всё к этому идёт. Потому что любому терпению приходит конец.

Аришка понимала, что этим вечером она была у самого края. Просто зависла над самой пропастью.

Мать была в ужасе.

– А что делать?

– Не знаю.

Разговор с мамой ничего не дал. Аришка сидела, согнувшись, в отчаянии. Выхода не было. Надо терпеть. Терпения не было. Ни грамма. Уйти? А как старого человека бросишь? Она-то может сбежать. А Сергей? А Сергея одного она не может оставить.

Оказался, действительно перелом. Врач с упрёком взглянул на Сергея.

– Что ж ты? Кости уже неправильно стали срастаться. Завтра вези в Н...ю, ломать надо.

Эти новости Сергей рассказал по телефону. Аришку затопило раскаяние. Как же так? Она всё думала, что бабушка притворяется, что всё назло. А тут перелом. Раз за разом она вспоминала, как она схватила её за руку...

Аришка понимала, что заслуживает то же. Чтобы и её вот так же схватили за переломанную руку.

Вернулись муж и Алевтина Степановна. Аришка просила у неё прощения, старалась накормить, угостить её повкусней. Думала, что теперь ситуация прояснилась и всё наладится.

Ничего не наладилось. Дело было не в переломе. Бабушка продолжала орать, орать, орать.

Но у Аришки и у Сергея словно пелена какая-то спала. Вдруг стало понятно, что есть какая-то причина. И, если это не перелом, то... надо выяснить.

И ненависть ушла. Как вода в песок. Осталась лишь старая больная женщина, и ей нужна помощь.

Почти месяц прошёл. Дошло, наконец.

Думается, что в этот страшный вечер Аришка и Сергей повзрослели. Всё это время они смотрели на бабушку, как на старшего и по возрасту, и по статусу человека, который ведёт себя неадекватно, и пытались вынудить её вернуться в разум. Сейчас они смотрели на Алевтину Степановну, как на больного старого человека. А старых больных людей не бьют, не толкают, не ненавидят. Ушли агрессия, раздражение. Бабушка нуждается в помощи, и они, взрослые люди, окажут её. Сначала надо выяснить, что, всё-таки, с ней происходит?

Отпросились на день с работы. Аришку отпустили с заметной неохотой. И она вновь подивилась чёрствости коллег.

Сначала решили идти к невропатологу. Потом действовать по обстоятельствам.

В кабинете у врача Герасимовой Аришка и Сергей услышали диагноз – психоз. И от того, что он прозвучал буднично, и от того, что его можно и нужно лечить, и от того, что есть множество лекарств для этого – надо внимательно подбирать, от всех этих новостей, они поняли, что на верном пути. Не было сожалений, что много дней потрачено впустую. Что ж сожалеть? Теперь надо действовать. И, когда несли в пакете домой ампулы с р...м, Аришка и Сергей были настроены оптимистично.

Для бабушки месяц такого напряжения тоже даром не

прошёл. Её силы иссякли. Они ушли из рук, из ног. Настал вечер, когда Ариша и Сергей не смогли довести её до туалетного ведра. Ноги её подкашивались, она оседала на пол, держать её и, тем более, усаживать не получалось. Она висла на руках и никак не помогала. Так и пришлось оставить её в кровати и надеть памперс. И только голос по-прежнему был громкий и звучал не переставая.

Аришка сама ставила уколы р...а несколько дней. Но не было ни малейшего результата. Ноль. Бросили. Вновь пошли к Герасимовой. На этот раз она выписала г...л.

Г.-.-.-.-.-л. Когда-то Набоков, если Аришкина память не изменяет, любовался звуками любимого имени: Ло-ли-та, а сейчас Аришка повторяла название этого лекарства почти с такой же любовью. Она читала и перечитывала в интернете отзывы об этом средстве и различные истории с ним связанные. Она считала, что люди, создавшие это спасительное лекарство, заслуживают большую-большую премию.

Короче, помогло. После первого же или второго укола ночью бабушка закричала, но с неохотой, без желания, через силу. Попробовала ещё пару раз и затихла.

Аришка это всё слышала. И тут она поняла, что сегодня будет спать. Повернулась в свою любимую позу – на животе и сладко-сладко потянулась.

В те дни встретила Аришка знакомую Свету. Обе возвращались с работы, и какая-то часть пути была общая. Разговорились. У Аришки все мысли, разговоры крутились только вокруг одной темы. Переключиться на что-то иное было сложно. Поэтому разговор завязался по Аришкиному сюжету. Но и у Светы было что сказать на эту тему:

– У Кати (её родственница, Аришкина знакомая) мама полгода назад умерла. Последний месяц кричала и день, и ночь. Меня как-то попросили с ней посидеть полтора часа. Ариша, это ужас. Я потом месяц отходила, не могла в себя прийти. Как бедная Катя выдержала этот месяц – не знаю.

Посидела полтора часа – месяц в себя не могла прийти.

Видела Аришка Катю в то время. Выглядела та неважно. Лицо бледное, тёмные круги под глазами.

Аришка не стала советовать г..л. Поздно, ведь та мама умерла.

Алевтина Степановна уже не кричала. Но она стонала, жаловалась, звала на помощь. От всего этого сердце каждый раз болезненно сжималось. Аришка, как и Сергей, как и большинство людей, не могли спокойно относиться к чужим страданиям. Аришка ещё и за мужа беспокоилась. Ему-то тяжелее, ведь так страдает его родной человек. Но физически у неё ничего не болело. Может, и болело, но она не чув-

ствовала, как станет ясно после. У неё, похоже, болела душа.

Иногда случались галлюцинации. Нечто страшное ей виделось.

Приближался Новый год, а дальше и новогодние праздники, которые Ариша ждала со страхом, так как г...л закончится раньше, чем начнутся рабочие дни. Поэтому растягивала его как могла.

В первый день нового года пригласили священника. И вот что удивительно, после Причастия была единственная спокойная ночь. Бабушка ни разу не проснулась. Не издала ни единого звука. Аришка даже с утра боялась в комнату зайти, жива ли та.

Купили матрас против пролежней. Пролежней не было. Аришка вздохнула с облегчением. И даже удивилась, что так легка и действенна профилактика оказалась. Рано радовалась.

Когда-то Аришка думала, что убирать человеческие экскременты за лежачим больным, менять памперсы, подмывать – это самое тяжёлое. Да, тяжело. И первый раз страшно. Потом: «Ап – и делаю шаг», как в клетку с тигром. Главное, чтобы между «ап» и шагом паузы не было. Делаешь своё дело, стараясь вообще не думать.

Сергей во всём помогал. Но эта помощь напрягала Аришку. Негоже внуку видеть бабушку в таком состоянии. Но тут уж ничего не поделаешь. Одной Аришке поднять, повернуть старую немощную женщину нереально.

А тут и новая напасть. Сколько помнит Аришка, Алевтина Степановна вечно жаловалась на запоры. Но тогда ей эти проблемы были до лампочки. Теперь это стало Аришкиной проблемой. А бабушке, кстати, теперь было до лампочки.

Но всё же самое тяжёлое – это крики.

Когда-то Аришка чётко помнила последние события жизни Алевтины Степановны по датам. Ровно через год молча их переживала снова, никому о них не напоминая. После чёткость сгладилась.

Числа 24 января Ариша увидела на ноге у Алевтины Степановны рану. Выше пятки, на изгибе.

«Первый пролежень? – подумала Ариша, – но почему здесь? Этим местом ведь не опирается тело о кровать. Непонятно».

К вечеру стопа показалась и вовсе подозрительной. Сиюшной какой-то. Вызвали скорую, но врачи, выслушав Аришкины жалобы, посоветовали на следующий день пригласить участкового терапевта, а они вряд ли чем помогут.

Ариша так и сделала, позвонила в поликлинику и договорилась о визите доктора, а потом сама с работы чуть ли не бегом. Хотела немного прибраться в доме. Не успела. С доктором встретилась, буквально, в дверях. Тут и мама пришла, чтобы поддержать и помочь, если надо будет.

Выяснилось, что лопнул сосуд и закупорил всю стопу. От щиколотки и ниже. Началось омертвление тканей. Всё. Сделать ничего нельзя. Единственный выход в таких случаях – ампутация, но бабушку на такую операцию никто не возьмёт. Она её не выдержит.

Участковый доктор добавила, что, конечно, можно позвать другого врача, но он скажет то же самое. Назначила сильнейшие обезболивающие. Сказала, что боли будут сильные.

Аришка и сама порылась в интернете и получила ответы на те вопросы, которые у неё возникли уже после визита врача.

Когда Сергей узнал все эти невесёлые новости, он всё же проконсультировался с другим специалистом.

Молодой, оптимистичный доктор сказал: «Можно попробовать». И назначил десятидневный курс антибиотиков. Когда прочитали инструкцию, то своим немедицинским умом поняли, что лекарство сильное и назначена максимальная доза.

Аришка колола в бедро. Научилась. Так меньше беспокоили бабушку. Хотя беспокоить всё равно приходилось.

Пошли пролежни. Просто сразу и по всему телу. Был ли толк от матраса? Боролись с ними и народными средствами и специальными медицинскими. Но эту битву проигрывали. Эти раны, раз появившись, двигались только по нарастающей. Усугубляло ситуацию то, что бабушка практически всё время лежала на спине. Она к этому времени почти перестала двигаться, поворачивать её старались крайне редко, боялись потревожить больную ногу, на боках она не держалась даже с валиками и подушками.

Но как ни старались не тревожить больную ногу, тревожи-

ли её постоянно. Аришка подозревала, что это очень болезненно. Но, к великому удивлению и облегчению, казалось, бабушка не чувствовала этой боли или не понимала её. Возможно, тут уж сослужила добрую службу деменция. По-другому объяснить это никак нельзя.

– Что у Вас болит? – спрашивала Ариша .

– Голова болит.

– Дать таблетку?

– Давай.

А сильнодействующие обезболивающие почти не трогали. Видели, что нет необходимости. Так потом и выкинули их, предварительно приведя в негодность.

Когда бабушку переодевали, приходилось её садить. Сидела она теперь только с поддержкой. При этом взгляд её блуждал по кровати, по телу, но больную ногу он тщательно обходил. Не смотрела она на неё, даже прикрытую повязкой. И Аришка подумала, что Алевтина Степановна понимает где-то на каком-то уровне свою проблему. И не хочет её осознавать, ей страшно.

К тому времени, когда стали колоть антибиотики, прошло совсем немного времени, но и за этот короткий промежуток нога страшно изменилась.

После первого укола и на протяжении следующих десяти дней гангрена почти остановилась. Аришка видела её медленные, злобные, но незначительные захваты новых территорий. Видела её страшную, но ограниченную ярость в по-

ражѐнной части ноги. Видела, что она связана, но не ослаблена и ждѐт своего часа.

Трудно всё время писать об этом. Возможно, и читать это непросто. Надо немного отвлечься.

Аришика недавно поняла такую штуку.

В каждом роду есть «паровоз». Это человек, который начинает всё с нуля, которому никто особо не помогает. А предыдущее поколение, в его случае, почти ничего не дало. Родовая веточка на общечеловеческом древе жизни совсем истончилась.

И вот этот «паровоз» «впрягается» и начинает тянуть. Может быть, не сразу. Иногда долго топчется, не решаясь взвалить на себя тяжёлый труд. Но если он не решится, не захочет, то, что будет с его родом?

Таким паровозом в семье, по мнению Аришики, была её бабушка, вернее прабабушка Наташа. Она тянула свой состав. Сначала было три вагона – это её дети. Она их вытянула, разогнала состав до приличной скорости, потом к этому «поезду» стали цепляться внуки и правнуки. Она и их тянула.

А что же вторые вагоны? Им легче. «Поезд» уже разогнался.

Бабушка Лариса не бросила, усердно потянула свою часть состава дальше.

Бабушка Варвара отцепила от себя все вагончики, за-

мкнулась на себе, двигаясь по жизни весело, налегке.

Дед Пётр действовал скорее по принуждению. Какие «вагончики» жена заставляла тянуть, те и тянул, а вот дочь Надя оказалась одна посреди пути.

Самые благополучные семьи – это те, у которых длинный-длинный поезд. Кто-то из предков потянул его, остальные внесли свои вклады в общее движение, стали честно выполнять свою долю забот, не разрыва состав.

И их поезд мчится скоро и весело. И нет необходимости прилагать большие усилия для дальнейшего движения, потому что он набрал свою скорость, продолжает свой путь, в том числе, и по инерции.

Любой может стать «паровозиком» будучи в середине поезда. Просто можно свою часть состава потянуть с новой скоростью.

Но трудно быть паровозом.

В эти дни были два момента, которые Аришка вспоминает со злостью. И оба связаны с Сергеевой тёткой – Ниной. Была она родной дочерью Алевтины Степановны, поздним ребёнком, всего лишь на несколько лет старше Сергея.

Жизнь Нины, если взглянуть со стороны, сложилась удачно. В двадцать с небольшим уехала в Ленинград, успела «прыгнуть» чуть ли не в последний вагон уходящего Советского состава, за что и получила в Ленинграде стабильную работу по душе, квартиру и, потом, пенсию.

Друзья, муж – красавец и умница, плавает в дальние страны, зарабатывает деньги, сын и умница, и красавец, учится в престижном университете. Это внешне. А что там внутри – никому не ведомо.

Нина звонила часто. Но не слишком. Разговоры с мамой оставляли тяжёлый осадок.

И вот такая новость – гангрена. Нина ахала, позже вновь перезвонила:

– Л...ь, – расстроена советовала она лекарство.

– Нина, да у нас каких только средств нет. Что может сделать л...ь?

– Попробуйте. Это очень сильная мазь, практически от всего помогает.

– Но от гангрены она не поможет.

– Попробуй. Л...ь она такая.

Аришка пожимала плечами, хотела купить эту л...ь, но всё забывала.

– Л...ь попробуй, – советовала Нина в новом разговоре.

И Аришка начинала раздражаться. Спросила у мамы:

– Что это? Она надо мной издевается? Какая мазь может помочь при гангрене?

– Ариш, она, наверное, сама не понимает.

Это немного объяснило ситуацию. Раз не понимает, значит, не издевается.

Однажды в дверь постучал смутно знакомый господин. Он представился. И Аришка узнала его. Это был муж Нининой одноклассницы и подруги. Когда-то они вместе уехали покорять Ленинград, но сложилось только у Нины, а неудачливая пара вернулась в Лосевку. Но они продолжили поддерживать отношения и дружили, так сказать, семьями.

Мужчина протянул Аришке свёрток:

– Вот, Нина просила передать.

– Спасибо.

– Как у вас дела?

– Да плохо. У бабушки гангрена.

И мужчина на эти слова отреагировал добродушным сантаклаусовским хохотком.

– Хо-хо-хо, какая гангрена? Не может этого быть.

Аришка не знала, что на это сказать. Мелькнула мысль пригласить его в комнату и показать ногу, но мысль явно

неудачная. Бабушка, хоть и больна, но не превратилась в музейный экспонат, чтобы показывать её всем и каждому.

– Да если была бы гангрена, бабушку положили бы в больницу, – мужчина вёл себя так, словно перед ним стояла наивная глупышка.

Проводив Нининого друга, Аришка села на стул. Действительно, при гангрене, наверное, должны класть в больницу. А почему Алевтину Степановну не положили? Может, она что-то напутала и нет никакой гангрены? А что доктор сказала при осмотре? «Омертвление тканей». Но ведь омертвление тканей и есть гангрена. Или нет?

Аришка прошла в комнату к бабушке и сняла повязку. Страшное зрелище. Чёрное, зелёное, синее, серое пятно всё выше поднималось по щиколотке. Зловоние, от которого тошнит, но к которому Аришка уже привыкла, наполняло всё вокруг. Бесконечно сочащаяся жидкость, то ли кровь, то ли сукровица.

«Если это не гангрена, то что тогда гангрена? – подумала со злостью Аришка и осторожно сменила повязку.

Алевтина Степановна тяжело открыла глаза.

– Пить хотите?

– Нет.

– А, может, поели бы? Кефирчику? Немного?

– Кефир буду.

Когда Аришка вернулась на кухню, она увидела на столе забытый свёрток. Развернула. Л...ь.

Л...ь, конечно, тоже пошла в дело. Ею смазывали и ногу, и пролежни. Наряду с другими средствами. Что из них помогало, что нет, было непонятно, потому что и пролежни, и гангрена только увеличивались.

Как только закончился курс антибиотиков, гангрена почувствовала свою вседозволенность и пожирала ногу с невероятной жадностью.

Аришка хотела сфотографировать рану и послать Нине, но передумала – слишком страшно. Решила, если она попросит, то пошлёт. Но Нина не попросила.

Алевтина Степановна угасала. Температура нередко поднималась до 39 градусов и выше. Чтобы минимизировать её беспокойство, Аришка купила бутылочки, кружечки для маленьких, чтобы можно было пить жидкую пищу лёжа. Так было удобнее.

Человек за свою жизнь произносит много слов. Всяких. Разных. Сейчас не об этом.

Особое значение, наверное, имеют самое первое слово и самое последнее.

Ну, с самым первым – понятно. Мама. Самое дорогое существо. В этом первом слове выражена и любовь, и некая компенсация за то, что в будущем придётся получить маме от своего повзрослевшего чада.

А последнее? Чаще человек сам не знает, что оно последнее в его жизни. Выражает ли оно некоторый итог? Имеет ли особое значение, скрытый смысл?

Бабушка сказала своё последнее слово. И оно удивило Аришку.

В тот день с больной сидела Аришкина мама.

– Где Аришка? – спрашивала Алевтина Степановна время от времени.

– На работе.

– Скоро придёт?

– Скоро.

Через некоторое время опять:

– Аришка скоро придёт?

Алла спрашивала:

– Зачем тебе Аришка? Мы без неё всё сделаем. Что тебе надо? Хочешь поесть? Может, водички? Что тебе подать? Я сама всё сделаю.

Но бабушка не хотела пить и есть.

– А скоро Ариша придёт?

– Скоро.

– Где Ариша?

– Да зачем она тебе?

– Ариша – всему голова.

Вскоре после этого начались галлюцинации и бред. А потом пришла и Ариша. Больше бабушка в сознание не приходила. И получилось, что это были её последние сознательные

слова. Вот так.

И был второй момент, который вызывал недоумение и гнев.

Вернувшись домой, Аришка застала Алевтину Степановну в глубоком беспамятстве, поняла, что часы её сочтены и пора вызывать Нину, если она хочет застать свою мать ещё живой. Что и сделала. Нина не стала мешкать, выехала в тот же день. От Ленинграда путь неблизкий.

Аришка в ожидании тётки мужа размышляла, кого она заменит, её или Сергея. Ох, Аришка устала, ох, как хотелось отдохнуть, а за бабушкой пусть бы ухаживали её родственники, то есть Сергей и Нина. Но нет, скрепя сердцем, возражала сама себе. Заменить нужно Сергея. Он мужчина, он и так перенёс невозможные страдания. Это даже представить страшно. И думать не хочется. Поэтому, сколько бы дней бабушке не осталось, ухаживать за ней надо Аришке до конца, но теперь уж она будет просто помощницей. Главной сиделкой станет Нина. Так думалось, пока поезд вёз «главную сиделку».

Она готовила на кухне, когда вошла Сергеева тётка. Встреча, конечно, была не радостная. Нина была, понятно, на нервах. И одни из первых слов её, после пожелания здоровья были:

– Ариш, ты на меня не обижайся, но как ухаживала за

мамой, так и продолжай, я боюсь.

Вот тебе и отдохнула... Вот и освободили Сергея...

Вот так закончился один из самых сложных периодов в жизни Ариши. Что он дал? Что вообще человеку дают трудности? Говорят, что одни получают опыт и мудрость, другие – раны. Ариша не поняла, что она получила. Опытнее, вроде, стала, мудрее – вряд ли. Раны? Раны остались.

При малейшем крике, например из телевизора, душа уходила в пятки одновременно с приходом мысли: «Алевтина Степановна кричит!». А потом вспоминала, что уже нет бабушки.

И ещё долго снились сны.

А теперь вновь пора туда, где трава зеленее и небо ярче, где буханку хлеба можно обгрызть, пока несёшь из магазина, а лимонад «Буратино» – самый вкусный. Короче, пора в Аришкино детство.

Отдохнуть после окончания обучения на швею и перед устройством на работу и началом взрослой самостоятельной жизни приехала Надя. Была она, в глазах Аришки и Андрея, добрейшим и наивнейшим человеком из всех взрослых людей.

Оказавшись в деревне, Надя решила проводить время так, как велит журнал «Здоровье». Тем более, начало в здоровом образе жизни с раннего Надиного детства уже положил дед Пётр, когда свою юную дочь обливал зимой холодной водой. Правда, тогда она приобрела воспаление лёгких. Но тут, как говорится, всего не учтёшь и не предусмотритишь.

На этот раз, оказавшись в деревне после душного бетонного города, она забросила куда подальше босоножки и стала ходить босиком.

Босиком ходить не могли даже такие бывалые люди, как Аришка, Андрей, Вовка Окунев. По пыльной дороге побегать – легко. А по скошенной траве? Да и просто по траве. Чувствительная, непривыкшая стопа совсем не приспособлена к таким испытаниям. Но Надя упорно ковыляла по са-

ду, огороду, лужку, пища и охая на каждом шаге, чем немало забавляла своих племянников. По её примеру они тоже стали чаще разуваться и пробовали ходить по траве. Надя научила их скользить немного, прежде чем наступить, чтобы таким образом согнуть и смять всё, что торчало и колелось. Но это, по мнению детей, не очень помогало. Всё равно что-нибудь торчало и колелось.

Детей она звала «котиком» и «зайчиком», что было приятно и одному и другой. Так их больше никто не звал.

У Нади была милая внешность, которую, с её точки зрения, портил нос «картошкой». И рассматривая себя в зеркало, она готова была его оторвать. Чтобы хоть как-то смягчить его ненавистные линии, она загорала, приклеив к носу листок. А так как на солнце все были довольно часто, Надя так часто и ходила, прикрывая фиговым листком некрасивую часть своего тела.

И жених ей отыскался. Местный симпатичный паренёк Витана. Как люди немного сходят с ума и влюбляются, было непонятно ни Аришке, ни Андрею. Но у влюблённых словно мозги немного перестают работать. Вот и Витана, заходил по вечерам за Надей и терпеливо ждал её, пока она в соседней комнате наряжалась для гулянья.

Было смешно наблюдать, как взрослый и здоровый парень попал под влияние их смешной и доброй тётки. Как она им руководит и командует.

Витана, ожидая Надю, держал на руках и гладил поросён-

ка Маруся. Поросёнок при этом жмурил глаза и улыбался, и Витана, поглядывал на закрытую дверь в соседнюю комнату и улыбался. И Аришка с Андреем смотрели на эту картину и хихикали.

Поросёнок этот попал к бабушке несправедливым путём. Однажды мама с Инной Талалаевой возвращались ночью откуда-то. Проходя неподалёку от Болушевской свинофермы, обнаружили в кустах подозрительное сопение и пыхтение. Остановились, прислушались, решили посмотреть. Оказалось, свиноматка только что опоросилась. Дело было весной, ночью ожидался какой-никакой заморозок, девушки решили, что с самыми благими целями возьмут себе по поросёнку. Замёрзнут же! А свиноферме разве убыток? Вон, у свиньи ещё много таких копошится.

Принесли. Бабушка сильно испугалась. Но отказываться от такого добра не стала. Боялась лишь, что власти узнают и привлекут за воровство. Поэтому, на случай, если Инка проболтается и кто-нибудь узнает, велела говорить, что поросёнок умер.

Но поросёнок выжил. Его пришлось в первые дни держать дома и поить из соски. И он рос ручным. Бегал по комнатам, как собачонок.

А Инка Талалаева тоже сказала, что их поросёнок умер. Правда, Аришка в этом сильно сомневалась. Не такие они чахлые, эти поросята, чтобыдохнуть на каждом шагу.

А Надя к Витане всегда выходила в красивых городских

босоножках и без фигового листка.

Аришке пришлось жить у бабушки Варвары почти год. Начинала первый класс она в Днепропетровской области, заканчивала в Лосевке. Или бабушке Варваре пришлось взять к себе внучку на некоторое время, пока дочь пыталась устроить личную жизнь. Если посмотреть на эту же ситуацию с другой стороны.

Жили они вдвоём неплохо. За год Аришка научилась играть в дурака и понимать время по часам со стрелками.

По вечерам смотрели телевизор. Обеим очень нравилась передача «Что? Где? Когда?». Умные лица, загадка, размышление, командный дух. Награда – книги. Ждали эту игру с нетерпением. Голос ведущего, сова, вертящая своей лупоглазой головой, скачкообразный бег игрушечной лошадки.

Аришка с бабушкой Варварой лежали рядышком на кровати, и им было хорошо.

В другие вечера фильмы. И опять тихо, мирно и уютно.

Ходили вместе к бабушке в деревню. С Аришкой редко через Неруссу. Чаще в обход. Или на рабочей машине, если случалось в будни ехать. Этот крытый брезентом бортовой грузовичок по утрам ездил в деревню за рабочими и привозил их в Лосевку на какое-то предприятие. И вечером отвозил их назад.

Но сначала заходили в магазины за булочками, хлебом,

набивали рюкзак и ещё какие-нибудь сумки. Впрочем, бабушка Варвара не любила тратить деньги и старалась большую часть заполнить чем-нибудь со своего сада-огорода.

Потом лезли в рабочую машину. Мужики, свои, деревенские, охотно двигались по деревянной лавке, уступая место.

Езда была довольно тряская. И Аришке нравилось подпрыгивать, когда этого совсем не ждёшь. Остальным – не очень. Впрочем, и она пару раз так взлетела и припечаталась, что чуть не лишилась части языка и почек. Хотя, кто о них думает в её возрасте? Просто что-то уж ёкнуло и булькнуло в животе неприятно. Рабочие ругались на водителя, а Аришке жалко становилось его. «Он же не специально».

Ещё ходили с бабушкой Варварой в баню.

В деревне тоже раньше была баня. Та, деревенская, нравилась Аришке больше. Мамка собирала вещи, всякие мочалки, розовое земляничное мыло, нелюбимые колготки, которые складками собирались на коленках, как ни старалась Аришка их разгладить руками.

В бане, в тазиках, сидели все знакомые лица: Тамара и Мила Болотины, ну, и Андрей с Аришкой. Андрей с Тамарой и, сидя в тазиках, устраивали бой.

А Аришка смотрела на потолок. Там собирались громадные капли. Они тяжелели и плюхались вниз. И если попадали на спину, оказывались неожиданно холодными, и это в такой-то жаре!

В предбанник выходить не хотелось. Потому что там все-

гда было холодно. И Аришка удивлялась, куда подевалась жара из этого предбанника, ведь, когда они сюда входили, здесь было жарко. Но так было всегда. Идёшь в баню – в предбаннике жарко, выходишь из бани – в предбаннике холодно. Так уж эти предбанники устроены и поэтому нужно было скорее вытираться и одеваться. И тут начинались неприятности уже с колготками – совсем не натягивались.

В лосевской бане все те же тазики, только без знакомых лиц.

Первый класс Аришка закончила на одни пятёрки.

И лишь один случай омрачил воспоминание об этом годе.

Как-то собирая в школу Аришку, бабушка Варвара заставляла её надеть плащ, так как намечался дождь. Но Аришке он казался нелепым, она боялась, что девочки над ней будут смеяться, и хотела надеть курточку. Они заспорили. Вот тут-то бабушка Варвара разозлилась, стукнула, потрепала Аришку и обозвала её.

Было и больно, и страшно. Возвращаться из школы она боялась.

Вот такое было окончание совместно прожитого года. А, как известно, конец – всему делу венец. И ещё, ложка дёгтя портит бочку мёда. Хотя, возможно, такое бывает только у неблагодарных?

Долгое время взрослой самостоятельной жизни Аришка жила бок-о-бок с бабушкой Варварой. Не совсем рядом, но и недалеко. И старела бабушка у неё на глазах.

Взрослая Аришка всё чаще называла её по имени-отчеству – Варвара Ивановна. Та не возражала.

В старости бабушка Варвара, похоже, работала над собой, пыталась измениться. Но привычки нередко брали своё, и часто характер управлял бабушкой Варварой. Она всё больше любила одиночество, но затворницей не стала, в небольшой дозе нуждалась в общении. И к Аришке иногда ходила в гости, так же, как и Аришка к ней.

Переписывалась со своей сестрой Ларисой. Эти письма она приносила внучке на прочтение, втайне от бабушки Ларисы. И с этими письмами была своя история. И одно из них положило начало вражде между бабушкой Ларисой и Аришкой.

Конечно, бабушка Лариса не подозревала, что все письма, которые она пишет сестре, читает и Аришка. Иначе, она бы поостереглась писать слишком откровенно. И нехорошо. Однажды в своём письме она посетовала на то, что у Аришки не было детей, хотя ей уже немного за двадцать. И прокомментировала сие отсутствие: «...Аборты понаделала, вот и не может забеременеть».

Ох, и не знала бабушка Лариса тогда, что эти самые слова вернёт ей своя собственная родная внучка, кровинушка Ирочка, когда через десяток лет не сможет забеременеть естественным путём, и обвинит во всём свою маму и бабушку, мол, за ваши грехи страдаю. Ох, и не знала тогда бабушка Лариса, как это больно будет.

А пока легко обвинила Аришку в вымышленных грехах, и неприятно удивилась, когда получила сдачу от двоюродной внучки.

А дело было так...

С такими наглыми предположениями и жестокими словами Аришка сталкивалась нечасто, и не забыла их. Они зависли в её памяти и ждали своего часа.

Час настал, когда долгопрудновские гости приехали в гости. И вот, сидя за столом, у Аришки открылся рот и сказал при всём честном народе самым ехидным тоном:

– Бабушка Лариса, вы тогда обвинили меня, что я абортыв делала, так вот, я хочу сказать вам, что никогда не убивала детей. И вообще, я противница абортыв, – и с самодовольным видом продолжила ковырять вилкой в салате.

Бабушка Лариса промолчала, но в следующем письме пожаловалась сестре, что в тот момент чуть со стула не упала. И просила её, чтобы больше та не давала Аришке письма на прочтение.

– На, читай, но только не рассказывай никому, – сказала бабушка Варвара, протягивая очередное письмо.

– Хорошо.

Теперь бабушка Лариса уже открыто невзлюбила свою двоюродную внучку, и её письма было страшно читать.

Например, в одном из них она поучала сестру: «Ты к ним (к Аришке) не ходи, а то отравят. И сама их не впускай, а то убьют».

И бабушка Варвара слегка вопросительно поглядывала на свою внучку, мол, что на это скажешь?

Аришка чувствовала, что ей очень многое хочется сказать, да только вот долгопрудновские гости, похоже, больше не едут послушать. Но и обещание держать язык за зубами сдерживало. А к своим обещаниям Аришка всегда относилась ответственно. До сих пор молчала. А вот теперь рассказывает.

Однажды Варвара Ивановна пришла с плохой новостью. Ей показана операция на сердце (с её слов).

– Как на сердце? Это же опасно. А у тебя сердце болит?

– Да нет.

– А почему операция?

– Врачи сказали.

– Слушай, а как же так? Как с бухты барахты. Операция. А у тебя в глазах когда-нибудь темнело?

– Нет.

– А сознание теряла?

– Нет.

– А зачем операция?

Аришка уже повторялась. По своему невежеству ей казалось, что врачи сами не понимают, что назначают. Какая операция может быть в таком возрасте? Ведь это, наверное, более опасно, чем та непонятная причина, которая заставляет эту операцию делать.

– Может врачи ошибаются?

Но врачи не ошиблись. Это Варвара Ивановна не совсем их поняла и Аришке не объяснила.

У неё был тромб в лёгочной артерии. Вот его-то и нужно было удалить. А тогда Аришка постаралась выкинуть этот неприятный разговор из головы. И бабушка Варвара больше

не упоминала об операции. Казалось, что проблема сама собой рассосалась.

В тот мартовский, но по-зимнему холодный день 32-летняя Арина была сильно расстроена. Она шла в продуктовый ларёк недалеко от дома, а в голове крутилась страшная новость. Умер её бывший ученик – Лёша В...в. Тёзка знаменитого российского биатлониста. Умер от онкологии.

Лёшка в памяти Арины Ивановны, своей учительницы, остался лопоухим, косоглазым и очень-очень-очень симпатичным. Учился он слабовато, но обаятелен был сверх меры. Улыбка до ушей и сплошное добродушие. *Царствие Небесное, тебе, Лёшенька.*

И, когда в небольшой очереди, у прилавка, Аришка стояла, то думала об одном и том же. И не сразу дошло, что кто-то назвал её адрес.

Оказывается, пока она погрузилась в свои невесёлые мысли, в магазинчик зашла незнакомая женщина и громко спросила у присутствующих, как найти её дом.

– Это мой адрес. Я там живу, – опомнилась Аришка.

– Ваша родственница К...а Варвара Ивановна?

– Да, – Аришка от такого начала не ждала доброго продолжения.

– Она в больнице в тяжёлом состоянии.

В больницу Аришка пошла сразу, по пути лишь забросила домой пакет с продуктами.

– Сосисками отравилась, – пожаловалась Варвара Ивановна внучке.

Съела сосиски, те оказались сомнительного качества, началась рвота, а потом жуткая слабость и бессилие.

Врачи намекнули Аришке, что состояние бабушки крайне тяжёлое, прогнозы неблагоприятные. Аришка лишь позже узнала, что тромб оторвался. А тогда она пыталась её взбудорить и поднять, если не силы, то хотя бы настроение.

Когда на улице стало смеркаться, в палату пришла медработница, сказала Аришке, чтобы собирала бабушку на чёрный рентген. Что такое рентген, Аришка знала, почему чёрный, не имела понятия. Она стала поправлять на Варваре Ивановне одежду, то есть, по Аришкиным понятиям, на рентген они уже были готовы, когда медработница вновь заглянула:

– Готовы? А почему вы ещё не одеты?

– Как не одеты? – удивилась Аришка.

– Поедем в другое здание на рентген.

– На чём поедем?

– На машине. Скорой.

И только теперь Аришка поняла, насколько её бабушка слаба. Она едва-едва могла поднять руку, а чтобы встать и передвигаться, потребовалась совместные усилия Аришки и

той медработницы. С двух сторон они и потянули бабушку к машине.

Короче, когда Варвара Ивановна оказалась в нужном кабинете, то была чуть жива. Она сидела на лавке, прислонившись головой к стене. Приглядевшись, Аришка поняла, что она уже без сознания. Попыталась её позвать, как-то потормозить, но Варвара Ивановна вдруг начала страшно, раз за разом зевать. Без сознания и зевать. Аришке стало жутко, она повернулась к медработнице.

– Что это?

– Пойду за кем-нибудь, – медработница исчезла, оставив после себя облако с алкогольным запахом.

Бабушка Варвара и Аришка остались одни. Первый этаж здания, в котором они тогда находились, был занят «скорой» и какими-то помещениями, в частности, чёрным рентгеном, народу было мало. Вечер, начало марта, в рентген-кабинете никого, в коридоре тишина.

Бабушка Варвара продолжала быстро зевать. Аришке стало дурно. И дурнота нарастала, и остановить её не получалось. В тот день привычный мир как-то неожиданно потерял свою надёжность и естественность. Аришка пыталась в нём разобраться, но пока проигрывала по всем показателям. В частности, своё собственное самочувствие оказалось предательски неуправляемым.

Аришка имела среднее здоровье, сознание на каждом шагу не теряла и в обморок не падала. И, если вспомнить, то за

всю жизнь её пару раз вырубало на несколько секунд в разное время и по разным причинам. Из серьёзного – сотрясение мозга, когда у неё была частичная потеря памяти. И ещё от жары разок поплохело, посидела в тенёчке, попила холодной минералочки и оклемалась.

Сейчас же начиналось нечто новое. Позже Аришка думала, что в тот момент, когда она находилась рядом с умирающей бабушкой, в невидимом духовном мире была страшная борьба и под раздачу попала и она.

Аришке становилось всё хуже и хуже. Она уже почти не обращала внимания на бабушку, своё собственное состояние заняло все мысли. Дурнота не проходила, как она не старалась стряхнуть её, расслабиться или наоборот усилением воли взять самочувствие под контроль.

Горло словно сжала невидимая рука. И организму, похоже, стало не хватать кислорода.

Она отошла к стене.

Тут прибежали люди в белых халатах, стали активно заниматься Варварой Ивановной.

Аришка вспомнила, что читала у своего любимого врача-хирурга Ф.Г.Углова, что дети, больные пороком сердца и хронически испытывающие недостаток кислорода, научились сами его немного восполнять. Они садились на корточки, тем самым немного перекрывая артерии в ногах. Таким образом, большее количество крови, обогащённое кислородом, попадает в мозг. Эта информация пронеслась в её го-

лове, вместе с надеждой, выйти из нарастающей дурноты. Аришка присела на корточки – ничуть не лучше. Посмотрела на врачей, подумала: «Что ж вы на меня-то внимания не обращаете? А ведь мне тоже нужна помощь. Я ведь тут сейчас могу и пропасть. А я ведь молодая. Меня больше жалко». Но врачи в Аришкину сторону даже и не смотрели.

Тут ноги до колен и руки до локтей закололи, словно множеством маленьких иголочек. Взглянула на руки. А они скрючились сами по себе и не разгибаются. «Я такие руки уже видела. У парализованных они так же вытягиваются, и кисти выворачиваются немного назад». Она попробовала ими пошевелить – не шевелятся.

– Что с моими руками, – хотела обратиться она к врачам с этой фразой, но получилось нечленораздельное мычание.

«И язык отнялся!» – Аришка была в полном сознании и в шоке от своих перемен.

Наконец, от бабушкиной кучи народа отделилась женская фигура в белом халате и подошла к Аришке. Возможно, первоначально она хотела Аришку выпроводить в коридор, но та вцепилась за неё, как за спасательный круг и стала нечленораздельно втолковывать ей про своё плачевное состояние.

Та всё же вывела Аришку в коридор, усадила на скамейку, принесла пузырёк с нашатырём, раскрыла его.

Тут её позвали к Варваре Ивановне. Она сунула пробку в правую Аришкину руку, велела ни в коем случае не терять её. Правая рука обхватила крепкой хваткой пробку и стала

добросовестно держать её. В левую добрая женщина в белом халате попыталась всунуть пузырёк с нашатырём, но не получилось. Левая рука не могла взять стеклянную баночку, как ни старалась. Тогда та оставила нашатырь на соседнем сиденье и побежала к своим коллегам.

Аришка осталась вновь одна. Ситуация на время стабилизировалась на состоянии «плохое», но не ухудшалось. Аришка поняла, что своё спасение надо брать в свои, пусть парализованные руки. Но как? Вождедлённый пузырёк с нашатырём и близок, но не доступен. Как его взять и поднести к носу? Аришка обдумывала несколько вариантов, но не было подвижности и гибкости, чтобы привести хоть один в действие.

Подумала, ужаснулась, как хрупка жизнь. И вот она, кажется, висит на волоске. Вернётся ли она сегодня домой? Вообще, вернётся ли она домой? Стало ужасно-ужасно жалко своего маленького сына. Как он будет без неё?

Аришка стала молиться. Шёпотом не получалось, про себя тоже. Получилось только вслух, косноязычно и довольно громко. На соседней лавке откуда-то появилась какая-то пара. В другое время Аришка, конечно, постеснялась бы молиться вслух, но сейчас было не до стеснений. Возможно, решалась её судьба.

Вскоре к ней вернулась та женщина в белом халате. Увидев открытый пузырёк там же, где его сама оставила, ахнула:
– Потеряла пробку?

Аришка только сейчас про неё вспомнила, разжала руку, вот она пробочка, целёхонькая. Возьмите, спасибо.

К этому времени Аришке стало лучше. Женщина щедро намочила нашатырём ватку и убежала в неизвестном направлении уже навсегда. А Аришка продолжала постепенно приходить в относительный порядок. Она смачно протирала мокрой ваткой лицо, руки – нашатырь никак не пах. «Слабый какой-то!» Но прохладная влага на лице – уже приятно.

Варвару Ивановну откачали. И стали на каталке вывозить её в коридор, чтобы в обратном порядке везти в отделение. Сделали ей рентген или нет, об этом Аришке неизвестно, но как только бабушка Варвара приблизилась к выходу из кабинета, на каталке и с помощью медработников, Аришку мгновенно окутала волна прежней дурноты. Она поняла, что ей нужно отходить.

Аришка вошла в открытую дверь приёмной скорой помощи.

– Можно мне у вас посидеть? А то в коридоре мне плохо.

В приёмной были молоденькие доктора – девушка и юноша, и более возрастная врач. Они оказались добрыми людьми, впустили Аришку, разрешили ей усесться на кушетку и выслушали её переживания. Они проявили не просто любопытство, но и профессиональный интерес: измерили давление, сделали укол, сунули таблетку.

Аришку стало трясти. Да так, что зуб на зуб не попадал. А ведь она была всё ещё в зимней одежде. Как-то в этой нераз-

берихе не нашлось времени раздеться.

Между тем, Варвару Ивановну, живую, увезли обратно в отделение. Аришка старалась про неё даже не думать, так как хрупкое удовлетворительное состояние от этих мыслей тут же разрушалось. А пора было подумать о возвращении домой. Одной идти, почти зимой, поздно вечером? Нет, на этот риск она не отважится. Тем более, жизнь вернулась, и её надо ценить!

Мобильные в то время только стали появляться. У них был дома один. Аришке подарил губернатор. Ну, правда, не ей, как Аришке, а ей, как заведующей школой, так же, как и другим заведующим и директорам. Но телефоном почти не пользовались, там вначале были сплошные убытки от этого удовольствия, поэтому он лежал – пылился.

Аришка сообразила, что позвонить можно соседям на стационарный.

Так и сделала. Совсем скоро за ней пришли братики – Саша и Данька, младше её на 15 и 16 лет.

По дороге домой Аришка рассказывала про ужасы, которые натерпелась недавно, и всё тыкала влажной от нашатыря ватой (на дорожку она попросила у врачей «скорой» обновить компресс) себе под нос, а потом неожиданно ткнула её же под Данькин нос.

– На, понюхай, пахнет она ещё нашатырём, а то, может, выдохлась давно, а я всё нюхаю.

Данька возмущённо отмахнулся:

– Осторожно! Ты мне нос обожгла! Пахнет!

– Да? А я ничего не чувствую.

Но в следующие дни нос побаливал. Видимо, всё-таки обожгла и себе. Не только Даньке.

Следующий день был выходной, и Аришка проснулась с болями в сердце и тяжёлыми мыслями, что нужно идти в больницу.

А идти туда было страшно. Но некому сказать: «Да ну, нафик, дальше уж без меня. Пожалуйста». Поэтому стала собираться.

Решила быть предельно осторожной, и как только что-нибудь опять начнётся, сразу отступать. И пусть люди осудят, пусть даже бабушка Варвара останется одна брошенной, всё равно отступать – жизнь дороже.

По дороге послала телеграммы маме, Феде, бабушке Ларисе. Позже узнала, что, как только эти телеграммы были получены, все сразу выехали.

Варвара Ивановна была жива, в сознании и очень слабой. Аришке рассказали про оторвавшийся тромб, а она представила, что он застрял в сердце, и не даёт ему работать в полной мере.

Врачи дали понять, что случай безнадежный. Бабушка Варвара не знала, что с ней, винила во всём сосиски. И, кстати, правильно делала. Отравившись ими, её рвало, и под действием этого напряжения всё и произошло.

Аришка сидела с ней. В основном, молчали. Иногда тихо разговаривали. Бабушка сказала, что очень хочет дожить до

лета. И Аришка её понимала. Лето – самое лучшее время года, жаль потерять его.

Сходили кое-как в туалет, на «утку» не захотела. После посещения туалета последние силы ушли, стала терять сознание на короткое время и вновь приходить в себя. Аришка даже не всегда сразу определяла это.

Принесли то ли поздний завтрак, то ли ранний обед. Аришка стала кормить её с ложки. Понесла очередную ко рту, а бабушка уже вновь без сознания. Что-то шепчет. Аришка пригнулась к её губам, стала старательно слушать. Ей казалось, это важно. Не разобрать. Что-то: «...Ну зачем ты так со мной?» Таким кротким тоном, совсем не похожим на обычный бабушкин Варварин голос.

Подумала, что эти слова адресованы мужчине. Возможно, любимому, возможно, маминому отцу.

Какое-то время назад Варвара Ивановна рассказывала, что работала в одной организации, где в обеденный перерыв весь дружный коллектив спал на каких-то матах.

И, однажды, заснув в дружном обществе, она проснулась в совершенном одиночестве. Пошла искать коллег. Нашла неподалёку. Оказывается, что уснув праведным сном труженицы на отдыхе, она так расхрапелась, что все разбежались. А один мужчина сказал: «Не дай Бог, чтобы моя жена так храпела». И в этом рассказе было много грусти и разочарования. Аришке казалось, что этот мужчина был ей безразличен.

Может быть, это был он? Но теперь время стремительно уходило. И Аришка, кажется, догадывалась, что она что-то важное упускает, что, не узнав сейчас, она так и не узнает ничего о своём родном деде, о мамином настоящем отце. Не узнает она, не узнает её мама. Так навсегда и останется чёрная дыра вместо дорогого или нет, но родного образа. Впрочем, так и случилось.

Когда в очередной раз Варвара Ивановна потеряла сознание, Аришка окинула взглядом палату. Кроме бабушки, здесь ещё находилась пожилая женщина в голубом халате. Всё это время она спокойно наблюдала за всеми манипуляциями, ни во что не вмешиваясь и не комментируя.

В палате было тихо. Печальное безмолвие на время установилось и у Аришки в голове. И тут она поняла, чего ещё не хватает, и произнесла вслух:

– А ведь в старые времена в такие минуты приглашали священника.

– Почему только в старые? – спокойно ответила женщина. – И сейчас можно.

– И сейчас? И сюда можно?

– Конечно, можно. Спроси у медсестёр. Думаю, они разрешат.

Позже, она размышляла, а если бы эти слова она не произнесла бы вслух, а подумала про себя? Или, если бы в палате лежала другая женщина, вроде неё, которая тоже бы не знала, что делать в моменты, когда жизнь подходит к своему

финишу? Как часто многое зависит от случайностей. Только вот, случайности ли это?

Конец – всему делу венец. Так? И пришло время для чрезвычайно важного для бабушки Варвары.

Аришка поспешила к медперсоналу. Те легко и без проблем разрешили пригласить батюшку. Вернулась в палату. Бабушка без сознания. Но ждать теперь – напрасно терять время. Аришка нагнулась к Варваре Ивановне и прямо в ухо чётко и громко произнесла несколько раз:

– Я побегу за священником. Жди. Я постараюсь побыстрее. Если хочешь дождаться священника – терпи. Я скоро.

И побежала.

12 марта. Весна была явно не ранняя. Хмурое небо. Много снега, и он был подтаявший. Аришка проваливалась на каждом шаге. Коммунальщики не успели прочистить все дорожки и тротуары. А этой ночью, похоже, был снегопад. А может быть, утром, когда Аришка была с Варварой Ивановной.

Во всяком случае, дорога в больницу не казалась ей трудной, а сейчас каждый шаг усложнялся рыхлым снегом. А спешить надо.

Такси в посёлке ещё не было. Может, кто-то и начал оказывать такие услуги, но в таком случае, надо было знать, к кому обратиться, кому позвонить. А Аришка не знала.

Церковь была недалеко. Находилась она в приспособленном ветхом домике. Двери были открыты, и Аришка вздохнула с облегчением.

Внутри было почти безлюдно, лишь служащая растапливала печь.

– Здравствуйте, а батюшку можно видеть?

Оказалось, что батюшки в храме нет.

Над дальнейшими шагами Аришка раздумывала недолго: «Пойду к нему домой».

И пошла. По дороге старалась преодолеть неловкость.

«Вот припрусь сейчас. Здрате. Пожалуйте за мной к моей

бабушке».

Но, с другой стороны, ведь испокон веков ходили священники к больным и умирающим. Это вроде их обязанность. А, может, это платная услуга? Деньги, почти все, что были, потратила – перед больницей заглянула на рынок, купила бабушке кое-что. Осталась какая-то мелочь в кошельке болтаться.

«У-у-у, как неудобно!»

В 2005 году Аришка была невеждой в этих вопросах. Поэтому все сомнения просто гирями повисли на ногах, затрудняя путь гораздо сильнее снега.

Пришла. Позвонила в дверь. Вышла матушка. Аришка попросила увидеться, если возможно, с батюшкой.

– Вы хотели с ним о чём-то личном поговорить? – ележным голосом и с пониманием осведомилась матушка.

И это стало Аришке неприятно, она почувствовала раздражение.

– Бабушка умирает, – грубоватым тоном ответила она, возвращая тональность в привычные для неё границы.

И матушка ушла. Через несколько секунд показался отец Аркадий. Аришка его немного знала. Они здоровались при встречах.

Аришка коротко объяснила ситуацию, мол, бабушка умирает, и в этом случае вроде как нужен священник.

Батюшка спросил:

– Вы на машине?

– Нет, – виновато произнесла Аришка.

Батюшка устало вздохнул и стал собираться. Аришка обрадовалась такой рабочей реакции и воспряла духом.

По дороге разговорились. Аришка даже разболталась, стараясь побольше информации донести про бабушку Варвару, думая, что она батюшке, возможно, нужна и поможет сохранить время для более важных духовных дел. И не сразу заметила, что они направляются не в сторону больницы.

– В храм зайдём за всем необходимым, – пояснил батюшка.

Эти слова придали в Аришкиных глазах ещё больше важности их миссии. Аришка поняла, что пока всё идёт правильно и продолжила болтать.

Внезапно батюшка резко встал, как вкопанный:

– Так бабушка что – без сознания?

Аришка испугалась, что сейчас вот прямо тут всё развалится, и такая важная встреча, ради которой она готова тащить батюшку хоть за руку, не состоится.

Варианты ответа пронеслись в голове, и на язык вырвался самый наглый:

– В сознании, в сознании.

А сама подумала: «Жива ли она?»

Если батюшка и разгадал Аришкину неискренность, то не подал виду. Продолжили путь.

В храме к батюшке подошёл мужчина. Он приехал договориться насчёт крестин и удачно его застал. Батюшка спро-

сил, на машине ли он. Мужчина оценивающе посмотрел на Аришку и поняв, что она тоже на хвосте, ответил:

– На машине, но у меня только одно место.

Отец Аркадий повернулся к Аришке:

– Ну, тогда я доеду, а вы уж следом.

– Хорошо, хорошо, – согласно закивала Аришка и стала поспешно объяснять, как найти нужный корпус и палату.

Батюшка махнул рукой, мол, понял, найду.

Они уехали. Аришка потащила следом и теперь уже не спешила. А, когда пришла в знакомый корпус, то в коридоре обнаружила та самую соседку по палате. Женщина, увидев Аришку, сообщила:

– Там у неё батюшка. Меня попросили выйти.

– Бабушка Варвара в сознании?

– Да.

– Батюшка давно у неё?

– Да, уже порядочно.

Через некоторое время вышел батюшка. Он пояснил, что сделал всё, что необходимо было сделать, и ему уж пора далее.

– Сколько я вам должна? – спросила Аришка.

Вопрос тогда показался ей правильным, а спустя много лет она чувствовала смущение, вспоминая его. А тогда понимала, что денег у неё с собой нет, и придётся батюшке заплатить в другое, пусть ближайшее время, когда разгребёт накопившую кучу проблем.

Но батюшка ответил:

– Нисколько.

Попрощались. Он ушёл. Пешком или, может, кто довёз.

Соседка уже давно вернулась в палату. Вошла туда и Аришка.

Варвара Ивановна лежала в сознании, слабая, но очень довольная. Увидев внучку, она сказала почти хвастливо:

– А ко мне батюшка приходил!

– Я знаю.

Это были её последние слова. Во всяком случае, Аришка так помнит.

Через некоторое время бабушка вновь впала в беспамятство, а Аришка почувствовала острую потребность попасть домой. Что она и сделала.

Когда сумерки готовились опуститься на всё и сразу, в дверь постучали. Оказалась незнакомая женщина. Она сказала, что Варвара Ивановна умерла, и если её не забрать сегодня же до семи часов из больницы, то её увезут в город на экспертизу и тогда будет много дополнительных проблем.

Услышав первые слова, Аришка охнула. Конечно, всё это было ожидаемо, но сознание затопила горечь невозвратности происшедшего, и понимание, что с бабушкой Варварой она уже никогда не увидится и не поговорит.

Но последние слова заставили отбросить все эмоции и начать действовать.

И тут, наконец-то, можно сказать, на сцену выходит муж. Давно пора, решат читающие, но он у Аришки человек скромный, впереди паровоза не бежит.

Обдумали ситуацию. Тогда ещё не было фирм по ритуальным услугам, когда стоило лишь свистнуть, то бишь, позвонить, и кто-то всё сделает. Нет, в 2005 году у них в посёлке нужно было самим думать. Решили начать с транспорта.

И этот вопрос решился быстро. Друг Коля, он же сосед, он же водитель «буханки» и работал в больнице. И ещё он был свободен и не отказался помочь всем, чем сумеет.

Подъехали к моргу. Здание, как водится, было закрыто. Аришка пошла в «скорую» узнать, что делать дальше. Оказывается, зашла по адресу. Медработница выдала Аришке ключ от морга и сказала:

– Забирайте. Только ключ не забудьте вернуть. И простыни. Простыни обязательно!

«Вот это доверие!», – подумала Аришка. Она-то рассчитывала, что всем будут руководить специальные люди, на худой конец, специальный человек. А тут такая самостоятельность! Даже паспорт не спросили.

Когда Аришка вернулась, «буханка» обросла мужиками. Местные сторожа, водилы скорой помощи, всё народ знакомый и сочувствующий.

Входя в помещение морга, Аришка здорово напряглась. Успокаивало лишь наличие большого количества мужиков. Среди них выделялся громким голосом Стёпыч. И громким голосом, и пьяным. Похоже, его ничего не напрягало, и он взял руководство в свои руки. Стёпыч кричал:

– Свет! Включайте свет.

Но не так-то просто найти выключатель в крошечной тьме. Тогда Стёпыч стал жечь спички. Нашли рубильник, щёлкнули, лампочка мигнула и погасла.

– Перегорела, – решили все и ошиблись. Там был какой-то особый способ включения, о существовании которого присутствующие, естественно, не знали.

Вот незадача. И как быть? Тут уже почти все мужики полезли в карманы за спичками и зажигалками. Озарили печальное место мерцающими маленькими факелочками.

Сергей с Колей взялись за углы нижней простыни, вынесли тело, погрузили в машину. Верхнюю простынь вместе с ключами Аришка пошла возвращать.

– Там у вас лампочка перегорела, – сообщила она служащей.

– А простынь? Где вторая простынь?

– Мы её позже вернём. Ведь без неё никак.

– Смотрите, верните. Слышите! – кричала медработница вслед.

«Вот уж сокровище великое!» – удивлялась Аришка.

Тут её окликнула незнакомая санитарка.

– Возьмите, это вашей бабушки, – она протянула толстое золотое кольцо.

– Спасибо, – поблагодарила Аришка и закинула его в сумку.

Позже она не раз, естественно заглядывала в сумку, но кольцо не встречалось. И Аришка думала, что его потеряла. Но через несколько месяцев оно само прикатилось к её пальцам в нужную минуту и помогло чудесным образом. Но это – другая история.

Ранним утром следующего дня стали съезжаться родственники. Первыми приехали бабушка Лариса со своими взрослыми детьми: Любушкой и Валерой, и Аришкина мама. Аришка ещё зевала, протирая глаза, а из неё уже вытягивали подробности и детали.

– Забрали из морга?

– Да, забрали.

Бабушка Лариса очень удивилась этому факту. Ей думалось, что у Аришки этот трюк не получится, и будет много хлопот в этом вопросе. А Аришка, признаться, этому вопросу не придавала особого значения. Сказали забрать, забрали, а что этим они избежали каких-то проблем, поняла только теперь. Но обидное удивление двоюродной бабушки отметила, и старые обиды внутри зашевелились.

– Обмыли?

– Обмыли.

– Кто? – опять изумление.

– Да Вера Пашунина мимо шла, спросила, что у нас происходит, она сама и предложила свои услуги. Всё сделала.

– Какую одежду надели?

– Какую нашли в шкафу, на вид подходящую.

– Куда положили?

– Стол-книжку раздвинули. Снизу простынь постелили.

– Какую?

– Что какую?

– Простынь.

– Чистую. В цветочек.

– Надо было белую.

Стали думать, как действовать дальше. Решили предоставить всю организацию Аришке и Сергею. Они местные, всё знают, они справятся. А сами отправились к Варваре Ивановне домой, где одиноко, как, впрочем, и большую часть своей жизни, провела ночь хозяйка.

«Ага, всё знаем!» – злилась Аришка. Она терпеть не могла, когда ею командовали столь бесцеремонно. Но делать нечего, была в этой позиции своя правда. И сейчас не время протестовать и показывать свой характер.

Аришка с Сергеем задумались. Да, они местные, всех знают. И что? Куда идти? К каким таким знакомым?

Решили, что сначала – за сапогами для Аришки. Накануне поздно вечером она увязла в очередном сугробе, и, когда вытащила ногу из плена, подошва уныло свисала вниз.

В ближайшем обувном магазине пришлось взять не то, что хотелось бы, а то, на что денег хватило. И сапоги эти вызвали большие сомнения у Аришки. Ну, ладно, придётся принять их, как временное решение проблемы.

Потом пошли за гробом. В ритуальном магазине они есть, но сами вывозите. Мы только продаём.

Потопали в больницу искать Колю с его подходящей для

этого случая машиной. Подморозило. Выглянуло солнышко. Снег весело поскрипывал под новыми сапогами.

Уже будучи на территории больницы увидели шагающих навстречу мужиков. Сергей сразу почуял неладное, Аришка – нет, подумала, что мужики, как мужики, чумазные только, руки, лица в чёрной саже, провода намотаны вокруг плеч, но с мужиками такое бывает. Встретились, поздоровались, закурили. Аришка отошла чуть в сторонку. Оказалось, что это электрики.

– Морг сегодня ночью сгорел. Привезли в 12 часов покойника, а там всё в дыму.

У Аришки глаза от таких новостей прямо-таки полезли на лоб. Сергей, казалось, спокойно выслушивал новости, кивал сочувственно.

– А в морге был кто-нибудь?

– О, не, морг был пустой. А то бы кремировали.

Аришка отвернулась, опасаясь, что мужики, случайно на неё взглянув, прочитают всё по лицу. Она мгновенно представила невинного покойника в момент пожара, а также его родственников, которые ничего такого не заказывали, судебные иски и возмещение морального вреда.

– А где Коля?

– В Брянск поехал.

– Давно?

– Да нет, недавно.

Попрощались. Аришка схватила мужа за рукав и лихора-

дочно зашептала:

– Сергей, это мы морг сожгли?

– Да. Ну не прямо мы. Скорее всего, Стёпыч. Он пьяный был, не соображал ничего. Спички жёг, на пол бросал, а сам на коврике у двери стоял. Я ещё хотел ему сказать, чтобы вышел на улицу, но потом махнул рукой. Вроде мокрый должен был быть коврик. Не думал, что загорится.

Аришка с удивлением взглянула на мужа. «И когда он столько успел заметить».

– Сергей, а Стёпыч здесь работает?

– Да, сторожем.

– Так, может, это не мы виноваты?

– Не знаю.

– Это теперь расследование будет? К нам придут для допроса?

– Не знаю. Сейчас другое надо решать. Постой здесь.

Сергей пошёл к машинам «Скорой помощи», Аришка топталась неподалёку, сверкая заклёпками на новых сапогах.

«Скорые» в те времена сделаны были на старый лад. Внутри «буханки» просторно. Боковые скамейки, носилки, прислонившиеся к этим скамейкам или лежащие прямо на полу.

Вскоре Сергей позвал Аришку. Она подошла. Услышала, как водитель «скорой» объяснял молодому фельдшеру:

– Надо помочь хорошему человеку.

Фельдшер кивнул.

Решено было сделать так: всем отправиться на вызов, ко-

торый уже прозвучал. По дороге, возле ритуального магазина из машины высадить Сергея и Аришку, самим ехать дальше. Сергей и Аришка закупают всё, что нужно и будут ждать возвращения «скорой». Как только она освободится, поедут к магазину, загрузят в неё и доставят печальные предметы к месту назначения. Вместе с Сергеем и Аришкой.

Ждать «скорую» у магазина долго не пришлось. Наоборот, едва успели закупиться. Загрузились. Только собрались ехать, ещё один вызов по рации:

– Скорая...выезжайте по адресу... бабушке 80-летней плохо.

Водитель ответил, что понял, выезжаем.

Аришка замерла. Такому количеству людей в столь короткое время она ещё ни разу столько проблем и хлопот не создавала.

– Сергей, мы сейчас к бабушке поедem или сначала нас довезут?

– Не знаю.

Аришка оглядела «скорую». Гроб лежал в центре по проходу, искусственные венки занимали всё оставшееся свободное пространство. Нет, к бабушке сейчас никак нельзя было ехать. Воображение услужливо рисовало новую картину. Бедную бабушку сажают в машину, а там... перепуганная бабушка не может понять, что происходит. Она вырывается и кричит, что ей уже хорошо.

Но водитель с фельдшером сначала подкинули Сергея и

Аришку, а потом уж поехали к бабушке.

Два дня Сергей и Аришка куда-то спешили, о чём-то договаривались, что-то покупали, приходили домой к Варваре Ивановне, глотали первое, что попадалось на глаза, и уходили опять.

И в короткие промежутки Аришка наблюдала несколько фрагментов, из которых складывалась картина происходящего в доме, и она ей совсем не нравилась.

...К бабушке Ларисе приехала её подруга из соседнего городка. И те черты характера, которые Аришка иногда видела сквозь вуаль общепринятой воспитанности, теперь оказались неприкрыты. Их тандем был неприятным. Аришка бывало сталкивалась с людьми, которые всё осуждали, шипели, были недовольны. И теперь таковой оказалась бабушка Лариса. Больше всего доставалось Аришкиной маме. И мама была, похоже, совсем беспомощной.

Нечто похожее бывало в жизни у Аришки, и не раз. И она тоже ничего толком не могла сделать.

Вот пример. Когда ей было лет 16, учась на первом или втором курсе педучилища, она попала в больницу с воспалением лёгких. В палате образовалась весёлая компания и очень дружная атмосфера. С Аришкиным диагнозом было не всё так радужно, стали подозревать туберкулёз, отправили на обследование в Брянск. В Брянске диагноз подтвер-

дился частично, выяснилось, что Аришка, возможно, в детстве переболела этой заразой незаметно для себя и окружающих, а пока – ничего серьёзного, можно долечиться в Брянске, а можно по месту учёбы. Аришка выбрала трубчевскую больницу, то есть, думала вернуться в свою весёлую палату. Но получилось не так, как хотелось. Положили её теперь совсем в другое место: и палата не та, и доктор другой, и этаж не второй, а первый. Но самыми не теми оказались новые соседки. Верховодила всеми пожилая учительница, она же стала с неприязнью относиться к Аришке. Вслед за своим неформальным лидером, все женщины невзлюбили новенькую.

Раз зашла знакомая с прежней палаты, весело начала:

– Здравствуйте! Как здоровьице, как дела? Как тут наша Аришка? и т.д.

Посидела несколько минут, пытаясь разговорить недоброжелательных женщин – не разговорила. Большие не приходила.

Аришка много времени стала проводить в коридоре. С мужиками. Играли в карты. И чем дольше общалась с мужиками, тем страшнее становилось возвращаться в свою палату. Со второго этажа приходила девочка – подружка. Вдвоём с ней, опять же, в коридоре, читали, смотрели телевизор, раз даже спасали одного, попавшего в беду, дядьку. Вот так и долечивалась, старательно избегая своего законного места.

Она помнит, как церемонно-вежливо прощалась с женщинами, когда её выписывали: «До свидания! Не болейте!» и услышала не менее вежливое и равнодушное в ответ. И помнит, как потом весело обошла палаты мужиков, как они все её обнимали, смеялись и целовали в щёки. Ну, эта история другая.

И вот теперь похожая ситуация. Только в роли жертвы – её мать.

Мама улучила минутку, чтобы тихонько упрекнуть дочь:
– Что ж вы положили бабушку Варвару на простыню в цветочек? Бабушка Лариса психует, говорит, что даже это нормально не смогли сделать.

Аришка от возмущения чуть не подавилась бутербродом и тоже зашипела, брызжа хлебными крошками:

– Ну, знаете, умники, что ж вы до сих пор не поменяли?
Но, вообще-то, она маме сочувствовала. Глядя, как её дергают бабушка Лариса и её подруга, Аришке так и хотелось устроить скандал, поставить мегер на место.

Со стороны она видела, как всё это происходит. Подруги действовали согласовано, мама поддавалась и уже принимала их позицию. Аришка попробовала встряхнуть маму и стряхнуть подруг, но она и сама была в этом несильна, а тут ещё и времени не было. Поэтому всего лишь обозначила свою позицию тем, что бросала злые, красноречивые взгляды в сторону бабушки Ларисы и её подруги и разговаривала с ними грубо.

...Приехал дед Пётр. Постаревший, громогласный. Наверное, туговат стал на уши, вот и кричит.

...Следующее воспоминание: голодная Аришка вытаскивает прямо из кипящей кастрюли картошку в мундире. Она почти сварилась. Аришка очищает её и ест. Предложила Сергею. Тот не захотел, пошёл куда-то с мужиками. Увидела взгляд Валеры, которым тот зацепился за картофелину. Стала громко, жестаами приглашать и его присоединиться к трапезе. Понял. Заулыбался, что-то радостное попытался сказать, но теперь Ариша не поняла. Не важно. Стали есть вместе, очищая, обжигая руки, щедро посыпая солью, улыбаясь друг другу.

Тут в кухню вошла Любушка, старшая сестра Валеры. Время почти не изменило её, и в свои сорок с небольшим, она была всё такой же красивой. Но Валера вдруг перепуганно бросил картофелину и сделал вид, что он только что ничего не ел.

Аришка не поняла. Любушка ведь классная. Она не будет упрекать брата в таком пустяке. Но... а почему он голодный? Она голодная – понятно, бегала везде, проголодалась. А он дома, о нём должны были женщины позаботиться.

Значительно позже Аришка рассказала маме этот случай. – Чушь, – сказала она. – Валеру все любят, тебе показалось.

А что тут показалось? Может, и показалось.

...Приехал Федька – любимый дядька. С Одессы добрал-

ся. Милый, милый Федя. Аришка повисла на его шее и запрыгала, как заяц.

Всё. Отошла. Пусть побудет с матерью.

Бабушка Лариса и Любушка совсем уж недоброжелательны по отношению к нему. Вот это новость. А Федька что им сделал?

...Аришка опять хомячит в кухне и слышит, как дед Пётр громогласно рассказывает всем присутствующим (собрались соседи, как это обычно бывает):

– Арина морг спалила. Во, дела. Теперь боится, что милиция придёт. Такое дело...

У Аришки пропал аппетит.

Поймав деда наедине, стала ему втолковывать:

– Ты никому не говори больше. Это, может, ещё и не мы сожгли. Там лампочка мигнула и погасла. Может, короткое замыкание.

– Ладно, ладно, никому больше не буду говорить...

Пора заканчивать такой длинный экскурс из детства во взрослую жизнь.

И попрощаться с Варварой Ивановной. С бабушкой Варварой. Скучновато без неё.

Теперь Аришка думает, что им посчастливилось, когда цепочка событий сложилась таким образом, что Варвара Ивановна умерла после Причастия. (Аришка у батюшки не спрашивала, но это ведь само собой понимается, что умирающего надо причастить).

Почему посчастливилось Варваре Ивановне – понятно. Она же христианка! Почему посчастливилось Аришке, наверное, тоже понятно. Тут даже несколько причин. Во-первых, она этому как-то поспособствовала; во-вторых, есть надежда, что когда-нибудь и для неё кто-то постарается.

А насчёт «не ходи к ним, отравят» и «не пиши завещание, пусть дерутся», это чушь.

Бабушка Лариса, наверное, давно оторвалась от провинции, и ей стало казаться, что люди тут с топорами друг к другу в гости ходят.

При дележе имущества не было зафиксировано ни одной драки.

Но несколько последствий всё же было.

У Аришки ещё недели две болело сердце. Сначала посто-

янная колющая боль. Через несколько дней стало по-другому. В состоянии покоя – ничего, но стоило немного напрячься – в области груди давящая, почти невыносимая боль.

И, если хотелось покашлять, приходилось осторожно слегка поперхивать. Аришка подумала, что если её случится подавиться, то откашляться она уже не сможет. Поэтому, стала есть осторожно.

И ещё сложно было ложиться – вставать. Чтобы встать, приходилось долго ползать на спине, стараясь улучшить удобный, менее болезненный, момент, которого не было.

Милиция так и не пришла расследовать пожар. Аришка объяснила это себе тем, что больница сама не захотела поднимать этот вопрос. Ведь, наверное, по правилам положено провожать родственников в то самое, печальное, место, проследить, чтобы они там чего лишнего не прихватили, не запутались в чём-то и не устроили пожар, а в данном случае провожатого не было.

Вторую простынь вернули, правда, не сразу. Это, казалось, дело пустяковое, и его всё оставляли на потом, пока из больницы чуть ли не телеграммы стали присылать. Ладно, не телеграммы, а посыльных с двумя словами на устах «Верните простынь». Пришлось бросить всё и вернуть.

Про кольцо здесь было сказано. Без подробностей. Это особая история.

Вот ещё. Вскоре Алле из Долгопрудного позвонила бабушка Лариса в ярости:

– Твоя Арина у меня из сумки бутылку водки украла!!!!
Алла опешила.

– А почему ты решила, что это Аришка? Может, это я украла?

– Нет, она!!!!

– Да Аришка никогда чужого не возьмёт.

– Она!!

И, наконец, последнее, из приятных бонусов.

В мае Аришка сделала открытие, которое давно, оказывается, подступало, но осознала только тогда, когда оно бросилось ей в глаза.

– Вау! Мои рёбра!

Аришка увидела себя очень похудевшую. Такой она никогда не была. Рёбра, позвонки можно пересчитать визуально.

– Ма, посмотри на мои ножки.

– Ужас!

– Какой ужас? Красиво, тонко.

Похудение продолжалось всё лето. Люди уже осторожно спрашивали, мол, чем ты болеешь?

Но Аришке нравилось. Она наслаждалась своей идеальной фигурой и практически перестала есть. Ей всё хотелось скинуть ещё пару килограммов. Контрольных. На всякий случай.

Но однажды увидела своё отражение в витрине, и, ещё не осознав, что это она, показалась себе неприятно худой.

К осени страшная худоба стала уходить.

Она и её объясняет последствием того шока, когда её парализовало на несколько минут. Когда, как Аришке потом думалось, некие силы не хотели дать бабушке дожить до следующего дня. А почему? А потому, что следующим утром она причастилась.

Христиане поймут.

Всё.

Ребята всю гоняли на лошадях. И в седле, и без седла. Сидели, как будто с этими четвероногими составляли единое целое. Все движения слитны и местами синхронны. Словом, любо-дорого посмотреть.

Пришло время и девочкам приобщиться. Витька Быков не против. Садитесь, мы с ребятами посмотрим, посмеёмся, полюбуемся.

Зрелище, однако.

Но лошадок выбирал тихих, спокойных.

Аришка уже сидела верхом. Но то под присмотром деда Петра и под его контролем, он держал лошадь под уздцы.

А тут пришлось отдаться на волю случая и коня.

Аришка стала на воз, чтобы было с чего взбираться на высокую спину. Лошадь пока придерживали. Аришка кое-как вскарабкалась. Без седла. Ребята забросили уздечку.

Как всегда, высоко и страшно. Аришка прижала ноги, согнув их в коленях. Рук неожиданно стало мало. Нужно было хватиться обеими за шею лошади, а чем держать уздечку?

А лошадка тут сама по себе и пошла легонько, а потом и побежала чуть-чуть.

– Стой! – заорала Аришка, трясясь и подпрыгивая, как мешок с горохом.

Ребята стали вслед советовать.

– Ноги опусти!

– Выпрямься. Сядь прямо!

– Уздечку возьми!

Но Аришка боялась пошевелиться, так как ей казалось, что нашла единственно возможную позу. И любое движение может нарушить гармонию.

Хотя, какую гармонию?

– Остановите меня!

Наконец, кто-то из ребят остановил скакуна. Аришка сползла, ноги тряслись и подкашивались, и земля уже не казалась такой надёжной опорой.

Короче, первый блин, понятно, комом.

Дальше были новые попытки и новые блины, все сплошь – комы.

Пробовала в седле. Что толку-то. Ноги в стремях не хотят находиться, привычно сгибаются в коленях и задираются вверх. Руки так и норовят упустить уздечку и вцепиться в более надёжную шею.

Рысью – прыгаешь в седле как мячик теннисный между двух плоскостей. Галопом – подскакиваешь, того и гляди перепрыгнешь через седло и улетишь.

Улетала. Не сосчитать сколько раз. Но всё обходилось даже без ушибов и синяков. Хотя, может быть и с синяками, кто их особо разглядывает?

Удивлялась благородству коней, их терпению и лошадиной снисходительности. Или мудрости. Сколько раз летела

под копыта, и копыта ни разу не задели её.

Параллельно катались Райка Окунева и Анька Галдина.

Ну, у Райки дела сразу пошли гораздо успешнее. Научилась, почти как ребята. Почти.

А Аришка с Анькой так и остались полуумелками.

Но, несмотря на неуспехи, взлёты и падения, Витька выделил каждой по лошадке.

Райке досталась Гайка. Не за созвучие имён, и не за сходство характеров, а за что, Витька не объяснил.

Гая была молодой, поджарой чёрной кобылой с не самым покладистым характером и с дурной привычкой. Она могла во время бега дёрнуть в сторону, повернуть прямо на скаку.

Аришка на ней пару раз ездила.

Вот однажды Витька разрешил покататься в лесу. Поехала. Где шагом, где лёгкой пробежкой. Решила сократить путь, свернула с дороги. Но Гайка чего-то испугалась и побежала, а потом неожиданно на скаку повернула. Аришка удержалась бы, если бы не коварное дерево, которое зацепило ногу с той стороны, на которую она и без того свесилась во время Гайкиного манёвра.

Брык, Аришка на земле, зашибла ногу, а Гайка, как свинья, побежала в зелёную даль, даже хвостом на прощанье не махнула.

– Гайка, Гайка, – побежала следом, но куда там.

Аришке стало страшно. Не за себя, дорогу хорошо знала, а вот, где теперь эту Гайку искать? Заблудится дура. Витька

убьёт.

Теперь стало страшно за себя. Заревела. И так, с рёвом на весь лес и хромая, пошла. Нога не болела, разве чуть-чуть. Но это была единственная возможность хоть как-то защитить себя. Может, Витька сжалится и не станет убивать.

На подходе к конюшне уже полностью вошла в роль, ревела аж с икотой и хромала на обе ноги.

Ребята стояли у ворот конюшни, молча смотрели на неё, глаза были у всех перепуганные.

– Ви-и-ить, Гайка убежала. Я ехала, а она скакнула в сторону, я ногой зацепилась. Ногу, наверное, сломала. Где теперь её искать?

– Кого? Гайку? Она уже сама прибежала.

– Как прибежала? Когда?

– Да, недавно. Мы думали, где тебя искать. Что с ногой?

– А я думала, что она в лесу заблудится.

– Да ну. Они дорогу лучше тебя помнят. Прибежала, как миленькая. Что с ногой?

Аришка почувствовала, что с ногой... ничего. Но, как теперь выйти из этой дурацкой хромоты? Ноги-то сразу не восстанавливаются.

– Домой пойду.

И захромала в сторону дома. Оглянулась. Ребята стоят, вслед смотрят. Стыдобище.

К дому стала подходить, рожа красная, зарёванная, столько времени надрывалась. Как бы бабушка не заметила. Ис-

пугается, спрашивать начнёт. Перестала хромать только тогда, когда закрыла за собой дверь.

Аришке Витька выделил Лысика. Красный конь, пожилых лет, но откормили. Стал толстый, мягкий, шелковистый.

Аришку он быстро раскусил и стал самым наглым образом пользоваться всеми её слабостями.

Вот пробежится немного и перейдёт на шаг.

«Устал», – думает Аришка.

«Ну, ещё бы, столько отмахал» – всем видом показывает Лысик и тянется к траве.

«Проголодался», – вздыхает Аришка.

«А как ты думаешь, тебя таскавши с утра, отощаешь тут».

Не столько ездили, сколько паслись.

И только, если Витька садился на этого Лысика, куда только пропадали усталость и истощение. Бодрым галопом мчался, куда прикажут, весело махая хвостом.

«Почему у меня так не получается?» – думала Аришка, глядя вслед этой резвой езде.

«Патамушта...»

Приближался Олькин день рождения. И все как-то заинтересовались, а что же Аришка подарит своей тётке. Как-никак традиция, вынь – да положь подарок.

Такого подвоха Аришка не ожидала. Как они, вообще-то дарятся эти подарки? Вернее, подойти к этому вопросу надо ещё раньше. Где они берутся, эти подарки? Не, ну понятно, купить, так для этого деньги нужны. Денег у Аришки отродясь не водилось. О том, что иногда делают подарок своими руками, Аришка знала, но что толку? Как эти руки-крюки сами смогут сделать подарок? Махнула рукой, может, отцепятся.

В деревне дни рождения как-то не принято было особо отмечать.

Аришка не помнит, чтобы к кому-то ходили в гости на это событие или дома собирались за столом.

Бабушка вообще не знает, когда родилась. Записана в паспорте – сентябрь 1905 года, и число какое-то. И, если сентябрь, вроде, месяц правильный, то год бабушка забрала сразу. Не этот год и точка. Месяц сгодится.

Да и у Аришки с датой нелады. Родилась 10, записана 11. Почему? Мама объясняет нелогично. Потому что родилась в 6 часов вечера. Из этого следует следующий вопрос: и что? И всё.

И таких нестыковок Аришка знает много, все перечислять – смысла нет. Заглянем лишь к соседям. К Окуновым. Вовка записан не в тот месяц. Он октябрьский, а по документам ноябрьский.

Но у Вовки особая история. Не хотели его. И Вовка чудом уцелел ещё до своего рождения, а потом ещё одним чудом уцелел уже после, потому что родился весом меньше килограмма. А какие кувезы были в больнице в 1974 году? Но Вовка всё преодолел, лишь заикаться стал.

А дед Гриша слишком поздно пошёл в сельсовет его записывать. На месяц опоздал. И поэтому на месяц позже у Вовки день рождения в свидетельстве. Но, по сравнению с тем, что он уже пережил, это мелочи жизни.

Хотя, по мнению Аришки, деду Грише напрасно доверили это дело. Он ещё раньше напортачил. Когда родилась его первая внучка, её хотели назвать красивым именем – Алесья! И послали деда. А он по дороге забыл это красивое имя и назвал новорожденную Раей. Всё. Ничего нельзя было сделать. Что написано пером, не вырубишь и топором. Но Аришка подозревает, что дед Гриша не так прост, как кажется. Для кого-то Алесья – красивое имя, а кому-то Рая больше по душе.

Так что, с днями рождения сплошная неразбериха и отмечались они скромными подарками. Чаще одним.

Андрею, помнится, подарили машинку. Когда её гоняешь, начинают мигать синие и красные огоньки. Красиво. Осо-

бенно в вечернее время. Андрей её гонял-гонял и в доме, и по улице, а Аришка рядом гонялась.

А ей, в её очередь, подарили куклу. Но в куклы она особо не играла. Неинтересно было.

Больше мечтала о несбыточном подарке, о маленьких живых человечках, ростом, приблизительно, с палец. Жить они могли бы на столе. Там у них были бы домики, улочки. В домиках по вечерам зажигался бы свет, а Аришка подглядывала за ними в окно. У них были бы и лесок, и речушка, и курочки с коровами. Они стирали бы бельё и готовили кушать.

Словом, жили бы человечки, но это – фантазия. А реальность такова: не отцепились от Аришки, все интересуются, что она подарит Ольке.

У Аришки был зайчик. Голубенький, резиновый, с пищалкой на лапках. Она на него и внимания особого не обращала, и не играла почти. Так, нажмёт, пискнет и дальше пойдёт.

А тут люди хорошие советуют, мол, подари Ольке зайца.

– А можно такой подарок дарить?

– Можно, дари.

Аришка сначала даже обрадовалась, что так легко отделается от навязчивого Олькиного дня рождения и почти решилась. Но, призадумалась.

«А с чего бы это все так активизировались? Сначала ко мне пристали, теперь к зайцу?»

Вгляделась в него попристальней.

«А ведь ничего себе зайчик. Симпатичный. И почему это я раньше на него внимания не обращала? Недосмотрела я чего-то в своём зайце. Вот сейчас отдам и всё. Не будет его у меня. И я так и не пойму, в чём его таинственная ценность. Упущу свой шанс».

И не подарила. Сказала:

– Не-е-е, не дам зайца.

И от Аришки все сразу отцепились. И осталась она с зайцем. А заяц тут же стал неинтересен.

Потом жалела, конечно, что Ольке тогда его не подарила. Понимать стала, что не было никакой таинственной ценности. А была обыкновенная жадность.

В деревне случилась страшная трагедия. Погибла девочка.

Основная и самая многочисленная группа детей – Аришкины ровесники, плюс-минус год-два. Старшие были, но немного, младших ещё меньше.

Галя и Света были старше. Где они играли, с кем гуляли – непонятно. На улице их встретишь нечасто, в Аришкиной компании они почти и не бывали.

Галю не любили. Была в ней внешняя непривлекательность: разговаривала медленно, вязко растягивая слова, и пузыри слюны не помещались во рту и лопались на губах.

И характер у неё был так себе.

Света – полная противоположность. Умничка, добрая, весёлая, красивая. Свету любили все.

Аришка однажды столкнулась с ними обеими. Шла по своим праздным делам, по дороге догнала медленно идущих Галю и Свету, поздоровалась, хотела идти дальше.

Но тут Галя, ни с того, ни с сего, схватила Аришку за шею, согнула в бараний рог. И всё.

Аришка вырывается, та смеётся, больно давит пальцами на шею. Какие-то недобрые слова пузырями брызгают на Аришкину бедную голову. Вырвись, попробуй из лап этой кобылы.

– Пусти, Галь, да, пусти!

– Не-а, не пущу!

– Я мамке расскажу!

– Рассказывай.

– Я твоей расскажу!

– Рассказывай.

Стоя посреди деревни в нелепой позе, задница торчит вверх, голова согнута к коленям, руки пытаются отковырнуть цепкие пальцы-клещи, Аришка поняла, что попала в безвыходное положение.

И вдруг звонкий сердитый голос:

– Галь, отпусти её!

Цепкие пальцы не дрогнули. Но насильница не возразила на этот раз. Обдумывала, возможно, продолжать издевательство, от которого получала странное удовольствие или подчиниться требованию своей единственной подруги.

– Пусти сейчас же, – в голосе слышались возмущение и гнев.

Галя разжала пальцы, медленно, с сожалением.

Аришка отскочила, отряхнулась и поспешила прочь, не сказав своей спасительнице даже спасибо.

Погибла Света. Летом, на каникулах.

Она закончила 8 классов и подала документы для поступления в педучилище, куда через несколько лет поступит и Аришка. Вот только Света вступительные экзамены не сдавала. Может быть потому, что была отличницей, а может

быть, не успела.

В своё последнее лето она помогала старшему брату Диме. Он недавно вернулся из мест не столь отдалённых, и теперь работал в колхозе.

Недалеко от ферм стоял агрегат, похожий на комбайн. В нём делали силос для коров. Аришка сама не видела, но ей рассказывали про принцип его работы. Бросаешь в его зубастую пасть траву, её крутит-вертит, как в мясорубке, и на выходе получается силос.

В тот вечер Света не хотела идти на ферму. Брат настаивал. Она пошла к Гале, Дима за ней. Она даже пряталась от него, но, видимо, не спряталась.

Пришли оба. Света стала работать на том силосном комбайне, бросать в пасть траву, Дима ушёл в здание.

Что случилось? Самая распространённая версия – её платье зацепилось за один из металлических зубов. И Света ничего не смогла сделать...

Дима прибежал на крик сестры. Выключил агрегат.

Всю израненную, но ещё живую девочку увозила скорая. Она сказала: «Я жить хочу!»...

Галю в последний раз Аришка видела много лет назад. В пригородном поезде случилось стать попутчицами.

Галя вышла замуж, живёт в Казахстане (если Арина за давностью событий ничего не перепутала).

Разговаривала доброжелательно, спокойно. И только излишки слюны по-прежнему мешали и ей, и слушательнице.

Но в этом же она не виновата.

А на могилку к Свете Аришка изредка заходит. И с чёрно-белой фотографии на неё весело смотрит хорошенькая девочка с пионерским галстуком на шее, которая так никогда не стала...

Мама сдвинула две полутораспальные кровати и получилась одна трёхспальная. И вот на таком широченном кроватином поле и спали втроём: Аришка, Андрей и мама. Иногда ещё кто-нибудь присоединялся, например, Инна Талалаева.

Инна не замужем, без детей, в основном занята устройством личной жизни. Разумеется, в свободное от работы время. Хотя, если на работе появится возможность, то работа подвинется немного, а свой шанс Инна не упустит. Но пока всё как песок сквозь пальцы. Никак не ухватит быка за рога, или птицу счастья за хвост.

И свои многочисленные удачные и не очень, романтические похождения, она в подробностях рассказывает своей подруге. А Аришка с Андреем бывало слушали, и, откровенно говоря, они им не нравились.

И, хоть Инка интересная, ночевать с ней веселей, но в минуты таких откровений, она вызывает у них немного брезгливое недоумение. И вот оно её надо?

Но сегодня у них остаётся с ночёвкой друг Вовка.

Мама пришла с фермы поздно, напоила детей молоком с булками и вареньем, уложила всех на кровать, и сама, улегшись с краю, тут же провалилась в глубокий сон.

Длинный летний вечер никак не хотел уступить место законной хозяйке – ночи. Комната слабо освещалась. На кро-

вати было душно, слишком мягко и не спалось.

– А давайте пойдём спать в другое место?

Было бы предложено, а возражать никому из троих почему-то в головы не приходило. А ведь Аришка старшая, иногда должна бы задумываться над последствиями. Но, как некоторые говорят, «велика Федура, да дура».

Вот, например, прошлой осенью эта тройка бестолковых лес ходила поджигать.

...Кто-то предложил, или Вовка, или Андрей. Аришка не могла, так как вроде, где-то в мозгах витает какой-то отголосок мысли, что лес поджигать – это плохо. А вот возразить на это предложение, тут уж мозгов не хватило.

У Аришки не хватило, а у пацанов откуда взяться такому возражению?

Взяли спички, пошли. Дорога знакомая. У самого леса недавно поставили стойку с ярким плакатом. На нём нарисованные лесные звери бегут в страхе от красных деревьев, объятых страшным пламенем. И внизу буквы. Они не умеют читать, а всё же знают, что там написано: «Лес – твой друг, береги его от пожара».

Постояли, посмотрели. Хорошая картинка, правильная. Бедные зверьки! Особенно косулю жалко. У них в лесу водятся такие же. Зимой Аришка видела – парочка из леса вышла и прошлась по околице. Мамка сказала, что они, наверное, голодные, вот и пришли ближе к человеческому жилью в поисках пищи.

Ну, ладно, пошли дальше.

Пришли. Достали спички, стали поджигать опавшие листья. На их счастье и счастье этого леса всё было отсыревшим после недавних дождей; спички закончились, пожара не получилось.

А уж дома паника. Райка – предательница – разведала про план поджога и рассказала своей бабушке, та побежала к соседям для доклада. А уж мамка знала, как встречать поджигателей. С хворостиной. Тоненькой и гибкой. Аришка слышала, что иногда детей наказывают ремнём, но считала это несерьёзным наказанием. Вот хворостиной – другое дело. И больно и полоска набухшая розовая надолго остаётся.

Ох, прятались они тогда от мамкиной страшной хворостины за бабушку. Бабушка, конечно, старалась защитить, но всё равно досталось. Вспоминать не хочется...

А вот теперь ходят по тёмным комнатам, хихикают, ищут место для ночлега. Решили разделиться. Вовка залез под стол. Андрей куда-то полез, в темноте не видно, но ножки кресла заскрипели по полу, значит, под кресло. Аришка растерялась, все хорошие места заняты. Что она копается? Надо быстрее выбирать. Ползает на четвереньках по полу. Там не просунешься, там тесно, там страшновато. Залезла под стул, свернулась калачиком, прислушалась. От стола несётся какое-то вошканье и шуршание, от кресла – тихое хихиканье. Она тоже захихикала, мамка завтра проснётся, а нет детей. Где они?

Но к тому времени, когда мамка проснулась, все сопели рядом на кровати. Сами повыползали из своих убежищ, когда стало холодно и неудобно.

Окрестные прудики, это как грязнёнькая лужица для утёнка. Настоящий водоём, влекущий к себе в жаркий день – Нерусса.

Дорога туда не коротка, но её ещё и найти надо.

Если идти через соседнюю деревню, делать резкий, чуть ли не противоположный крюк влево и добавить себе несколько километров пути, то дорожка протоптана, утрамбована и людьми, и животными, и техникой.

Но есть путь напрямик. И вот его-то и нужно искать. Потому что он не виден невооружённому и вооружённому глазу. Просто есть приблизительное направление, и если в него точно попасть, то маршрут возможен. Не всегда удобный, местами придётся разуться, чтобы не вымазать сандалии (в Неруссе всё равно ноги отмоются), не раз придётся нырнуть в рукотворную траншею (землеустроители постарались), но после всё же выходишь на ту самую протоптанную и утрамбованную дорожку, отрезая неудобный крюк.

Но если направление не удалось верно угадать, всё, можешь возвращаться – не дойдёшь.

Аришка один раз пыталась прорваться с Наткой.

В нужном направлении двинулись, но в цель не попали. Начались заросли высокой травы. Пошли через неё, надеясь, что впереди всё будет хорошо. Заросли выросли в размерах,

под ногами захлюпало, началось какое-то болото. Рогоз и камыш поднялись выше головы. И откуда такое счастье привалило?

Упрямо шли вперёд, пробираясь как сквозь джунгли. Только мачете не хватало. Ноги, руки, шея, все открытые участки тела были исцарапаны, кое-где выступили капли крови. Тут как тут тысячи насекомых почуяли добычу, но возвращаться уже было нецелесообразно. Казалось, что большая часть болота была позади.

Как вдруг Аришка истошно закричала и ринулась назад, перепуганная Натка за ней. Перепрыгивая заросли, как газели, обратно из болота выбрались поразительно быстро.

Оказавшись на сухом низкотравном месте, Аришка стала нервно отряхивать с себя налипшую болотную растительность.

– Ты чего заорала? – спросила Натка.

– Змеи.

– Ты видела змей? – Наткины глаза и без того красиво-большие, стали прекрасно-огромными.

– Да нет. Фу, гадость какая. Я подумала, что в этих зарослях их полным полно, и мы можем запросто попасть к ним в гости.

Девочки, тяжело дыша, посмотрели на непроходимые заросли, в которых опасностей было больше, чем они предполагали, потом перевели тоскующий взгляд на далёкую и неприступную Неруссу, которая угадывалась по растущим

ивам на её берегах и повернули в деревню...

Не менее, чем дорога к ней, коварна и сама Нерусса. Есть только одно место в окрестности, где она доступна отдыхающим, здесь же и переход, и переезд через неё.

В этом месте река более широкая, а в жаркое, засушливое лето уровень воды опускается. И в самых глубоких местах всего лишь по пояс или даже меньше. Но течение быстрое, сбивающее с ног, опасное.

В других местах река гораздо уже и глубже. Ещё в ней есть неожиданные ямы. Аришка в одну из них булькнула, но Анька Галдина держала её в этот момент за руку и тут же вытащила. Считала, что она ответное спасение совершила. Но Аришка всё равно ту свою помощь «утопающей» подруге не считала серьёзной.

Но на Неруссу ходят не для того, чтобы почерпнуть новые опасности, в виду отсутствия таковых дома. Речка – есть речка. Это особый маленький мирок. Когда спускаешься по крутым берегам к воде, всё изменяется. Привычное окружение, леса и поля, летний зной исчезают. На смену приходит свежий речной запах, прохлада, тени.

Сначала, по приходу – в воду: окунуться, поплавать, понырять. Потом повалиться на её песчаном берегу, посмотреть, как ветер хозяйничает в ивовых ветках, выворачивая тонкие листики, как блестят и переливаются они на солнце.

Особая радость – редкая, когда плывут по реке лодки. И, пока они тихо двигаются по течению, можно ловко вцепить-

ся сзади за корму и проплыть прицепом. Пассажиры не ругаются. Только далеко нельзя, там глубоко, а плавать толком никто не умеет.

Потом у самой кромки воды потоптаться ногами в мокром песке, пока эти ноги не провалятся по самые колени, и вытаскивать их, падая во все стороны, но мокрый песок держит крепко, отдаёт то, что захватил неохотно, и, наконец, сдаётся с громким чавканьем, а ноги, как в гольфы, одеты в мокрый песок.

Дальше, за Неруссой, уже другой район, дорога идёт в Лосевку. Сначала дорога движется рядом с рекой, потом делает перпендикулярный поворот и отрывается от неё. В том месте, где река и дорога расходятся, берег крут, река узкая, бурливая. В этом месте, ночью, одна, глядя на страшную чёрную воду, стояла Аришка. Стояла и думала о шаге, который надо сделать с обрыва. Ей было 12 лет.

16 мая 1986 года, утро

Аришка открыла дверь, остановилась на пороге. Самая прекрасная пора – преддверие лета. Яркое солнце, сочная зелень, сотни птичьих голосов. И чёрная – чёрная тоска на сердце.

Выхода нет, но ведь что-то надо придумать. Вчера весь день на это потратила. Начала с утра, казалось, к вечеру главный вопрос будет решён. День длинный, что-нибудь получится.

Главный вопрос – как сделать так, чтобы больше не ходить в школу. И вообще на улицу. Два дня была дома, в основном, лежала на печке. Но бабушка гонит в школу, скоро начнёт подозревать, что что-то неладно. А как тут не подозревать, если все уже, наверное, знают. Значит, и бабушка скоро узнает.

Горячая волна прошла сквозь сердце, как бывало каждый раз, когда Аришка вспоминала... О, какой позор.

Что же делать?

Вчера взяла вилы, залезла на чердак, хотела ногу проколоть. Разулась, выбрала место между большим и указательным пальцем, там костей и хрящей не нащупала, всё мягкое. Нужно было сделать одно резкое движение, но не решилась. Давила медленно. Давила, давила. Острый зубец вил вошёл в

плоть на несколько миллиметров, может, на сантиметр. Этого мало. Дальше не протыкается. Нужно резкое движение, но не хватило силы воли.

Вытащила вилы, отложила в сторону. Может, этого достаточно? Вон, в детстве порезала ногу о бутылку, секунда – и на несколько дней обездвижена. Или Олька на ржавый гвоздь наступила и тоже прописала себе постельный режим. Может, и этого достаточно? Пошевелила пальцем. Выдохнула с досадой. Даже почти и не болит. Но, может быть потом разболится, процесс какой-нибудь начнётся. Надо подождать.

Нет, не годится. Или полностью надо проткнуть, или попробовать что-то другое.

Руку сломать. Или ногу. Или рёбра. Да, хоть что-нибудь. Как? Упасть с высоты.

Опять залезла на свой чердак. Там, хоть, никто не видит, там спасающее одиночество, жаль, что там нельзя остаться навсегда, вытащат, как улитку из раковины вытаскивают любопытные детские руки и будут тыкать в неё, беззащитную, палкой, пока не замучают вконец. Уж лучше что-то самой предпринять.

На чердаке две дверки в противоположных концах. Одна «смотрит» в сторону улицы. Туда даже не взглянула, повернула к другой, подальше от улицы, от людей. Люди умеют кислотой смотреть, кислотой говорить, и кислота эта невидимо разъедает Аришку. Кожа, словно, шматками заворачи-

вається і свисає, або це не шкіра, а душа?

Боль така, що не поймеш, де болить. І голова, бідно чугунна, не соображає.

Открыла чердачну дверку в сторону огорода. Надо отсюда упасть как-то боком, чтобы не на ноги, а то получится – спрыгнула, так ничего не сломается, прыгала много раз. А если боком, может что-то треснет.

Долго сидела – не решалась, потом мешком свалилась. Сразу поняла – ничего, не ушиблась даже. Упала на мягкую землю, как на перину.

...И так бездарно прошёл весь вчерашний день.

Бабушка сегодня пристала, иди да иди в школу. Хотела взять портфель и уйти в лес, а потом вернуться, словно из школы. Но это не выход. Надо что-то кардинальное.

Уйти? Куда? Далеко. Куда глаза глядят. Ведь были же в истории бродяги, ходили по белу свету. Вот и она будет.

Оделась, обулась. Не взяла хлеба, воды. Есть не хотелось и, казалось, больше не захочется. Да и не думала об этом.

Уже на выходе увидела бабушку. Сидит на лужку, коз пасёт. Остановилась. А как же бабушка? Что подумает, когда не найдёт её? Испугается, будет искать. Надо написать записку. Но бабушка не умеет читать.

Представила бабушку, в недоумении вертящую записку, понимающую, что ничего хорошего в ней нет, но надо прочитать, и идущую к самым неподходящим людям – Окуневым. Ситуация и так неприятная, и ещё усложнится. Но больше в

голову ничего не пришло.

Написала: «Бабуш, я ухожу. Не переживай за меня».

Положила на самое видное место. Постояла в сомнениях. Может, убрать? Нет, без записки будет хуже. Оставила.

Вышла на улицу, посмотрела на бабушку долгим взглядом и пошла.

Куда идти – особо не думала, потому что не знала. Но, то ли ноги сами выбрали маршрут, то ли уставшая от тяжёлых думок голова послала какой-то сигнал, свернула Аришка на дорогу, по которой ещё ни разу в жизни не ходила. До большака бегала, а дальше всё было незнакомое, туда и пошла.

Аришка шагала по грунтовой дороге быстро, оставляя позади такой тяжёлый, запутанный год.

А начинался он так весело.

Лето 1985 года

Раньше это был чей-то сад, но хозяева уехали, забор повалился, и яблони стали расти, можно сказать, на улице. Правда, девочкам добираться до них было всё равно нелегко. Заросли малины исцарапали своими длинными ветвями всё, до чего смогли дотянуться.

Но яблоки – это неплохой перекус, а гулявшим с утра девочкам он сейчас был очень кстати. Усевшись на удобных сучьях, они грызли ещё не совсем созревшие плоды и весело болтали. Разговор зашёл о школе. Август уже подошёл к своей середине, и мысли всё чаще тянулись к школьным друзьям и учителям.

Девочки, перебивая и дополняя друг друга, рассказывали Аришке о своей новой школе. Из начальной они уже выросли, да к тому же она закрылась. И ходить, во главе с Антониной Фёдоровной приходилось в соседнее село. И, судя по рассказам, это было очень весело. Аришка слушала со вниманием, ведь, если ей повезёт, она тоже окажется в этой компании.

– ...И тут Анна Васильевна заходит и спокойненько говорит: «Ша, пелёнки!».

Аришка не знала, что такое «шапелёнки», но слово ей понравилось.

– А на обратном пути у нас остановка. Возле Сорино наше местечко. Мы там садимся и едим.

– Что едите?

– Что из дома возьмём, то и едим.

– Здорово!

В этом году Аришка закончила 5 классов. Два года назад они переехали на Украину, в Сумскую область. Там было неплохо.

Валентин Иванович – классный руководитель, которого все девочки класса, в том числе и Аришка, любили и уважали.

Подружки – Марийка, Ира, Надя; хлопцы – Витя, Руслан, опять Витя. Там даже было здорово, но там был отчим – Роман.

Став взрослой, в одном она Романа оправдала. Она сказала себе, что своих детей трудно растить, а чужих и подавно. Со своими часто не справляются, а чтобы справиться с чужими, нужно быть Человеком. Далекое не каждому это под силу. Отчим с этой задачей совсем не сладил, но это было полбеда. Роман был человеком порочным. И для Аришки это открылось быстро, потом дошло и до Андрея.

И сейчас решалось ближайшее Аришкино будущее. Возможно, её оставят у бабушки. Надолго? Ориентировались на год.

Аришка боялась показать свою радость, боялась, что мамка могла передумать. Но надежда расцветала в сердце, как

цветок.

Какая она везучая! Остаться у бабушки, это, словно, продлить лето на целый год.

Аришка старалась не думать о брате, которому не повезло так, как ей. Он вернётся на Украине с мамкой к отчиму.

Но она-то счастливица!

16 мая 1986 года, день

Аришка шла, перебирая в памяти увиденные или прочитанные картины бродячей жизни, стараясь в чужом примере обрести уверенность, что и ей так тоже можно.

Солнце светило в лицо, время от времени уклонялось вправо-влево, подчиняясь едва заметным изменениям направления дороги. Но время шло, и, постепенно светило забирало всё правее, всё неохотнее и кратковременней возвращаясь на прежнее место.

Дорога шла мимо недавно засеянных полей. Изредка попадались деревушки, но Аришка обходила их стороной, по касательной.

Один раз, проходя рядом с одной из них, она оглянулась. Представшая картина надолго легла в её зрительную память.

Озеро, деревья, солнце, женщина, мальчик. Женщина внимательно смотрит на неё, держа ладонь козырьком. Всё залито розоватым светом, который бывает на закате. Но это ещё не закат. До заката далеко.

Кусочек прекрасного чужого мира. Аришка отвернулась и пошла дальше.

1985 год, 1 четверть

Новый Аришкин класс по количеству учеников был самый малочисленный в школе. Всего четыре человека. Юля, Катя, Сергей, ну и Аришка.

В начале сентября у Аришки день рождения, и в этот день, она почувствовала, что немного подружилась со своими новыми одноклассницами. Она приятно удивилась, что это произошло так быстро. Думается, главная причина этому – Юля Соловьёва. Юля – добрая. Это, наверное, её самое главное качество. А истинно добрые люди – сильные и смелые. А ещё Юля – сирота. Жила с бабушкой и двумя младшими сёстрами. Юля – весёлая. Но веселье её было особенное. Она не хохотушка.

Хотя, много позже Аришка с Юлей однажды сидели на уроке рисования за одной партой и хохотали так, что их обеих выгнали с урока. Но выгнали не в наказание, а чтобы они смогли успокоиться. Они так и не успокоились. Невозможно оказалось. Причина их хохота на этом уроке – замечательные художественные способности, опять же, у Юли. Учительница велела нарисовать что-то на тему вреда курения. И, пока Аришка пыталась изобразить пожар на конюшне, который произошёл от небрежно брошенной сигареты, Юля нарисовала волка из «Ну, погоди!», который шёл, курил и от него

в разные стороны летело множество сигарет. Вот этот рисунок и показался Аришке таким забавным, что она не могла успокоиться, как ни старалась взять себя в руки. Она и в другую сторону смотрела, стараясь взглядом не коснуться волка, но зрительная память не давала его забыть. Пришлось обратиться у учительнице: «Можно на своё место сяду, я здесь не могу больше...» На последнем слове Аришка и Юля прыснули и поползли под парту. «Можно, иди на своё место» – учительница не злилась. Она видела, что девчонки не нарочно...

Но это скорее исключение, веселье Юли было тихое, какое бывает от доброты и хорошего настроения. Ей было хорошо на свете жить, и всем рядом с ней было приятно. Аришку она сразу приняла.

Катя Гришина – умненькая, немного скрытная. Она очень любила Юлю Соловьёву, но без ревности, для новенькой подвинулась, уступила место в маленькой компании, ведь рядом с Юлей по-другому нельзя.

И Серёга Плохих. Рыжий, с веснушками, жизнерадостный, громко разговаривает чуть хриловатым голосом. Он был из тех ребят, которые к девочкам относятся снисходительно и, часто, с неодобрением. Но, коль, жизнь подсунула таких одноклассников, то на то она и жизнь, чтобы делать сюрпризы, приятные или не очень, а долго расстраиваться по такому поводу он не собирался. С Сергеем Аришка и просидела весь год на второй парте.

Учителя любили работать в этом классе.

– Ах, как у вас тихо, как уютно, – говорили они.

Жене директора – Светлане Георгиевне, нравилось свой учительский стол передвигать к батарее и разворачивать его перпендикулярно. И сидела там, грея спину и проводя с удовольствием уроки.

Как-то забыли после её ухода поставить стол на место, и следующему учителю так понравилась эта идея, что стол так навсегда остался у окна.

В классе ещё жила мышка. В углу она прогрызла дырочку и иногда выходила наружу. Даже бывали эти прогулки во время уроков.

Девочки стали приносить ей из дома еду, опасаясь, что в школе особым питанием не побалуешься. И теперь около норки стояло блюдо с молоком и прочие угощения. Учителя посмеивались и не возражали, но однажды пришёл злощущий директор и орал на девчонок. Оказывается, школа и сам директор лично объявили войну грызунам и усиленно ведут её, а 6 класс перешёл на сторону противника. Пришлось убрать еду от жилища противника. Но время от времени в дырочку что-нибудь, как бы случайно, подбрасывали.

Классным руководителем была Анна Васильевна, та самая, что говорила тогда «ша, пелёнки», Аришка узнала, что это не одно интересное слово, а два обычных, ну, или, почти обычных: «ша», означает тише, «пелёнки» – это обзывательство такое. Анна Васильевна вскоре ушла в декретный

отпуск и родила ребёнка.

Географию вела худая молоденькая учительница, только что из института. На урок она приносила толстую книгу, открывала её и читала про себя, а детям задавала самостоятельно изучать материал. Дети изучали.

Аришкиной любимицей была Марина Николаевна, учительница математики. Она тоже молодая и тоже из института. Математику Аришка любила, и давалась она ей легко. Учительница была добрая. Но, главное, когда Аришке и Марине Николаевне случалось идти вместе, они вели очень увлекательные (с Аришкиной точки зрения) беседы о тайнах космоса.

В школу и домой ходили одной дружной компанией (если количество уроков совпадало). Дорога была недолгой. На обратном пути располагались под широко раскинувшимися деревьями, доставали нехитрую снедь и вкусно подкреплялись.

Возможно, так мило, приятно и по-доброму всё бы и продолжалось весь год, если бы в Аришкину жизнь с первых школьных дней не вторгся Денис.

Денис был невысокого роста, худенький и очень симпатичный, нахальный и весёлый. Он учился в 8 классе.

Аришка ему понравилась, наверное, с первого взгляда, и он с первого же дня держал её в поле своего зрения.

И он оказался тем самым испытанием, к которому Аришка была не готова.

А Денис действовал так, как подсказывало ему его воспитание и его эгоистичное сердце, равнодушное к чужим переживаниям.

Как-то в самом начале осени после уроков был объявлен общественно-полезный труд, типа субботник. Рябиновские ребята сбегали в свою деревню, переоделись и собрались опять идти в школу, на этот раз работать. На выходе из посёлка их догнал трактор с прицепом, остановился. Тракторист предложил подвезти. Всё, довольные, полезли в прицеп. На его дне, покрытом соломой, лежала пьяная женщина. Но, в тесноте, да не в обиде, женщина гостеприимно икнула, и все поехали.

Проезжая мимо школы, ребята заволновались, тракторист, похоже, забыл про них. Они закричали:

– Стой! Стой!

Женщина в общем гаме стала тоже помогать, чем могла. Она бросала вверх пучки соломы, создавая маленький фейерверк. Трактор остановился.

Общественно-полезный труд заключался в уборке опавших листьев на школьной территории. Работа несложная.

Аришка добросовестно гребла свои листья, с интересом наблюдая за всеобщим весельем. Денис ходил вокруг неё колесом, попутно увлекая в свою круговерть работающих рядом с Аришкой девчонок. Но тогда он был для неё одним из немногих, поэтому она его не выделяла, находила всех одинаково забавными.

На какое-то время он исчез из вида, она про него, даже, и забыть успела, как вдруг кто-то напрыгнул на неё сзади, крепко обхватив, как какую-то шлюху. Это был Денис.

Аришке тогда только исполнилось двенадцать лет. Нравственные принципы ей никто специально не прививал, на тему отношений полов с ней не разговаривали, и что такое хорошо, а что такое плохо в том, что касалось мальчиков и девочек она чувствовала и всё. Это было у неё заложено природой. До этого момента она знала, что никто не смеет её коснуться. И, конечно, об этом она никогда не думала. Просто в тот момент в школьном саду она почувствовала, что с ней сотворили то, что не имели право, не должны никак, нарушили её мир. Возможно, так бывает у всех, может быть, бывают исключения, кто-то рождается с искажёнными или другими представлениями.

Потом она долго ломала это чувство, перестраивала и, наконец, поменяла его. Делала это приблизительно по такой схеме: большинство людей считают так, значит правильно «так». Значительно позже пришла к мнению, что опять заблудилась, что первоначальное представление было правильным, сотворённое по собственной дури и с подачи таких же заблудившихся, ошибочно, и, наконец, вернулась на прежние позиции. Но это было значительно позже. А тогда...

Аришка от ужаса и отвращения отбивалась, как от паука. Денис оставил её. В наступившей тишине Аришка боялась поднять глаза на окружающих. После такого оскорбле-

ния она готова была провалиться сквозь землю. Но, когда всё же взглянула, была поражена всеобщим спокойным равнодушием. Как ни в чём не бывало, после минутной паузы веселье продолжилось. Но Аришке было уже не до него. От стыда, который по милости Дениса испытывала, она его почти возненавидела. Но равнодушная общественная реакция сделала своё дело.

«Может, это нормально? Может, в этом ничего страшного нет? Ведь не могут все отнестись к произошедшему так спокойно, если бы это и в самом деле было так возмутительно, как мне показалось».

Теперь в Аришкиных глазах Денис уже выделялся из толпы одношкольников.

Через какое-то время Аришка вновь столкнулась с ним. Грызая яблоки, он стал весело спрашивать о том, где раньше Аришка жила, почему они переехали. Девочка вежливо отвечала на вопросы, а сама удивлялась.

«Как он так запросто разговаривает со мной, после того, как меня обидел. Или он так пытается извиниться, или здесь так принято общаться». Аришка не понимала.

И спросить было не у кого. Девочкам она даже не смогла сформулировать проблему. А на её невнятное стыдливое мычание они давали аналогичный ответ.

А дома была только старенькая бабушка. Ведь, если верить паспорту, ей шёл 81 год. И она резко сдала. Из всех животных остались лишь козы и куры. Она тяжело ходила.

И лишний раз тревожить её своими глупостями Аришка не стала.

В этом году гости к ним почти не приезжали. Может они подумали, что бабушка под присмотром, а может быть были другие причины. Остались старая и малая наедине со своими проблемами.

Первую четверть Аришка закончила хорошо. Ей передали, что на родительском собрании директор её очень хвалил.

16 мая 1986 года, день

Аришка прошла значительное расстояние, когда внезапная мысль заставила её сердце болезненно сжаться.

«Какие бродяги! Да ведь сейчас 20 век. Я живу в Советском Союзе. В Советском Союзе нет бродяг. Никто не ходит по дорогам».

Шаги Аришки замедлились в нерешительности. А потом она вовсе остановилась.

«О чём я думала! Ведь я не могу ходить по стране с котомкой за плечом. То время, когда это было возможно, ушло в прошлое. Да, меня милиция рано или поздно остановит».

Аришка растеряно посмотрела по сторонам. И хотя никого не было, сказала себе: «Надо сесть. А то стою тут, посреди поля. Кто-нибудь заметит. Надо сесть и ещё раз всё обдумать».

Дошла до ближайшей лесополосы. Села.

«Как так получилось? Как я попала в такую безвыходную ситуацию? Я – единственная бродяга в стране, в которой нет бродяг, где их просто не может быть. А я стала».

Она в отчаянии сжала ладонями свою плохо соображающую голову.

«Надо найти какое-то пристанище!»

Представила какие-то чужие чердаки, лесные чащобы. Но

всё это временные убежища, из них, рано или поздно, нужно будет выходить к людям, если люди раньше не найдут.

А в каком виде она к ним выйдет?

И тут вспомнила.

«Танюшка Вершинина».

Надежда согрела сердце.

«Танюшка. Как я про неё сразу не подумала! Она добрая. Я ей всё расскажу. Она меня выслушает, она что-нибудь придумает. Она меня защитит. Я пойду к Танюшке».

Стало легче.

Начала обдумывать маршрут.

«Танюшка уехала в Ясенево. Это где-то за Лосевкой. Значит, сначала надо попасть в Лосевку. От деревни я зашла далеко. Отсюда лучше выйти на киевскую трассу и, желательно, в районе Камышовки».

Поискала глазами приблизительное направление и зашагала теперь уже за удаляющимся от неё светилом. И шаги её были заметно уставшими.

1985 год, 2 четверть

Время шло, и Аришка стала съезжать по всем показателям. Как с горки. Когда несут тебя силы природы, ты пытаешься остановиться, хватаешься за травинки и веточки, но это не то средство, которое могло бы препятствовать скольжению вниз.

Когда-то нарядные платица, которые с удовольствием носила ещё несколько месяцев назад, стали малы или пришли в негодность, или были откровенно летними, а на их смену не появилось ничего.

Мамка там, наверное, сама без денег сидит, раз не шлёт посылку своей дочери. Аришка понимала, когда другим трудно. И умела ждать своей очереди, терпеливо и не напоминая о себе. Впрочем, делала это не сознательно. Просто изначально сложилось убеждение, что ей никто ничего не должен, даже родители.

Пенсия у бабушки маленькая, 48 рублей. На обнови точно не хватит. Да и не привозили в деревню одежду.

Форма школьная засалилась, стала, мягко говоря, несвежей.

И Аришка стала несвежей. Мылась редко. В корыте много ли намоешься? Лень воду таскать и греть. Не чувствовала особой необходимости в частом мытье. А бабушка не за-

ставляла.

Спать ложились рано. Экономили свет. Телевизора не было. И рано просыпались. Просто лежали на печи, разговаривали.

Домашние уроки стала делать с неохотой. Всё откладывала на потом. А потом и вовсе забывала про них. Придёт в школу, ахнет:

«Я же домашнюю работу не выполнила».

Как-то из класса нужно было отправить кого-то на олимпиаду по математике. Выбирали кандидата между Аришкой и Катей Гришиной. Колебались. Аришка однозначно лучше соображает. Отправили Катю. Вернулась она с нелучшим результатом. В задаче совсем не разобралась. Марина Николаевна попросила повторить задачу, чтобы решить её в классе. Катя повторила. Что-то про проходящий поезд и железнодорожный вокзал. Аришка решила её с ходу, не задумываясь. Ей она показалась совсем лёгкой.

Катя сказала:

– Надо было тебе ехать.

Это прозвучала благородно. Аришка посмотрела на учительницу, что скажет она, но Марина Николаевна отвела взгляд и промолчала.

Аришка поняла, почему не она поехала на олимпиаду. Не ездят туда такие замухрышки. Ещё в школе пойдёт, закрывают глаза, а там всё-таки другой уровень. Таких олимпийцев не бывает.

Денис продолжал оказывать Аришке знаки внимания, какие не должно оказывать ребёнку. Ведь 12 лет – это ребёнок? Некоторые не согласятся. Но Аришка взрослая смотрит на ту себя, как на ребёнка. Причём, в беде. И беда была уже не за горами.

Уехала подружка любимая – Танюшка Вершинина. Её отец проработал много лет в Лосевке, каждый день добираясь туда-назад на рабочей машине, а теперь получил квартиру в Ясенево. (Лосевка – Ясенево, практически соединённые посёлки).

Антонина Фёдоровна тоже получила жильё недалеко от соринской школы. И теперь их компания поредела. Потому что Наташа Тарасова, дочь учительницы, теперь жила в Сорино.

Как-то, идя в школу, кто-то из девочек почти вскрикнул:
– Ариш, ты такая некрасивая сбоку!

Аришка перепугано стала щупать своё лицо.

– Девочки, посмотрите, какая Аришка страшная.

Все посмотрели и согласились с таким тяжёлым для Аришки фактом.

И с тех пор она напрягалась, когда приходилось поворачиваться к людям в профиль.

Приближался Новый год. Аришка впервые страшилась этого праздника. Ведь в школе будет утренник. А на утренник люди приходят или в сказочных костюмах или в красивых платьях. И того и другого у Аришки не было, была лишь

школьная форма, которая на празднике просто неуместна. Вот и в чём идти? Аришка нашла кусок марли, стала шить себе юбочку, типа снежинки. Ничего не получалось.

Пришла в гости Тамара Болотина. Стала Аришка с ней советоваться. Вместе попробовали что-то сделать – не получилось. Махнула Тамара рукой, ушла разочарованная. Аришка хотела её немного проводить, но Тамара поспешила уйти одна. Аришка стояла и смотрела на удаляющуюся нарядную фигурку подруги.

В школу на утренник не пошла. Это был её первый прогул.

С бабушкой поставили и нарядили ёлку. У мамы было много игрушек, но почти все она увезла на Украину. Осталась ерунда одна. И совсем не было «дождика».

И под куцей ёлкой сидела такая же куцая девочка и понимала, что что-то в её жизни не в порядке. Но что с этим делать, как изменить – не знала.

16 мая 1986 года, вечер

Теперь Аришка знала направление своего пути. Ориентиром служила высоковольтная линия. Она хорошо просматривалась с разных ракурсов и даже, если исчезала из виду в каком-нибудь лесу, понять её местонахождение было несложно, как продолжение прямой, которую она образовывала на открытых участках.

Эта линия проходила недалеко от Камышовки, которая, в свою очередь, была рядом с киевской трассой.

И действительно, через некоторое время она узнала камышовское «стрельбище». Так называла бабушка Варвара это место, когда они ходили в деревню.

В Камышовке была тюрьма. И охранники на этом стрельбище, по-видимому, тренировались в стрельбе.

Аришка поспешила пройти опасный участок. Её спину так и щекотали нервные импульсы, ожидая нечаянного выстрела.

Когда выходила к трассе, солнце уже клонилось к месту своего ночного отдыха. А где склонит свою уставшую бестолковую голову она, Аришка не имела никакого понятия.

Теперь по киевской трассе километров семь до лосевского поворота, а потом километров пять до Лосевки.

И вот здесь полный провал в памяти. Как этот путь пре-

одолела Аришка, пешком ли шла или кто довёз, она и сама не знает. Не помнит.

Хотя, если напрячься, возникает в солнечном закатном свете женское лицо. Мелькнёт на мгновение и пропадёт. Вот и всё. А была ли женщина на самом деле?

Будучи взрослой, проезжая по тем местам, Аришка задумчиво смотрит на дорогу. Нет, вряд ли пешком. Иначе, в Лосевке она была бы уже тёмной ночью.

А вот следующее воспоминание уже отчётливей: она идёт по лосевской липовой аллее. Тяжело тянет уставшие ноги на подъём. Стало темнеть. Скоро ночь. Пытается понять, как найти Ясенево, а потом и Танюшку.

И тут словно пелену сняли с одуревшей головы. Какая Танюшка? Даже, допустим, сможет она найти каким-то чудом их дом. В незнакомом, довольно большом посёлке, который сам ещё отыскать надо в надвигающейся ночи. И что?

«Здрате, я явилась. Не было у вас проблем? А я с собой принесла».

Кому надо заниматься чужой девочкой? Это не их забота. Со стыдом представила недоумение на лице Танюшкиной мамы.

«Вот принесла нелёгкая гостью среди ночи. И что с ней прикажете делать?»

Аришкины щёки побагровели.

«Какой надо быть душой, чтобы идти к чужим людям. Если бы Танюшка жила одна, или днём её одну бы застать, мо-

жет что-нибудь и придумали бы».

Но теперь и Танюшка уже казалась ей ненадёжным пристанищем.

«И как только такая глупая идея просидела в мозгах полдня. Куда теперь? Да, к бабушке Варваре, больше ноги никуда не смогут идти. Что будет, представить страшно! Скажу, что в гости пришла. Ага, в гости пошла одна, бабушку не предупредила. Понятное дело, всё выяснится. И записка эта. Но ничего не поделаешь, будь, что будет. Крику будет!».

Много лет позже Аришке хотелось думать, что проходя по тёмным лосевским улицам, она в этот вечер встретила парня, которого затронула чем-то за самое сердце. Он долго смотрел на неё, а потом ей вслед и думал: «Кто эта девочка? И почему мне она так дорога? Почему мне хочется догнать и помочь ей. Она в беде!»

Этот парень – Аришкин будущий муж – Сергей.

Но, к сожалению, этого не могло быть на самом деле. Никак. Потому что Аришка считала и пересчитывала, и выходило, что весной 1986 года он был в армии.

Была уже ночь, когда Аришка открыла калитку бабушки Варвариного дома, приблизилась к двери и обнаружила замок.

Зима 1985 года

В большой комнате печку топили не каждый день. И не каждый день зимой туда заходили. Печка была небольшого размера, бабушка называла её группкой, но своё дело выполняла исправно. И так было в этой комнате уютно, когда она вся нагревалась, а морозная стужа заглядывала в окна. Когда пол блестел от чистоты, а Аришка и бабушка занимались любимыми делами.

Аришке нравилось смотреть в окно. Зима – это волшебное время. Аришка любила зиму. Она любила лето и зиму.

Вот огород покрыт белым пушистым ковром. Чистое мягкое покрывало. Природа замерла в сказочном сне. Лишь одинокая сухая былина вырвалась из снежного покрова и трепещет на ветру.

Аришка пыталась представить, каково сейчас этой былине. Нет, ей не холодно, она уже холода не чувствует, потому что жизнь почти покинула её жёсткий стебель, но и не совсем бесчувственная, потому что ещё не мёртвая. Эта былина и день, и ночь слушает завывания ветра, и он же время от времени бросает в её, всё ещё пушистую метёлку, горсти сухих снежинок. Снежинки с тонким, едва уловимым, хрустальным звоном бьются о гладкий жёлтый стебелёк, запутываются в её густом колосе и осыпаются вниз. И так день

за днём.

Вот месяц ярким тонким серпом повис над бабушкиным садом. Рядом зажглись две звёздочки. Каково им в холодном просторном космосе висеть столько лет? Что они только не видели за это время!

Взглянув на месяц, Аришка вспомнила свой сон.

...Будто идёт она ясным днём по улице, мимо бабушкиного дома. И вдруг стало темнеть. Она взглянула на небо. Что-то с солнцем. Сначала оно стало тусклым, как луна, а потом и вовсе исчезло. Лишь далёкие звёзды по-прежнему мерцали на своих местах. Аришка побежала домой.

Бабушка сидела на кровати. Спросила: «Что ж так на улице стало темно?» Аришка ответила, что солнце погасло. Бабушка сказала ровным голосом: «Теперь мы замёрзнем».

И тут температура стала понижаться. Они укутались одеялами, но это мало помогало. Холод устремился к космическим масштабам.

Аришка проснулась. Страшно и холодно показалось ей на горячей печи...

Аришка отошла от окна. Бабушка вязала крючком половичок из разноцветных ленточек. Дедушка Пётр где-то время от времени доставал пёстрые лоскутки и привозил их бабушке. Та нарезала их тонкими полосками, затем вязала половики и накидки. Она и Аришку научила. Но сейчас Аришке не хочется вязать. Ей жалко тратить последние минуты света на это. Хочется дочитать книжку. Уж очень ин-

тересная. Валентина Осеева написала, «Динка» называется. Аришке она случайно попала в руки в школьной библиотеке, и теперь её раз за разом перечитывает, не сдаёт пока.

Аришка прошла к печке, села на низкую скамейку, открыла дверцу, стала смотреть на переливающиеся угольки.

– Бабуш, мне сегодня сон плохой приснился.

Она рассказала про погасшее солнце и невыносимый холод, от которого они вдвоём погибали.

– Плохой сон, – согласилась и бабушка.

3 четверть 1985 года

Аришка раньше никогда не задумывалась, хороший она человек или нет. Жила да и жила себе.

Нет, конечно, к злодеям себя не причисляла. Чего нет, того нет. А, раз не к злодеям, значит, она принадлежит к хорошей части человечества. Ведь все делятся на положительных и отрицательных. Разве не так?

Правда, бывало пару раз... Ну, не пару, а побольше. Но эти случаи как-то старались замазаться в её памяти, раствориться, исчезнуть, словно их и не было. Вот если про них забыть, то получается, она хороший человек.

Так думалось совсем недавно. Но вот уже некоторое время у Аришки зрело понимание, что она, как раз, и не совсем хороший человек. Не конкретный злодей, но гнильца в ней всё же есть. Сама она её не замечает, но со стороны, как говорится, виднее.

Это и прямо, и через насмешку, через переглядывание, способов было много, давали понять девочки, подружки закадычные.

С уходом Танюшки Вершининой, атмосфера в их компании поразительно изменилась. Верховодили теперь Тамара Болотина и Рая Окунева.

С раннего детства этих девчонок отличала какая-то сила

характера и уверенность в собственной правоте. Хотя девочки всё же были разные, и семьи их имели мало общих черт.

Рая, почти каждое утро, ещё до школы, ходила с бабушкой на ферму. Тяжело ли ей было? Ну, наверное, нелегко. Но она никогда не жаловалась, и терпеть не могла слюнтяев и слабаков, среди которых оказывался и её брат, и даже, возможно, её мама.

Они с бабушкой Валеё были похожи и внешне, и по характеру. И, когда вместе шли на работу, то различались, казалось, только возрастом. В жизни ценили хватку, которая бы привела к достатку. А чувства и сантименты, это всё глупости, могущие вызвать лишь насмешку.

Училась Рая слабо. Но знала, что в жизни не даст себе пропасть и без учёбы. А сколько тех, кто хорошо учились, и где они теперь?

Тамара, напротив, училась хорошо и уже, иногда, не совсем ясно, но представляла свою дальнейшую дорогу. Широкою и ровною: образование, муж, достаток. Всё это будет, она уверена.

И вот теперь без Танюшки, образовались явные два лидера, жёсткие и насмешливые. В рябиновской компании они теперь старшие. И своё старшинство они приняли как должность, как командный пост.

Теперь многое поменялось. И девочки, как-то само собой получилось, разделились на две группы: в одной – главные, в другой – подчинённые. Но и там, во второй группе, Ариш-

ка чувствовала себя не на своём месте. А где её место? И кто поможет ей разобраться во всех этих нюансах. Сама она совсем запуталась. Даже непонятно, что с миром случилось, почему он стал недобрым?

И что с ней произошло? Когда она успела так испортиться?

Откуда люди узнают, какие они? Один из источников – мнение окружающих людей. Так вот, Аришка вдруг стала слышать о себе много нехорошего. Конкретики никакой особо не было, просто неодобрение, которое становилось хроническим.

Аришка старалась показать свои хорошие стороны, говорила о том, как помогала, пожалела кого-то. В ответ насмешка, которая обесценивала все её поступки.

Она стала лицемерить, стараясь угодить, показаться своим трудным подругам более хорошей, чем есть на самом деле. Не помогало.

А если уж совершала ошибку, подруги набрасывались на неё, как утки на червяка, поэтому стала бояться высказать своё мнение, боялась оказаться неправой.

Но первой в жесткие жернова репрессий попала не она, а Мила Болотина. Ей устроили бойкот.

Как-то приехали соринские ребята к девчонкам. Это был один из первых приездов. После они зачастили. Приезжали зимой на своих лошадях.

Так вот, в тот первый приезд получился такой визг, писк

и татарам, что Мила испугалась. Она не поняла, что вся эта беготня в ночной деревне – взаимосогласованное веселье.

Мила побежала домой и пожаловалась своему отцу, мол, ребята девочек обижают.

Дядя Валера выскочил, наорал, разогнал всех женихов и невест, молодых, да ранних, забрал Тамару, старшую дочь, за шкибот и вернул в лоно семьи. Остальные потихоньку расползлись самостоятельно.

Для Милы всё это имело неприятное продолжение. Тамарка тогда очень на неё разозлилась, обвинила в предательстве и ябедничестве. С ней несколько дней не разговаривали.

Аришке тогда впервые пришлось поучаствовать на стороне бойкотирующих. Правда, она толком не участвовала. Во-первых, она не видела Милиной вины вообще. Она же как лучше хотела, она защищала девочек. Ну, хорошо, она ошиблась, но ведь все могут ошибаться.

И потом, ну шуганул их дядя Валера, и что такого? Никто ведь не пострадал.

Во-вторых, никто ей прямо не указывал, чтобы она не разговаривала с Милой. Это как-то подразумевалось само собой. А Аришка, в силу своего тугоумия, никак это чётко и ясно не могла уразуметь. И поэтому, с Милой нет-нет, да разговаривала.

А Тамара её тогда удивила тем, что не пожалела свою младшую сестру.

Второй бойкот устроили Ане Галдиной.

Ане приходилось в жизни не легче, чем Аришке, а может быть и тяжелее. Как тут сравнить? Девочка из многодетной семьи. Восемь детей. Естественно – материальный недостаток, это если мягко сказать. Она вторая, старшему брату тоже тяжело, но девочке сложнее. Приходилось нянчить, нянчить, нянчить...

Если и была причина, по которой Ане тогда досталось от любимых подруг, она не сохранилась в памяти.

Аришка тогда второй раз (и последний) была на стороне бойкотирующих. Она трусливо-тайно сочувствовала подруге, но открыто стать на её сторону не осмелилась.

Как-то встретила Аньку тет-а-тет и сказала, настороженно поглядывая по сторонам:

– Я с тобой дружу, только надо, чтобы девочки не знали. Давай с тобой дружить тайно.

Аня вяло согласилась. Но долго такая дружба не протянула, потому что надвигался третий бойкот, самый жестокий. И навис он над Аришкиной головой.

16-17 мая 1986 года, около полуночи

Как ни долог майский день, но и он заканчивается. Уходит бесповоротно в прошлое. Где это место? Тайна великая. Будет ли у нас возможность посетить это прошлое, подправить там что-нибудь, помочь себе или своим близким. Кто знает?

Тем же, кто попал в страшную ситуацию, стоит пережить свой страшный день. Перетерпеть его как-то. Изо всех сил. Потому что, возможно, это самый страшный день, а значит, завтра будет легче.

Но Аришкин день ещё не закончился. Он плавно перешёл в ночь, но, по сути, продолжался.

Куда направить свои подкашивающие ножки? Ясно, к бабушке. Больше некуда. Но каким путём? Обратно, тем же, которым сюда пришла? Немыслимо. Такой крюк, да ещё и ночью никакие ноги не выдержат. Да и сил столько нет.

Другой путь – страшный, через Неруссу. Попыталась вспомнить, где переход. Где-то там. На месте, может, вспомнится. Найдётся как-нибудь.

Пошла. Тёмное поле. Изредка встречаются деревца. Но дорога до Неруссы прямая, не заблудишься. Вот переход найти проблема, но, может, дорога выведет.

А дальше, за Неруссой, вообще непонятно как идти. Там и днём не разберёшься. Но третьего пути не было. Так что

выбор невелик.

Было темно, луна на небе присутствовала, но скромненько. Окрестности своим светом не заливала.

Звёзды были. Холодные, далёкие, мерцающие. Они, если и наблюдали за Аришкиными приключениями, то свысока и равнодушно. Слишком многое они видели, их ничем не удивишь.

Аришка время от времени оглядывалась, проверяя, насколько далеко отошла. Лосевка ярко светилась позади и постепенно удалялась, удалялась, удалялась.

Через час впереди стала угадываться река. В ночи она вызвала другие эмоции. Аришка старалась не дать волю чувствам. Она пришла прямо к обрыву. Аришка не заметила, как дорога повернула направо и продолжилась вдоль берега, чтобы через несколько сот метров плавно спуститься, образуя тот самый искомый переход. То есть, до нужного места она просто не дошла.

Девочка стояла в недоумении. Куда она вышла? Это не то место. Здесь нет спуска, река узкая, опасная, воды шумят, угрожают. Другой берег неясно угадывался, казался недалёким, но как добраться до него? Рискнуть? Была-небыла? Она села на край обрыва, свесила ноги вниз.

Но здесь глубоко, течение сильное, сбивает с ног. А с каких ног оно будет сбивать, если они до дна не достанут? Плавать Аришка не умела. Да тут не всякий пловец справится.

А тёмная вода шумит, бежит куда-то, угрожает. «Не шути

со мной, пожалеешь!»

И тут Аришке стало страшно. Жутко. Она словно очнулась. Ночь, а она одна-одинёшенька, а вокруг шорохи и тени. Кто прячется в прибрежных кустах? Кто стоит у неё за спиной? Кто может показаться из чёрной воды и утащить её за собой?

Аришка вскочила на ноги, нервно стала озираться, потом повернула к Лосевке и побежала. И все ужасы и страхи бежали следом, подгоняя её. Она бежала и глаз не отводила от прыгающих с ней синхронно лосевских огоньков. Как же медленно они приближаются! Глаза от напряжения постоянно слезились, и Аришка наскоро вытирала их тыльными сторонами ладоней.

Ужас не отпускал. Только одна мысль недоумённая всё же посетила голову, подвинула панику и желание быстрее прибежать к людям. «Как же я на Неруссу шла и ничего не боялась? Я такая трусиха и мне не было страшно».

Наконец, огни приблизились. Стали превращаться в освещённые окна и фонари. Когда Аришка достигла первых окраинных домов, она сменила свой бег на шаг и перевела дыхание.

4 четверть 1986 года

Когда Аришка вошла в свой класс, там уже была Тамарка. Облокотясь на учительский стол, она что-то внушала Аришкиным одноклассникам. Хотя догадаться не трудно о чём речь.

Уже вся школа неприязненно – враждебно относилась к Аришке. Остался последний бастион – Юля, Катя и Серёга. Но тут-то и оказалась крепкая сила, которая пока даже и не пошатнулась.

Аришка молча пошла на своё место.

– Посмотрите на эту дуру! Она даже расчесаться как следует не умеет. Думает, что у неё два хвоста, а там и третий.

Аришка поспешно стала ощупывать свою голову. Действительно, на затылке между хвостиками было много пропущенных волос. Она поспешно стянула резинки и стала перераспределять пряди.

Обычно к критике в свой адрес, которая в последнее время просто обрушилась на неё, она волей-неволей прислушивалась, отыскивая в ней крупинцы правды.

Но сейчас в Тамаркиных словах, Аришка почувствовала, истины не было, несмотря на то, что это была правда.

Волосы действительно были в беспорядке, но это ерунда. Не стоят они таких эмоций. Тем более, что помочь ей неко-

му, некому подсказать то, что другим девочкам подсказывают их мамы. И в этом уж точно нет Аришкиной вины.

Но этими словами Тамара призывала присутствующих поддержать возмущение и презрение. Напрасно. Её смех звучал одиноко. И сейчас, так же, как и в предыдущие дни, одноклассники открыто не стали на Аришкину сторону и в драку за неё не лезли, а просто продолжили общение, игнорируя Тамаркино мнение и общественное.

Аришка была своим друзьям благодарна, в ином случае её дела были бы гораздо плачевнее, но, в общем, не понимала, что происходит.

Её мир изменился, стал враждебным, тревожным, одиноким. Именно от одиночества она страдала больше всего. Юля, Катя и Сергей в школе не дают ей пропасть, но есть ещё жизнь за школьным порогом.

Вот уже несколько дней в школу и со школы Аришка ходила одна. Девочки с ней не дружили, в лучшем случае игнорировали, в худшем, осыпали насмешками. Пока.

С бабушкой она не делилась своими переживаниями. Если она узнает – будет такой же несчастной и станет только хуже.

Аришка стала мечтать, витать в собственных фантазиях. Самое потребное для неё сейчас – друг. Надёжный, верный, мужественный. И таким в её представлении стал конь. Рыжий. Из песни Михаила Боярского, который «косит лиловым глазом». Только у Аришки в мечтах он был золотой.

И, ковыляя в школу вслед за «подругами», держа приличное расстояние и стараясь его никак не сократить, её воображение рисовало чудесную картину, как свистнет она молодецким посвистом, и на её зов тут же откликнется золотой друг. Сядет она ему на спину, и помчатся они вдаль, обгоняя «подруг», только грязь из-под копыт полетит в их сторону. И как позавидуют те, что такой славный волшебный товарищ выбрал её навеки.

Так и ходила ногами по земле, а головой в сказке.

Но однажды девочки затормозили, и Аришка неволей их догнала.

Начались насмешки и издевательства. Аришка молча терпела. Посыпались тычки. Аришке хотелось заплакать, но она всё ещё терпела. Особенно усердствовали Тамара и Рая. Потом ей подставили подножку и толкнули. Аришка упала и горько зарыдала. Не выдержала напряжения, обиды и горя.

Её тут же оставили, обошли и продолжили путь.

Аришка, помедлив, встала и пошла следом.

Теперь она боялась ходить домой одна.

Юля Соловьёва придумала выход. Они с Катей будут её провожать.

– Каждый день?

– Каждый день.

– Но вам придётся ходить до Рябинок и назад.

– Не страшно. Ты, главное, с утра не попадайся им на глаза, например, раньше выходи. А из школы мы тебя доведём.

Тем более, по вторникам и средам в седьмом классе шесть уроков, у нас пять. Ты спокойно можешь идти. И по пятницам у них пять, у нас четыре. А в понедельник и в среду будем ходить вместе.

Рябиновские девочки опешили, когда вместо одной беззащитной Аришки, впереди них шли три подруги. Во всяком случае, торжествующей Аришке так казалось. На этот раз они не сказали в адрес Ариши ни одного слова. Защита одноклассниц поразила их и заткнула рты.

Теперь после школы заходили к Юле домой, там она и Катя оставляли портфели и шли дальше. Юлина бабушка была в курсе. И только головой качала, реагируя на трудное детство своей внучки и её одноклассницы.

17 мая 1986 года, ночь

Когда семилетняя Аришка жила у бабушки Варвары, то не раз бывала в гостях у соседки, старенькой бабушки, сидела за круглым деревянным столом и перебирала толстую стопку поздравительных открыток, рассматривая картинки.

Вот к ней-то и стучала поздней майской ночью Аришка.

– Кто там? – раздался старческий голос.

– Это я, Аришка, внучка бабушки Варвары, пришла к ней в гости, а у неё замок. Можно мне у вас переночевать?

Бабушка открыла дверь, завела Аришку в комнату, взгляделась в её лицо, узнала.

– А как же ты среди ночи-то пришла. На чём приехала?

– Да я ещё с вечера приходила, на двери замок.

– Так бабушка Варвара в деревню пошла.

– И я хотела через Неруссу уйти в деревню, но не нашла переход.

– Да как же так? Разве можно? Что ж ты ко мне сразу же не пришла?

Старушка засуетилась, предлагая покушать. Аришка попросила только воды. Бабушка уступила ей свою кровать на пышной перине, сама устроилась на жёстком диване. Аришке было неловко изгонять хозяйку с её мягкого места, но старушка была непреклонна.

Похоже, что Аришка заснула раньше, чем дошла до кровати. Хотя нет, последнее, что она помнит, это мягкое перьевое облако, которое приняло её в свои объятия и окутало нежностью.

1985-1986 год

Аришка влюбилась в Дениса. Лежала на печи, как Емеля-дурачок и грезила. Только дурачок о щуке, а дурочка о Денисе.

Ему было 15 лет. Возможно, он её тоже любил. По-своему, конечно, предавая и подставляя на каждом шагу, не забываясь о её чувствах и трудностях, которые он создавал, и из которых ей приходилось выпутываться самостоятельно.

Аришка и расстраивалась, и обижалась, но проходило время и куций умишко её, лишённый житейского опыта, начинал строить шатко-валкую конструкцию оправданий для него.

А Денис смеялся над всеми её переживаниями, не ставя их ни во грош. И, глядя на его весёлую, чуть нагловатую ухмылку, Аришка и сама старалась принять несущественность и необоснованность своих переживаний. В конце концов, он лучше знает, как правильно, как надо.

А то, что подсказывал ей здравый смысл... да какой он здравый? Может, ещё в начале 6 класса он и был более-менее таковым, то к концу учебного года он находился в состоянии последнего издыхания.

13 мая 1986 года

Был вторник. Аришка после школы шла домой одна. По дороге её встретили соринские ребята во главе с Денисом.

Обидели.

17 мая 1986 года, утро

Аришка проснулась, открыла глаза. Солнечные лучи врывались в окна, щекотали Аришкины ресницы, гладили тёплыми ладошками её щёки и подбрасывали в воздух золотистые пылинки, которых оказалось не так уж и мало в чистой комнате одинокой старушки.

Аришка оглядела это буйное майское веселье в чужой комнате, секунду-другую пребывая в блаженной амнезии, потом привычная тяжесть вновь легла на её сердце. Надо встать, двигаться дальше. Но, как только поднялась на ноги, вскрикнула от боли. Она словно наступила на острые ножи. Удивлённая такой неожиданной проблемой, она плюхнулась снова на кровать.

«Вот это находилась я вчера».

Стала осторожно разминать ступни руками, медленно прохаживаться вдоль кровати, держась одной рукой за её край. Вроде стало терпимо.

«Расхожусь, идти можно».

Открылась дверь. Вошла бабушка с полным ведром воды.

– Проснулась? Сейчас чаю с баранками покушаем.

Аришке совсем не хотелось есть. Но, чтобы не обидеть добрую старушку, сказала:

– Спасибо, я лучше не чаю, а воды.

– Куда ты сейчас?– спросила бабушка.

– В Рябинки.

– Опять через Неруссу? – ахнула та.

Аришка задумалась. Вчерашняя страшная Нерусса так напугала её. И потом, куда-то подевался переход. Есть ли он вообще?

– Нет, пойду через Камышовку.

– А деньги на дорогу есть?

– Есть, – обманула Аришка.

Когда на киевской трассе остановилась попутная грузовая машина, Аришка села в её кабину. За рулём сидел мужичок средних лет. Он оценивающе посмотрел на свою пассажирку. Вдруг подмигнул и с ухмылочкой предложил:

– Давай поиграемся! Ты играть любишь?

Аришка даже рот раскрыла от изумления. Нет, она не удивилась тому, что сразу поняла, что этот дядька имел в виду и чего хотел. И не тому, что такие вот вещи предлагал советский человек советской пионерке. Она просто поразились обилию сыплющихся на неё неприятностей. Так много просто не может быть. Это какой-то явный перебор.

– Остановите, пожалуйста, я выйду, – попросила она.

– Ладно, сиди уж, – ответил водитель и больше до Камышовки не произнёс ни слова.

Аришке эти несколько минут показались вечностью.

На камышовском повороте мужик остановил свой грузовик. Аришка поспешила выйти, не забыв поблагодарить.

Итак, впереди девять километров свободы и возвращение туда, откуда вышла более суток назад. Что её ждёт? Да ничего хорошего.

Но Аришка шла и не знала, что за это короткое время она изменилась. Что-то в ней стало другим. Больше не будет она прокалывать себе ноги или падать с крыши. И не будет уходить из дома.

Это всё пройденные, проверенные способы и результаты они не принесли.

А что же делать? Да откуда ей было знать? Некому ведь подсказать.

17 мая 1986 года, день

Бабушкин дом редко запирался на замок. Теперь уж бабушка далеко не уходила. Даже в магазин. Аришка, если надо было, сама бегала. А так, если в лес за хворостом, или коз попасть, достаточно воткнуть палочку в то место, где должен быть замок. И всё.

Поэтому, когда Аришка, вернувшись из своего странствия, обнаружила, что в доме никого нет, несмотря на незапертую дверь, она поняла, что бабушка, должно быть, на огороде. Остаётся надеяться, что одна, без бабушки Варвары.

У калитки, разделяющей двор и огород, задержалась. Заглянула в узкую щель.

Стоят бабушка и Варвара Ивановна с двух сторон от зелёного куста смородины, но заняты явно не кустом. Склонились друг к другу, что-то обсуждают. Да что тут гадать, и так ясно – внучка пропала.

Аришка помедлила в нерешительности, стоит ей сделать пару шагов, скрипнуть калиткой, обнаружить себя – и начнётся. Что объяснять? В голове пусто.

Но долго стоять, оттягивая неизбежное, тоже не в её характере. Замерла на секунду, а потом скрипнула калиткой, сделала пару шагов.

Бабушки, как по команде подняли головы, и теперь они

замерли. И, похоже, в нерешительности. С бабушкой Варварой это бывает крайне редко.

Если б Аришка могла бы читать по лицам, она, наверное, заметила бы огромное облегчение. Только что решался вопрос, как быть и что делать, возможно, кто виноват, а тут самая неприятная часть вопросов решилась сама собой.

А уж кто виноват, Варвара Ивановна не сомневалась. Может быть уже мысленно писала самой виноватой письмо, в котором кроме матов были лишь предлоги и союзы. Изредка встречались местоимения для связи матов в предложении.

Аришка сжалась, ожидая грома и молнии. Первой задвигалась и заговорила бабушка Варвара.

– Ты где была? – голос её звучал почти спокойно, она медленно стала подходить к Аришке, как хозяйка приближалась бы к глупому цыплёнку, стараясь не спугнуть и схватить его прежде, нежели он нырнёт в дырку в заборе и убежит в неизвестном направлении.

– К тебе ходила.

– Зачем? – Варвара Ивановна стала рядом и немножко расслабилась.

– Просто так.

– Где ж ты ночевала?

– У бабушки – соседки.

– А-а-а, ну иди в дом.

Аришка не могла поверить такому лёгкому исходу.

Вскоре Варвара Ивановна засобиравшись домой. С Ариш-

кой она больше не разговаривала, что совсем было на неё не похоже. Но, как говорится, «не буди лихо, пока оно тихо». И Аришка старалась не будить, держалась подальше.

Оставшись наедине с бабушкой, она ответила и на её вопросы поверхностно и в общем. Да, ходила к бабушке Варваре. Почему не предупредила? А тебя не было, я записку оставила. Что читать не умеешь, и тебе пришлось к Окуневым идти, об этом не подумала. А как добиралась? Где пешком, где на попутках.

И бабушка оставила внучку в покое.

Аришка оглядела хату. Грязи по колено. Взялась за мытьё. И правильно сделала, потому что вечером явилась нежданная гостья.

17 мая 1986 года, вечер

– Добрый вечер! Можно войти? – голос был знакомым и неожиданным в их доме.

Аришка лежала на печи. Для неё день, казалось, был уже закончен. Хотя на улице ещё не совсем потемнело. В другое время она гуляла бы с подружками на улице. Но сейчас не «другое время».

Бабушка ещё возилась, но и её сегодняшние хлопоты почти иссякли.

И вот молодой звонкий голос так разнообразил их вечер.

Аришка выглянула со своей лежанки и, почти кубарем, скатилась с печи.

– Здравствуйте, Марина Николаевна. – Аришка не знала, куда девать руки и что полагается в таких случаях говорить.

Но Марина Николаевна всё знала. Она представилась бабушке и попросила разрешения побеседовать с Аришкой на улице. Бабушка, естественно, разрешила.

Марина Николаевна – любимая учительница по математике, интересная собеседница по астрономии и по совместительству классный руководитель 8 класса, того самого, в котором учился Денис.

Они вышли на улицу.

– Ариша, я здесь, чтобы помочь тебе. Ты не ходишь в

школу, и на это есть причины. Что-то произошло с тобой несколько дней назад. Подробностей я не знаю, но в любом случае, кто бы что не говорил, я поверю только тебе. Ты можешь мне рассказать.

«Проблема в том, что «кто бы что не говорил», это и будет правдой. А я ничего хорошего просто сказать не могу. Потому что в происшедшем нет ничего хорошего. Нет слов, которые оправдали бы меня, сделали доброй и неповинной. Я в любом случае Вас разочарую». Если бы чувства можно было бы выразить словами, они бы звучали как-то так.

Аришка сжалась и молчала.

– Ариша, тебе сейчас очень трудно и одиноко, тебе нужен друг. Представь, что я твоя старшая сестра. Расскажи мне всё, что бы ты рассказала своей сестре. Всё-всё. Я тебя не осужу. Я тебе помогу.

Эти слова сладким соблазном наполнили душу. Как Аришка устала от одиночества. Как ей хотелось всё рассказать. Другу. Старшему, умному. Вот такому, как Марина Николаевна. Всё могло бы измениться. «Я смогла бы стать правильной, благополучной».

И тут же новая мысль ужалила. «Но это невозможно. Ты не станешь такой. То, что было, не исправить. И Марина Николаевна не сестра тебе, а учительница. Она обязана реагировать. Она твои слова, если будет необходимость, использует против тебя».

И Аришка вновь сжалась, опустила голову и не произнес-

ла ничего.

– Хорошо, – сдалась Марина Николаевна, – но в школу завтра придёшь? Надо закончить учебный год.

– Приду, – тихо пообещала Аришка.

Май 1986 года (окончание)

Аришка как-то слышала на уроке истории или в учебнике прочитала, что в Индии есть каста людей, называемая «неприкасаемые». Сначала, не разобравшись как следует, она подумала, что это очень привилегированные люди. Ведь даже до королевы можно дотронуться, ручку, например, поцеловать. А эти, видать, ещё выше. Оказалось, очень даже не так. До них нельзя прикасаться, это правильно, но по другим причинам. Они считаются людьми совсем неважного сорта. Хуже животных. Дотронешься, заговоришь с ними – сам станешь грязным. И в физическом, и в духовном плане. Потом – мыться, мыться бедному, очищаться, очищаться.

В каких только статусах не побывала Аришка в этот год. Вот пришлось примерить на себя шкуру неприкасаемого.

Если коротко о её ощущениях, так себе шкурочка, приятного мало, но гораздо лучше, чем «прикасаемая».

В школе, когда первые страхи и волнения улеглись, оказалось, что от неё держатся все на приличном расстоянии, никто с ней не разговаривал, если смотрели, то старались это сделать искоса, украдкой, вслед.

А что же одноклассницы? Тут ситуация не совсем понятная. Во-первых, Аришка сама старалась держаться в стороне, не лезть с разговорами, не проявлять инициативу, чтобы

не ставить добрых, хороших людей в неловкое положение.

Но и, возможно, они тоже для себя решили, что Аришка странная девочка. И нет дыма без огня.

Но всё это уже большого значения не имело, так как вместе с маем заканчивался учебный год, единственный Аришкин год в этой школе, а вместе с этим годом заканчивалось Аришкино детство.

А что же дальше?

Дальше было лето и всё изменилось.

Изменения начались с приездом на каникулы Андрея.

И Тамарка и Райка вспомнили, какой он классный, и как он им нравится. А ещё они вспомнили, что единственный путь к сердцу Андрея лежит через дружбу с Аришкой.

Ни один человек, причиняющий ей вред или неприятности, не может быть его другом.

И Тамарка с Раей стали оказывать Аришке знаки внимания, от которых ей было неловко до тошноты, но и обидеть их отсутствием хотя бы видимой взаимности она не могла.

Потом приехали в деревню на постоянное место жительства два брата Жмуровых (с мамой, разумеется), Юра и Костя. Они не были свидетелями всей этой истории, если им кто и рассказал, то рассказ особого впечатления не произвёл. Ребята быстро подружились и с Андреем, и с его сестрой. Младший, Юра – очень симпатичный. В него все девчонки по очереди повлюблялись, но ему понравилась Ариша.

Кстати, через два года Юра подрался с Денисом. И при-

чина этой драки – Ариша, собственной персоной. Она этому событию была удивлена, но нельзя не отметить, что оно приятно щекотало её тщеславие. Всё-таки не каждый день из-за неё парни дерутся.

Но окончательно всё развернуло, сделало незначительными все Аришкины неприятности, втоптало их в прошлое и развеяло в памяти окружающих, был приезд ленинградки Вики.

Яркая, весёлая, красивая, юморная, она стала на какое-то время лучшей подругой Аришки. Девочки сразу нашли общий язык, общие интересы, им было максимально приятно друг с другом.

А потом в деревню стали съезжаться другие ребята. Сложилась весёлая дружная компания. И началась Аришкина юность.

Но то, что она пережила, тяжёлой ношей осталось с ней на всю жизнь.

Аришкины размышления.

Предательство, по всеобщему мнению, один из самых подлых поступков, который совершает человек. Но рассматривают обычно те случаи, когда так поступают по отношению к кому-либо.

Но как считать, если предал себя?

А ведь так люди часто и поступают, и даже, возможно, не понимая этого.

Сначала на примере. Мелочиться не будем. Мэрилин Монро. Красивая, успешная и т.д. и т.п. И оценив её по достоинству, некоторые начинают ей подражать. Стараются в себе отыскать, или изобразить из того, что есть, сходство. И этим предают себя. И крупно ошибаются.

Потому что, какой бы прекрасной эта женщина не была, второй уже не надо. Иначе бы Господь сделал бы такую же. Или сотню таких. Или в каждой деревне по Мэрилин.

Но она там не нужна.

В то окружение, в ту семью, к таким детям или родителям, коллегам по работе, соседям, мужу Господь поставил того, который там нужен и необходим. И Он не ошибается.

Он наделил его сущность теми качествами, которые самые-самые важные для его жизни.

Помните притчу по таланты? Может быть, один из

талантов, это особенности нашей души. А мы часто эти особенности прячем, уничтожаем, не показываем другим. А по какой причине? У Аришки, однозначно, человеческий фактор. Чтобы понять и оценить себя, она прислушивается к мнению окружающих. А общественное мнение, как сломанные часы, показывают точное время дважды в сутки. На него не стоит ориентироваться. Доказательства? Помните, Иисуса встречали с лавровыми венками, а через несколько дней эти же люди кричали: «Распни его». Вот вам и общественное мнение.

А Аришка этого долго не понимала, и если люди плохо начинали о ней отзываться, старалась показать свои мнимые качества, старалась угодить, выпячивала добродетели, чтобы лучше выглядеть и получить хорошую оценку. И тем самым, зачастую, ломала и искажала то, чем наделил её Господь. Можно ли, нацепив чужую маску найти своё счастье? Свой путь?

Но как понять себя и сохранить? Не впадая в другую крайность, преувеличивая свои особенности и искажая их, превращая в карикатуру?

Вот это и задача. Может, признаком, что ты на верном пути, являются сопутствующие мир и радость.

Украина встретила Аришку и её семью дружелюбно. Несмотря на то, что области соседние, Аришка из Брянской переехала в Сумскую, всё же были отличия в жизненном укладе.

Село было большое. Мама тут же устроилась в колхоз и нашла мужа. Аришка снова протоптала дорожку на ферму, но уже не с таким энтузиазмом.

Жили сначала в общежитие, но совсем недолго. Уже осенью Аришка тащила скарб в новый красивый дом. Он был значительно лучше частных домов, в которых жили новые Аришкины подружки, и Аришка недоумевала, зачем покупать своё, если государство позаботится о жилье и сделает это гораздо лучше.

Недалеко был красивый современный дом культуры, открытый, казалось, в любое время и в любой день. Аришка сразу извлекла массу выгод из такого соседства:

во-первых, записалась в библиотеку. К сожалению, многие книги были на украинском языке, а Аришка поначалу в нём ни в зуб ногой. Кстати, позже, когда новый язык был освоен, Аришка всё равно не любила читать на украинском. Но были книги и на русском;

во-вторых, киносеансы!! За 20 копеек (если память не изменяет) можно ходить, хоть каждый день;

в-третьих, кружки. Аришка на радостях записалась в танцевальный и на хор.

Школа была большая, кирпичная, высокая, две лестницы. Правда, одна открывалась лишь изредка. Под ней столб. Не сказать, что прямо посреди фойе, нет, сбоку, но Аришка раз в него врезалась лбом. Когда с кубиком-рубиком убегала от Витьки. Витька, одноклассник, кстати, очень симпатичный паренёк, хотел Аришку научить этот кубик собирать. А Аришка хотела эту технику освоить сама, за что и получила столбом по лбу. Зато, когда выросла на лбу огромная синяя шишка, Валентин Иванович, любимый классный руководитель, отпустил домой, и Аришка не поехала на картошку, что её несказанно порадовало.

Да, осенью школа полным составом помогала в уборке урожая. И тут уж планы детям давали нереальные. Как маленьким комбайнчикам. Работали до изнеможения. И Аришка это дело совсем не любила.

Привезя детей на поле, автобус разворачивался и уезжал, а каждого маленького работника ставили перед двухрядной полосой, на которой то тут, то там лежала мелкая картошка, та, которую настоящая картофелеуборочная машина забраковала, не посчитала нужным загрести в закрома Родины. А председатель колхоза считал по-другому, вот и приходилось это добро собирать вручную. А полоса эта тянулась далеко-далеко, до синего леса.

Шла Аришка, шли другие ребята каждый по своей поло-

се. Бывало, не хочется каждой мелочи кланяться, невзначай наступишь на неё каблуком и закопаешь обратно в сыру землю. Валентин Иванович, если увидит, заставляет снова вытаскивать. Поэтому, не было особой возможности злоупотреблять. Но Аришка не раз замечала, что Валентин Иванович иногда и помалкивал, когда видел такой манёвр каблуком, особенно у девочек.

Поначалу у Аришки не совсем удачно складывались отношения в новом классе. Основная причина – негативное отношение мальчиков к девочкам. И к Аришке, в частности. К такому она не привыкла. В деревне пацаны были добры, к девочкам относились как к равным, правда, равные, но не одинаковые. Но потом и в украинской школе стало всё меняться.

Когда через четыре года Аришка навсегда уезжала оттуда, это был очень интересный и дружный класс. Но сложилось это всё не за один день.

Неизвестно, как в это время на всей Украине, а в одном селе Конотопского района девочки должны были выглядеть скромно: юбки, платья, школьная форма – ниже колен, зимой вместо шапок носили пуховые платки, брюки – нет, не принято. Аришка первой нарушила табу насчёт брюк. Мама купила, она не особо вникала в нюансы местного менталитета. И вот Аришка нарядилась в ДК. Не смотреть же на них, на брюки, в конце концов, так и вырасти из размера можно. Конечно, без поддержки своих украинских подружек она бы никогда не решилась. И в клубе, ко всеобщему вниманию, Аришка стояла в брюках. Правда, несмело, окружённая подружками. А девочки поддержать поддержали, но сами не последовали примеру. Возможно, дело в мамах.

В свою украинскую жизнь Аришка не притащила прошлые невзгоды, начала и продолжила всё по-другому. Неожиданно получилось успешно. Это был тот период в её жизни, когда самооценка нормализовалась, возможно, даже чуть превысила норму.

В классе она была председателем совета отряда.

Учителя! Любимые, родные учителя!

Кроме уроков русского языка и литературы, обучение велось на украинском языке. И если по абсолютному большинству предметов процесс адаптации прошёл мягко и гармонично, то с украинской мовой получилось не очень гладко.

На первых уроках Аришка сидела и хлопала глазами, как сова, её и не трогали. Но вот диктант, хочешь, не хочешь, писать надо. Аришка изо всех сил старалась уловить непонятные звуки, которые легко и плавно извлекались из уст учительницы, но совсем не разделялись на привычные сочетания, пыталась определить для них подходящие буквы, чтобы перевести на бумагу хоть что-нибудь, и в процессе всего этого безнадежно отставала. Учительница надиктовала уже кучу новых, неопознанных фраз.

Короче, кол-кол. Но не это запомнилось. А то, как на неё орала учительница украинской мовы. И, хотя вопли по-прежнему были неясны, направление её мысли угадывалось по тому, с какой силой и накалом её указательный палец стучал в Аришкин злополучный диктант, а потом вертелся перед её носом.

Аришка тогда испугалась, что такая позиция к ней, как к полудурочке передастся и одноклассникам, но ребята отнеслись к эмоциям учительницы с тем же безразличием, с ка-

ким относятся к шуму ветра в кустах.

Позже Аришка и сама не раз наблюдала такую же бурю над бедными головами своих одноклассников от той же самой учительницы. Характер у неё такой был. Как заведётся, сама себе не рада. А бедным детям всё это сиди – выслушивай. Кстати, язык и Аришка, и Андрей вскоре выучили, к удивлению мамы, которая все годы проживания на Украине разговаривала только по-русски. А диктанты на украинском оказались совсем несложными, потому что там как произносятся, так и пишут.

Где бы Аришка не училась, центральной фигурой для неё всегда была фигура почти геометрическая – фигура учителя математики.

Василий Георгиевич был немолодой и строгий. Именно от него Аришка впервые услышала фразу – «бред сумасшедшего», которая ей показалась ужасно забавной, но потом эта фраза стала звучать привычно, потому что на его уроках бредили часто.

К Аришке, в отличие от других учителей математики, он любовью не проникся, но уважение с его стороны она чувствовала. Хотя один раз она его сильно разочаровала.

В украинской школе экзамены сдавать начинали рано. Не с начальных классов, конечно, но откуда-то оттуда.

К экзамену по математике Аришка готовилась-готовилась, учила-всё-учила, и вдоль и поперёк. Ближе к знаменательному событию нарезала билетиков, тянула их и отвечала себе. Знала от и до.

И вот знаменательное событие. Стоит Аришка перед столом учителя, а перед ней билеты, лежащие обратной стороной. Тяни любой. Василий Георгиевич ходит по классу, сложив руки за спину, и, казалось, утратил к Аришке интерес. Зато она, как лошадка перед стартом, гадает, какой бы ей билетик вытащить. Вытащила... разочаровалась. Неинте-

ресный. Ну, нет в нём сложных доказательств и аксиом. Ну, совсем не то, к чему готова. Слишком простой. А Василий Георгиевич в это время отвернулся... вроде бы. И Аришка кладёт билет на место, делает вид, что не тянула, и вытаскивает другой. Да не тут-то было. Как подсказывает Василий Георгиевич, да давай на Аришку кричать, вытаскивает тот самых билет, который только что Аришка забрала и суёт ей в руку. Видел он, оказывается, всё.

С позором пошла Аришка готовиться, получила позорную четвёрку, снизили балл за мошенничество.

Потом после экзамена Василий Георгиевич построил мини-линейку, объявил результаты экзамена и про Аришкину махинацию рассказал.

И опять Аришка удивилась равнодушию одноклассников к своим прегрешениям.

Но Аришке было стыдно. А всё тщеславие. Уж очень хотелось Аришке блеснуть математическими знаниями. За что и получила.

В дальнейшем ей не раз доставалось по этой причине. Вот, пожалуйста, пара случаев.

Иногда Аришка встречала короткие видео, когда человек занимается каким-либо делом, потом внезапно замирает, изменяется в лице, со стоном охватывает свою голову руками и прячет лицо. Это он вспомнил что-то стыдное. Такая же реакция у Аришки, когда она вспоминает случай, о котором сейчас пойдёт речь.

Рассказала она о нём только своим любимым подружкам. И те хохотали, как нелюбимые. Всё, теперь по секрету всему свету.

Было Аришке лет 16. В деревню приезжал паренёк, чуть постарше, Вадим. Очень симпатичный мальчик, плюс ещё модно одевался. Да и по характеру был добрый и хороший.

И вот шла Аришка с ним на станцию. Оттуда на пригородном поезде Аришке добираться до Ясенево, Вадиму дальше.

Была прохладная ветреная погода, Вадим, парень образцовый во всех отношениях и тут не сплеховал, снял с себя крутую ветровку и предложил полуголой Аришке.

И вот идёт она вместе с Вадимом, а мысли крутятся тщеславные.

«Как жаль, что дорога пустынная, не видят люди, что меня тут уважают, куртку предложили».

Модный приговор ударил в голову: «А ведь мы с Вадимом очень даже ничего. Вон как прикольно выглядим».

И начал зреть план: «Вот, если бы забыть куртку вернуть. Я бы пришла домой, Андрей и мамка ахнули бы, откуда такое чудо, а я бы ответила: «Ой, а я и забыла, это Вадим дал, чтобы я не замёрзла». А куртку я бы его бабушке вернула. Она Вадиму передала бы. Сейчас лето, ему она, может, всё равно не особо нужна».

Вот так и шли по дороге: коварная Аришка и ничего не подозревающий Вадим.

В поезде ехали в тамбуре. Там дверь можно было открыть и стоять на подножке, держась за поручни и рискуя своей дурной головой. Что Аришка каждый раз и делала. Но сейчас она была занята тем, что старательно пыталась забыть вернуть куртку. Не забывалось. Вадим тоже как-то напрягся. Возможно, он перестал быть ничего не подозревающим.

Ехать недолго, минут двадцать. Вот уж поезд замедлил ход. Аришка стоит на ступеньках, спиной к выходу и изо всех сил тараторит, чтобы сбить все мысли, и свои, и чужие с куртки. Вадим вежливо улыбается, слушает.

– Ну, всё, пока, – произносит Аришка и делает шаг с поезда. Спиной. Чтобы, наверное, хозяин куртку не урвал. А поезд ещё не остановился...

И падает на перрон. Лежит. Испугалась, правда. Народ охает, ахает, собрался, спрашивает что-то у Аришки. Вадим смотрит в изумлении.

Аришка молча встала. Мысли тщеславные, как корова языком слизала – ни одной. Наоборот, появилось острое же-

ление вернуть чужую вещь. Но желание смыться быстрее с места происшествия победило.

Ещё на подходе к дому Аришка куртку сняла, спрятала её в пакет, чтобы никто не увидел и не стал бы задавать вопросов. При первой же возможности она её вернула бабушке Вадима.

При следующих встречах с Вадимом это падение никак не упоминалось. Делали вид, что его и не было.

Но тот изумлённый взгляд Вадима ещё долго стоял в памяти Аришки. Она его и сейчас может извлечь, стоит только немного напрячься.

Ещё один случай с Аришкиным тщеславием – позже, а сейчас на Украину.

Дружбе между хлопцами и девчатами немало поспособствовали кролики.

При школе было небольшое хозяйство, а в том хозяйстве, среди прочего – сарай с кроликами. В клетках сидело штук 40-60 этих милых животных. И Аришкиному классу поручили за ними ухаживать.

Арише, как председателю совета отряда, пришлось организовывать дежурства, и она, посоветовавшись с девчатами, организовала: дежурства чередовать, день – мальчики, день – девочки, ключ, после вечернего кормления, тем же вечером относить другим товарищам далее по списку. Нет, конечно, рассматривались ещё, конечно, такие способы, как, например, класть ключ в укромном месте, но его быстро отметили как слишком примитивный.

В результате каждый вечер по селу бродили девочки и мальчики в поисках друг друга по вполне уважительной причине – передать ключ от сарая.

Но, несмотря на старание и ответственность Аришкиных одноклассников, кроликам это не помогло. Возможно, даже наоборот. Стали они один за другимдохнуть.

Сначала думали, что такое? Усилили кормление – бес-

полезно. Обратились к Валентину Ивановичу, но было уже поздно. Валентин Иванович констатировал неведомую кроличью болезнь, при которой лечение вряд ли поможет. Такие уж они кролики, и такие у них кроличьи болезни.

Дошла неприятная новость до директора. Он ни много, ни мало, собрал линейку и давай орать, мол, мы доверили, а они...

– Кто председатель совета отряда?

– Я, – пискнула Аришка.

– Выйти из строя.

Аришка вышла на полусогнутых. Но директор, посмотрев некоторое время на неё, перевёл взгляд на ребят. И они понравились его взгляду гораздо больше. Здоровые, высокие, красивые, стоят за Аришкиной спиной.

– Здоровые лбы!! Не могут нормально кроликов покормить. Сколько у вас человек в классе?

– Восемнадцать.

– Восемнадцать балбесов не справились с кроликами. Сколько у вас кроликов на данный момент?

– Один...

Когда Аришка училась в 7 классе, в школу пришла новая молоденькая, только что после института, учительница математики. Василий Георгиевич ушёл на пенсию.

И как многие начинающие учителя, она была полна решимости сделать прорыв по своему предмету у всех, кто подвернётся под руки. Подвёрнулся почему-то Аришкин класс. Но это была большая удача, потому что новые методы обучения пришлось по нраву всем.

Анна Сергеевна предложила 7 классу заниматься дополнительно по вечерам. И теперь Аришка и её одноклассники встречались каждый вечер на более законных основаниях, чем это было в случае с кроликами.

На занятия приходили все. Тем более, что, в отличие от уроков, обстановка была более раскрепощенной. Время начала занятий было нестрогое, и каждого вновь прибывшего встречали дружными приветствиями. Много смеялись. У некоторых ребят было потрясающее чувство юмора.

Но учительница была серьёзной, она так и не поняла, какую услугу попутно оказала, считала, что 7 класс внезапно воспылал интересом к обучению, в частности, к математике. Естественно, никто её и не думал переубеждать.

Встречи по вечерам так понравились, что девчонки решили укрепить тенденцию, тем более, что Анна Сергеевна как-

то стала терять интерес к обучению вне рабочего времени, приходилось ей иногда даже напоминать.

И вот осенило – все значимые события, конец четверти, дни рождения отмечать в школе. Естественно, по вечерам. Осталось заручиться поддержкой Валентина Ивановича. И Валентин Иванович ни разу не отказал. Как он там договаривался с директором – непонятно, но все запланированные вечера состоялись.

В классе включали принесённую настольную лампу, дабы придать нужное освещение, включали музыку и танцевали. Нет, в начале, конечно, было чаепитие, поздравления и пожелания. Но потом так.

Когда в восьмом классе заканчивали первую четверть, вновь собрались. Но на этот раз поводом стало не окончание четверти, и не чей-то день рождения. Аришка в этот вечер в последний раз видела своих друзей и одноклассников, а они её. На следующее утро Аришка, Андрей, их мама и отчим возвращались в Брянскую область.

Были подарки. В частности Аришке подарили книгу «Сумская область», и на обложке каждый на память расписался. А Валентин Иванович написал внизу «Будь счастлива, Арина!»

Интересно, как люди делают выбор своей будущей профессии? У каждого, думается, есть своя история.

С раннего детства Аришка хотела стать продавцом. Тут уж конфеты сказали своё неслышное, но веское слово.

В первом классе, когда семья жила около Днепропетровска, Аришка решила стать космонавтом. Как-то она тяжело заболела гриппом, даже до бреда дошло, но кое-что запомнилось. Открывает она глаза и смотрит в ночное окно. А в нём полоса света дрожит, как при большой скорости и диктор по радио что-то говорит дикторским голосом. Аришка тогда подумала, что свершилось, и спросила:

– Мам, мы в космосе?

– Нет, детонька, – над Аришкой склонилась незнакомая женщина в белом халате. – Но вырастишь – обязательно полетишь.

Не полетела. Вскоре поняла Аришка, что конкуренция среди космонавтов такая, что ей ни за что её не преодолеть.

Помечтала немного о парикмахерском деле. Даже Андрея наполовину подстригла. На второй половине внезапно поняла, что не её это. Сердитая мамка достригала Андрея сама.

В первом классе, увидев учительницу с указкой, захотелось также уверенно и красиво у доски этой указкой махать. А махать разрешают только учителям, поэтому, сделала со-

ответствующий выбор.

Далее предпочтения стали быстро меняться. В зависимости от книги, которую в данный момент читала. Хотелось стать председателем колхоза, чтобы какой-нибудь отсталый колхоз сделать передовым. Она даже знала, как это сделать. Мечтала быть моряком. Но самым продолжительным было желание стать следователей. Раскрывать зловещие и запутанные преступления.

В восьмом классе попала ей в руки книга о детях сиротах, и Аришка поняла, что ей надо работать в детском доме, поэтому она поступила в педучилище.

И вот там она и познакомилась с подругами, которые стали самыми близкими на долгие годы, возможно, на всю жизнь.

Жили девушки сначала в комнате вдвоём.

Рита, очень яркая и красивая. Звезда, если созерцать лишь внешнее, не заглядывая во внутренний мир.

А внутри боль и обиды.

Рита сирота. Мама погибла, когда девочке было девять месяцев. Рита, так же, как и Аришка, все каникулы проводила у бабушки. Только деревня была совсем глухая. Там не было школы, а был дядька Матвей, горькая пьяница и... красивый-красивый лес. Глядячи с утра до ночи на этот лес, она мечтала, мечтала, и всё о принце.

А когда наступала пора учиться, отправили её к старшей сестре Вале. Валя образцовая хозяйка, гордая и самолюбивая. Сначала она возилась с младшей сестрой, как с куклой. Тем более, что она и выглядела как кукла. Но шло время, у Вали появился муж красавец, затем родились одна за другой три собственные куклы, а Рита превратилась в трудного подростка. Вот Валя и изменила своё отношение к сестрёнке. Поэтому, когда сестрёнка закончила 8 классов, отправили её на учёбу в другой город. И все вздохнули с облегчением.

Юля. Ещё в начале обучения так случилось, что Ариш-

ка и Юля ехали в Дубровск в автобусе на соседних местах. Сели они в автобус всего лишь одноклассницами, вышли – закадычными подругами. Потому что все мысли и чувства оказались удивительно схожими. Такой яркой близости с девочкой у Аришки ещё не было. Вскоре выяснилось, что они ещё и родились в один день.

Юля была из относительно благополучной обеспеченной семьи. И, хотя родители развелись, но поддерживали хорошие отношения ради детей. Мама занимала хорошую должность. Но и в этой семье благополучие как-то обошло Юлю стороной. Мама любила старшего сына, а Юля, как ни старалась понравиться собственной матери, всё неудачно. Но, может, это ошибочная точка зрения со стороны подростка. Просто, когда на голову девочки обрушивается бесконечная критика, возникает недоумение, а как среди этого неодобрения обнаружить любовь?

На втором курсе Аришка переселилась к ним. В комнате было две кровати. Сначала хотели попросить у коменданта ещё одну, но острой необходимости не было. Аришка и Юля легко делили полуторку на двоих.

Маша. Имела нежный голос и часто что-то напевала из Высоцкого. По какой-то неведомой причине комендант поселил её в блок, где проживали девочки из другой группы. Поэтому, она часто стала заходить к ним в общую Ленинскую комнату, где стоял телевизор, диван и пара кресел, где девочки собирались по вечерам. А потом таинственная ни-

точка дружбы крепко связала четыре девичьих сердца в единое целое, как это бывает только в юности и девочки стали неразлучными.

И со второго курса Маша в своей комнате только ночевала, и то не всегда.

Так и прожили все студенческие годы: вчетвером на двух кроватях.

Студенческие годы самые яркие и весёлые, это любой и каждый знает. Но у этих девчонок была некая бесшабашность вырвавшихся на свободу из тесных конюшен лошадок. Или такой эффект дали их разные и похожие характеры при совмещении. А может быть предчувствие, что этими беззаботными и счастливыми годами нужно воспользоваться в полной мере.

Учёбу сразу задвинули на задний план. Все, в том числе и бывшая отличница Рита. Вспоминали иногда непосредственно перед экзаменами, но далеко не всегда.

Как и чему они собирались учить детей, неизвестно. Об этом они не думали. Казалось, что юные студенческие годы не закончатся. В будущее заглядывать никому не хотелось.

Хотя, пробные уроки в последние годы обучения иногда давали, и некоторые из них запомнились.

Вот, например, Аришкин урок математики в первом классе. Вроде и готовилась под руководством преподавателя, и Крошку Енота нарисовала, чтобы повесить на доске, якобы, в гости пришёл, будет за детьми наблюдать. Но всё пошло не по плану-конспекту, который тоже был готов и в письменном виде лежал на учительском, то есть в тот момент, Аришкином, столе.

И первый блин, то бишь, урок, стал комковаться с первых

же минут. Аришка начала с того, что забыла детей посадить. Урок идёт, она разглагольствует, дети в недоумении стоят, в конце классной комнаты группа поддержки волнуется.

Группа поддержки – это часть Аришкиной студенческой группы, которая должна присутствовать на уроке для последующего разбора и анализа. В неё входят Аришкины подружки, в том числе Юля и не озвученная ещё Света Максимова. Вот она-то действительно переживала за незадачливую Аришку всегда, и на этом уроке, в частности. И, пока Юля, сидя в углу класса, откровенно забавлялась Аришкиными промахами, Света отчаянно махала руками, стараясь привлечь Аришкино внимание, и подсказать ей, что надо посадить уже, наконец, детей...

Аришка помнила, как преподавательница упрекала студентов ранее, что приносят на урок сказочных героев и забывают о них, и те висят несчастные ни к селу, ни к городу, поэтому про своего Крошку не забывала и часто бегала к доске с вытянутым указательным пальцем, тыкала им в нарисованного зверюшку и сердито выговаривала нерадивому ученику:

– Крошка Енот тобой недоволен, – не замечая, как Юлька веселиться, наблюдая за Аришкой, как за артисткой на сцене, а более ответственная Света перепугано шепчет: «Кино и немцы!»

Ну, а самым неудачным моментом, по мнению самой Аришки, была задача. Простая задачка, которая должна ре-

шаться так: $2-1=1$

При подготовке к уроку преподавательница хотела этот момент подробнее осветить, но Аришка отказалась, мол, зачем, и так всё ясно, возьму из кармашков с демонстрационным материалом две картинки, например, две машинки, вот и задачка: «В гараже было две машинки, одна уехала...» и так далее. Что тут сложного? Тем более, заранее наверняка неизвестно, какие наглядные картинки находятся в кармашках. На месте ориентируюсь.

И сориентировалась. Взяла из кармашка яблоко и клубничку и давай ориентироваться:

– У меня... было... два... две... (Не объединяются эти две картинки ни во фрукты, ни в ягоды. Аришке бы положить их обратно и взять что-нибудь более удобное, но какая-то упёртость не дала это сделать). У меня было две... эээ... вещи. Одну вещь я... (Аришка отложила яблоко в сторонку, чтобы задачку можно было решить вычитанием)... я... съела. Сколько вещей у меня осталось?

К этому моменту Юлька почти брыкнулась со стула, а Света не поднимала голову от ужаса и только шептала в отчаянии: «Кино и немцы!»

Короче, за урок ей поставили два. Но преподавательница добавила задумчиво:

– Но что-то в этом уроке было...

Аришка тогда очень надеялась, что была всё же в том уроке изюминка, которую разглядела учительница, но не смогла

чётко определить, и со временем из этой изюминки вырастит что-нибудь путное.

Материальная помощь четырьмя тонкими струйками поступала из семей. Очень тонкими. Но обходились тем, что есть. А есть ещё целая группа – двадцать девчонок и два парня. Но парни в данный момент не в счёт. И у каждой из двадцати девчонок свои струйки, у некоторых даже не тонкие. Поэтому более зажиточные девочки делились своими свитерами, юбками, туфлями, даже купальниками, с менее обеспеченными подругами.

Правда, иногда из дома были внеочередные поступления. Вот, например, купили Аришке ярко-салатовые спортивные штаны, белую футболку с ярким розово-салатовым рисунком, белые кроссовки, разные шнурки: розовый и салатовый она сама себе подобрала. Огонь! У Юли, кстати, тоже появилась похожая одежда, только в бело-голубых тонах. Ну, Юлю всегда мама хорошо одевала. Вот и вырядились девчонки и как пошли гулять по Дубровску! Красотища! Все прохожие оглядываются! Ну и что, что осень, холодно, и люди одеты в свитера и куртки!

Отличной поддержкой были талончики на двухразовое питание: обед и, по выбору, завтрак или ужин. Ну, завтрак был без надобности, а обед и ужин очень кстати.

Столовая находилась на первом этаже общаги, стоило лишь спуститься по лестнице с четвёртого этажа на пер-

вый. Спускались, ловко перепрыгивая через три ступеньки на четвёртую, в той же одежде, в которой находились в комнате. Чувствовали себя в столовой, как дома.

Сидели вчетвером за квадратным столом. Худющая Рита, бывало, ела без аппетита, Аришка же напротив, съедала свою порцию быстро, и смотрела в Ритину тарелку: так будет она, в конце концов, есть или нет. Поймав голодный Аришкин взгляд, Рита нередко перекладывала ей в тарелку свою котлету или блинчик. Ей все равно не хочется, а Аришку жалко.

Как-то так получилось, что, несмотря на общее легкомыслие и беззаботность, больше всего расслабились Юля и Аришка, они вели себя иногда как дети. И само собой получилось, что за Юлей стала присматривать Маша, а за Аришкой Рита.

Редкие дела по хозяйству возложили добровольно на свои плечи опять же Маша и Рита. Маша убиралась в комнате, Рита готовила еду (в воскресенье столовая не работала). Так и жили.

В те дни Аришка впервые услышала, что студенческие годы самые лучшие. И она, как всегда, поверила. Мысль, что самое хорошее вот уже началось, была сама по себе немного печальной. А что, дальше только хуже?

На самом деле это неправда. Во всяком случае у Аришки тогда не было мужа и сыночка, и она понятия не имела, насколько без них мир не полон. У неё многого тогда не было, поэтому лучшей назвать ту жизнь нельзя. Но точно можно сказать, что самыми весёлыми эти годы были.

И шальная весёлость заразила всю группу. Вот только непонятно, кто внёс "заразу", если про веселье можно так сказать. Но пошла она откуда-то со стороны Аришки или Юли, потом перекинулась на Риту и Машу, и уж тут очаг нельзя было остановить.

Будущие учительницы часто вели себя как хулиганы, которых потом будут с разной успешностью перевоспитывать.

Но, перевоспитывай – не перевоспитывай, ругай бедного хулигана – не ругай, а сама-то помни, как это было. Вот например...

Решётки и чемодан.

Решётки, большие, прямоугольные, металлические, рабочие оставили в блоке временно. Они нужны были для ограждения студенток от нежелательных визитов местных ребят.

По торцам общежития находились балконы, связанные общей лестницей со второго этажа по пятый. Вот на этих балконах их решили установить. Что через несколько дней и сделали, но почему-то оставили маленькую лазейку под самой крышей. А пока эти решётки стояли, сиротливо притулившись к стенам коридора.

А чемодан кто-то из девчонок обнаружил у кого-то в комнате. Советский, вместительный, с металлическими заклёпками. Кто-то его примерил, прошёлся по комнате и началось... А закончилось многоголосым концертом в общем коридоре. Отделили свой блок от посторонних решётками, и пели, точнее, орали во все лужёные глотки. Репертуар широкий, но всё же, основная тема, тема чемоданчика, красной нитью тянулась через другие песни. Время от времени на голоса приходили из других групп и соседних блоков, останавливались у решёток, слушали, смеялись, уходили по своим делам, а концерт продолжали двадцать голосистых девчонок и чемодан посередине.

Взрослая Аришка иногда задумывалась, что коллективный разум есть не только у муравьёв и пчёл. Она стала подозревать его наличие и у более высоких носителей.

Например, дети. Высыпьте мешок конструктора в комнату с малышами и смотрите, что будет. Аришка сама не раз наблюдала и удивлялась. Малыши и разговаривать толком не могут, а уж договариваться, строить планы, вырабатывать стратегию – тем более, но в результате из конструктора по-

лучится такое сооружение, что глядя на него, невольно встаёт вопрос: как?

Или ещё пример. Аришка раз проходила во дворе школы, где гуляли первоклассницы, бывшие её воспитанницы. Она остановилась, немного поговорила с ними. Те озабочено тащили еловую ветку в угол двора.

– Что вы с ней делать будете? – спросила Аришка.

– Пока не знаем, что-нибудь придумаем.

И придумают. Аришка нисколько не сомневалась.

Вот и что-то подобное иногда охватывало и новых Аришкиных подружек. И, если в истории с чемоданом и решётками изначально были хоть какие-то зацепки, то в случае с ночными обливаниями вообще не ясно, кто и за что зацепился, но в ту ночь общага долго не могла уснуть...

На четвёртом этаже свет в коридорах выключили, лишь из слегка приоткрытых дверей туалетов одинокие лампочки не давали погрузить этаж в полный мрак. Силы сконцентрировались в основном в блоке №1. Здесь в темноте за каждым изгибом и поворотом, или вовсе прижавшись к стене, стояла вооруженная студентка. В руках, в качестве оружия, ёмкость с водой. Самое удобное для этих целей – тазик, из него проще окатить противника, но тазиков, чаще, в каждой комнате по одному, а девчонок значительно больше, вот и приходилось пользоваться кастрюлями, банками трёхлитровыми и прочим подходящим материалом. Воду набирали тёплую из гуманитарных соображений. И из соображений собственных

выгод. Противник тоже тебя, если что, окатит тёплой.

Кто же противник? В ту ночь в свою авантюру девочкам удалось вовлечь парней – завтрашних учителей физической культуры. Они проживали в этом же общежитии, но в дальнем блоке. Но теперь они также собрались на этой стороне и затаились в темноте вместе со своими тазиками.

В блоке, в общем, тишина. Но она довольно часто нарушается девичьим резким воплем, плеском воды, потом ещё плеском, какими-то звуками борьбы и, наконец, топотом ног в разные стороны. Иногда в эту короткую схватку успевают вмешаться кто-либо из близнаходящихся, внести свою лепту, получить, что получится, и тоже ретироваться в темноту.

Аришка и Юля как всегда рядом. Они обследовали лестничную клетку близ своего блока. Всё чисто, неприятелей здесь нет, можно двигаться дальше. У Аришки в руках ёмкость из нижней полки холодильника, в ней обычно хранят овощи, у Юли таз. Аришке неудобно, вода постоянно расплёскивается, но обе уже мокрые, поэтому большого значение это не имеет. Лишь бы донести что-нибудь до противника.

Вдруг из-за поворота выныривает чья-то фигура. Аришка приготовилась уже на неё обрушить водопад, но в последнюю секунду сдержалась. Узнала Свету Максимову. С её длинных волос стекает вода, в руках кастрюля.

– Где немцы? – на полном серьёзе спрашивает она.

– Не знаем.

В прошлый раз водная битва закончилась почти мирно. Противник ушёл, а девочки протёрли пол. Но сегодня увлеклись и совершили оплошность, зашли на территорию третьих лиц, то бишь в соседние блоки, и терпение у соседок лопнуло. Вдруг вспыхнул всюду свет, из комнат выскочили не спящие и очень злые девочки из других групп и давай скандалить. Провинившиеся девчонки, словно мокрые тараканы, нырнули в первые попавшиеся комнаты и затаились изнутри. Парни неслышно и незаметно ушли в свой блок. Как всегда легко отделались.

Перепуганные девчонки так и не решились в этот раз вытирать за собой. Когда всё утихло, тихонько пробрались в свои комнаты и сделали вид, что нынешним вечером вообще никуда не выходили. Полы сохли самостоятельно. Уже после, незнающие люди иногда интересовались, почему везде полы, как полы, а в блоке №1 какими-то странными пятнами и разводами.

Отношения с учителями, вернее, на этот раз с преподавателями, складывались по-разному. Но группа держалась сплочённо, и, если не заладилось у кого-нибудь одного, то антипатия распространялась как грипп.

Где бы Аришка не училась, про своих классных руководителей она думала всегда почти одно и то же: «Вот нам повезло!», потом решила, что, возможно, все дети так думают. Наверное, лишь немногочисленная категория людей может любить просто так, ни за что, такого человека, который попал к нему. В этой категории, конечно, родители, родственники, может быть, какие-то ещё святые люди и... классные руководители.

Когда Ольга Владимировна взяла опеку над девочками, и над Аришкой, в частности, её собственная дочь только что поступила тоже в педучилище, только в другом городе, и Ольга Владимировна осталась одна. Мужа у неё не было. Ольга Владимировна просто и по-матерински, приняла новоиспечённых студентов, только что оторванных от мамкиных юбок, и, поэтому, немного растерянных. Преподавала она музыку, и как можно было не любить её уроки, если петь любили все. Ольга Владимировна аккомпанировала на фортепиано. Аришку учить музыке – только портить, да и Юлю, если строго глядеть на вещи. Но на уроках у Ольги Влади-

мировны никто не стесняется. И зачастую, окончив песню, группа замолчит по знаку преподавательницы, а Аришка с Юлей, сделав вид, что не заметили этого знака, подвоют концовку по-своему. Но Ольга Владимировна добродушно посмеивается. На уроках добрая и любящая атмосфера. Ольга Владимировна в нужный момент всегда рядом, весёлая и снисходительная. По вечерам – часто в общежитие у девочек.

Валентина Николаевна – пожилая преподавательница русского языка. Отношения с ней сначала покатились под откос. А всё потому, что Аришка на урок притащила котёнка. Бездомный котёнок сидел на улице и дрожал от холода. Ну и что прикажете с ним делать? Аришка с Юлей шли мимо, остановились, долго думали, что с ним делать, даже поревели немного, а потом забрали с собой на учёбу. Все уроки он сидел у Аришки на коленях, а на русском языке решил замыкать. Валентина Николаевна решила, что это было сделано нарочно, и жутко разозлилась. Даже угрожала поспособствовать Аришкиному отчислению. Еле успокоилась, но неприязнь продолжалась до тех пор, пока не заболела. И Ольга Владимировна организовала групповое посещение больной на дому с тортиком и другими вкусняшками. Валентина Николаевна в тот вечер взглянула на всех, в общем, и на Аришку, в частности, другими глазами. С тех пор взаимная симпатия установилась раз и навсегда. Если кто-то из других групп плохо отзывался о Валентине Николаевне, девоч-

ки старались смягчить позицию. Валентина Николаевна постариковски часто путалась, девчонки, хоть и посмеивались, но всегда сочувствовали. Особенно, если Валентина Николаевна что-нибудь портачила в журнале. Девчонки ещё не знали, что когда-то и у них тоже будет много проблем с журналами. Ведь ошибаться в них крайне не рекомендуется.

Куда котёнка дели – никто не помнит. А к больным преподавателям больше Ольга Владимировна походы не организовывала...

Однажды вечером Аришка вернулась в комнату возбуждённая. Она по каким-то уже забытым делам только что сидела в аудитории, где в этот момент учительница Лидия Сергеевна консультировала кого-то из студенток.

– Девчонки, у неё такие лучистые глаза! Я таких прекрасных глаз ещё не видела.

– А, знаем её. Она и у нас на третьем курсе будет преподавать методику ИЗО.

– Ой, скорее бы. Человек с такими прекрасными лучистыми глазами... Она, наверное, очень добрая.

Скоро Аришкина мечта сбылась, Лидия Сергеевна действительно стала преподавать, но на первом же уроке она так размазала Аришку, в моральном смысле, вlepила ей незаслуженную двойку, что все не поняли, что это было.

Двоек в своей жизни Аришка получала много, особенно в педучилище, особенно под занавес, перед выпуском, за что они с Юлей чуть не лишились своих будущих профессий. Но

те двойки были правильные, заслуженные и справедливые, не унижающие.

А Лидия Сергеевна глядела своими лучистыми глазами, говорила спокойным голосом, и источала ничем не прикрытую холодную неприязнь. Это было непонятно и несправедливо. И девочки не собирались терпеть эту непонятную несправедливость, саккумулировали такую же и отправили в ответ. Так всё время и болталась на уроках с Лидией Сергеевной такая вот энергия, двигаясь то в сторону студенток, то в сторону преподавателя.

А Аришка вечером вздохнула и сказала своим подругам: – Вот и верь после этого лучистым глазам.

Александра Алексеевна преподавала один из интереснейших предметов самым скучнейшим образом. Студенток она недолюбливала, была строга и монотонна. Поэтому девочки на её уроках развлекали себя сами. Александра Алексеевна и не подозревала, что параллельно с её однообразно текущим уроком происходят более занятные мероприятия. Например, игра, когда от парты к парте передаётся листок. Первая девочка пишет любой вопрос, допустим: «Где ты сегодня ночевала?», складывает листок, закрывая вопрос, переписывает вопросительное слово, в данном случае это «где?» и передаёт дальше. Следующая студентка читает «где?» и отвечает, не зная основного вопроса, например, «в столовой» и задаёт новый вопрос. На перемене все читают, что получилось, получалось всегда забавно.

Один раз девочки устроили конкурс на самое сопливо-розовое стихотворение, посвящённое воображаемому или, у кого есть, настоящему жениху. На Аришку тогда нашло вдохновение, и она строчила, как из пулемёта. Александра Алексеевна стала заинтересовано поглядывать в Аришкину сторону. Ариша постаралась успокоиться, отложила ручку, листок. Но как тут успокоиться, когда эпитеты с метафорами так и лезут в голову, сами собой складываясь в поэтические строки. Не выдержала, схватила листок, чтобы записать очередной шедевр. Не выдержала и Александра Алексеевна, подошла к Аришке, забрала листок и, не стесняясь, стала читать любовное послание. Девочки заинтересовано следили за выражением лица Александры Алексеевны, ведь, судя по всему, конкурс начался весьма неожиданно, пусть и раньше времени, и вот уж первая работа сейчас получит оценку. Получила. Александра Алексеевна двумя пальцами протянула листок Аришке и сказала:

– Отнеси эту гадость на мусорку. Выбрось не в первую попавшуюся урну, а на улицу.

И Аришка понесла. И честно дошла до мусорных контейнеров, что притулились за общежитием, и выбросила туда своё стихотворение.

Муж Александры Алексеевны Антон Николаевич также работал в училище, тоже преподавал. Они с женой, похоже, одинаково смотрели на методику. Но всё же отличие было. Если Александра Алексеевна была строга, то Антон Нико-

лаевич совершенно равнодушен. Монотонно бубнил-бубнил 45 минут, а что делают студенты – до лампочки.

Однажды Аришка и Юля решили пробить такую незаинтересованность состоянием студенток, и на перемене сбегали в общагу, в столовую, набрали еды, среди которой было всеми любимое сало и много-много лука. Принесли на урок и поделились с голодающими. Голодными были все. Еда быстро распространилась по коленям, и начался вкуснейший перекус. Некоторые девочки старались делать это деликатно, но чавканье и жевание невозможно было не заметить, а потом запах лука повис в аудитории крепкой стеной. Но Антон Николаевич и бровью не повёл. Его речь по-прежнему текла и текла, не вливаясь в студенческие уши.

Больше уж ни Аришка, ни Юля, ни кто-то другой, не пытались найти дно безразличия и равнодушия Антона Николаевича – бесполезное это дело. Так и проводили уроки: Антон Николаевич своё бубнил, студентки своё. Никто никому не мешал.

Физкультуру любят не все. Но не любить физкультуру с Олегом Геннадьевичем нереально. Он сам позитивный, добрый, адекватный. И, к тому же, на уроках часто разучивали подвижные игры с тем, чтобы в будущем эти же игры девочки проводили со своими учениками. А кому не понравится играть на законных основаниях? И студентки бегали и орали с азартом, какой не всегда найдёшь у малых детей.

Пожалуй, самым авторитетным среди педагогов был пре-

подаватель литературы Другов. Его все чаще называли по фамилии, и фамилия эта была широко известной. Был он невысок ростом, но характер имел настоящий мужской. Девочки его уважали и побаивались, особенно на первых двух курсах, потому что он мог и съязвить. Своим острым языком прохаживался он по поводу поведения студенток, их причёсок – «полигон для испытаний», словарного запаса – «Элочка-людоедка» и сочинений. Сочинения – особо болезненная тема.

Говорят, что легче научить, чем переучить. Другову в этом смысле досталась более тяжёлая доля. Потому что студентки, вчерашние школьницы, научились писать сочинения. Ну, как научились. Ну, типа того.

В сочинениях ведь нужно было обозначать своё видение, свою позицию, а Аришка, например, скатывала чужое мнение из учебников по литературе. А там писали люди умные словами непонятными. А Аришка выдавала их слова за свои. У других девчонок дела были похожие. И, сдавая свои мудрёные сочинения, студентки старались не замечать, что их уровень не соответствует умственному развитию, о котором Другов прекрасно осведомлён.

Но Другов не сдавался, и убеждал девочек попробовать написать самостоятельно. Кое-кто решался на этот шаг. Аришка раз попробовала, но потом сравнила два сочинения, предыдущее, списанное у умных людей и своё собственное. И поняла, что пропасть, отделяющую эти два произведения

надо как-то объяснить. А на чистосердечное признание о том, что ранее написанное, это всё не моё, я Вас, дорогой мой преподаватель, всё это время обманывала, не решилась. Поэтому выкинула своё сочинение и вновь скатала из учебника. Больше попыток не было.

Но Другов, всё равно, высоко оценил Аришку. Правда, не за сочинения, а за... да, можно сказать, не за что. Ошибочка вышла.

Аришка лежала в больнице. Лежала-лежала, надоело, решила сходить на занятия. И попала к Другову. Как раз на сочинение. Как смогла, написала. Но Другов её поступок по-своему расценил. И всем стал говорить, что с Л...ой, то бишь, с Аришкой, он в разведку пошёл бы. По правде, с Аришкой ещё никто никогда в разведку не собирался идти. Наверное, и не захочет уже. Так что это был единственный человек. Жаль, что так высоко оценил, по сути, нулевой поступок. Интересно, знай Другов Аришку настоящую, захотел бы пойти с ней в разведку?

За месяц до майских праздников начиналась подготовка к большому мероприятию, в котором задействованы были все студентки педучилища, а зрителями был весь Дубровск. На праздник девочки на стадионе показывали представление, зрелищность которого им не суждено было оценить, так как сами его со стороны не видели, но отзывы были восторженные.

Это выступление готовил довольно пожилой учитель физ-

культуры сначала в спортзале, где было тесно для такого количества народа, как в консервной банке. Учитель стоял на сложном сооружении, которое было просто опасно для его здоровья. На брусья он положил какой-то щит, и на нём балансировал. Нужна была возвышенность, чтобы его видели все студентки. Под музыку разучивали движения. Он показывал, все должны были повторять максимально синхронно.

Репетировали каждое утро. Приходилось на час раньше вставать, что для студенток было героическим ежедневный подвигом. Но пропускать занятия – себе дороже. Даже один пропуск влечёт за собой пробелы в движениях, а с высоты своего сооружения учитель всё видел, малейший сбой сразу бросался в глаза, и преподаватель, словно коршун, набрасывался на провинившуюся и клевал, клевал, довольно больно. Но кто на него будет обижаться? Аришка не раз видела, как он едва не падал, оступившись. Поэтому, зевали и терпели. Зато наградой было всеобщее дубровское восхищение на празднике.

Этих и других преподавателей Аришка вспоминает с одинаковой теплотой. Почему с одинаковой? Наверное, потому, что все они разные, и в этом их прелесть. А ещё Аришка благодарна, что все они были.

Рита влюбилась. С детства подолгу пребывая в одиночестве, она нафантазировала себе принца, и меньшим удовлетворяться не собиралась. Вниманием со стороны противоположного пола она пользовалась ровно столько, сколько себя помнила. С некоторыми даже встречалась немного, некоторым даже позволяла себя провожать, но серьёзно ни к кому не относилась, понимала – не то. И знала, что впереди будет Он.

Принц нашёлся: видный парень, высокий, красивый, добрый. Прохоров, поэтому звали его Прохор. Учился он на этом же курсе, на физкультурном отделении, жил в соседнем блоке.

И пара получилось – загляденье. Вот только внутри были сложности, оказавшиеся неразрешимыми. И сложности всей компанией собрались в Ритиной голове. И сложности эти утяжеляли отношения, делали их вязкими и нерадостными. И главным прародителем этих сложностей был страх потерять Прохора. Возможно, это удел сироты. Что твоё? Где то, что не отнимется? Кто позаботится о твоих интересах и защитит тебя? Ты одна в этом мире, несмотря на сестру, бабушку и других родственников и знакомых, Рита поняла это слишком рано. И вот он, парень, о котором она мечтала. Но на этого парня много ещё желающих. Рита видела их, краси-

вых, модных, благополучных, весёлых.

А пока Рита ещё не потеряла Прохора, девчонки в какой-то степени потеряли Риту. И на дискотеку по вечерам собирались всё чаще втроём.

Дискотека в тёплое время года проходила в парке, в холодное – в ДК. Вообще-то это дело было не совсем безопасным, уж очень много было агрессивных парней. А то и вовсе с виду и по поведению психически неуравновешенных. Но худо-бедно справлялись.

Да вот беда, дискотека заканчивалась в 11-00, и общага закрывалась в 11-00. И что им, как Золушкам постоянно на часы смотреть?

Помнится, стояли они под окнами общаги и кричали в сторону своего окна:

– Рит! Рита!

Окно открылось скоро. Высунулась Риткина головка:

– Вы где бродите? Я уж не знаю, что и подумать! – Рита не знала мамы, но материнского в ней было всегда много.

– Общага закрылась.

– А где вас носило?

– Да Аришку какой-то придурок не отпускал.

Рита не удивилась. Почему-то и чем-то Аришка привлекала к себе всех странных и, зачастую, опасных представителей противоположного пола.

– И что теперь делать?

– Скинь нам тёплую одежду. Куртки.

Рита кинула прямо из окна.

– И что дальше?

– Не знаем. Где-нибудь переночуем.

– Есть хотите?

– Ага, скинь что-нибудь.

Вот по такому принципу они и жили все студенческие годы. Куда их занесёт, и какая кривая вынесет – это было никому не известно.

Но вскоре одной проблемой стало меньше. Девчонки нашли запасной вход в общагу. Всё оказалось до гениальности просто.

К фасаду общежития примыкало небольшое сооружение, с виду сарайчик, или котельная. Труба, с виду водопроводная или газовая огибала это сооружение по периметру через верх буквой «г», а потом не сразу уходила вниз, а продолжала тянуться от сарайчика на уровне второго этажа. И девочки карабкались на крышу этого сарайчика, потом по трубе, держась за подоконник, который уже был в зоне вытянутой руки, и вот оно – окно, прямо в комнату к пацанам – первокурсникам. Они разве откажут девочкам? Тем более, старше их по возрасту.

Ребята предварительно выключали в комнате свет, чтобы не привлечь чьё-либо ненужное внимание с улицы, безропотно открывали самую широкую створку, и девочки ползли. Или лезли. Кто как умел.

Аришка совсем не умела. Её и сзади подталкивали, и спе-

реди за шкибот тащили. Потом и она нашла способ: ложилась грудью на подоконник, вытягивала обе руки вперёд и говорила пацанам:

– Тащите меня.

Те и тащили.

Однажды она тащилась таким образом сначала животом по подоконнику, потом переехала на примыкающую тумбочку. Тумбочка наклонилась, из неё посыпались яблоки. В темноте не видно было, что это именно яблоки, но деревенскую девчонку не проведёшь. Она пыталась вырвать руки, чтобы ухватить яблоки, но парни держали крепко и не отпускали. Маша к этому времени стояла уже в комнате. И Аришка стала как можно убедительнее шептать ей:

– Маш, яблоки... яблоки возьми, – наивно надеясь, что этот шёпот каким-нибудь образом обогнёт уши тянущих её парней, и Маша, наконец-то, перестанет стоять столбом, и наберёт всем яблочек.

Но Маша сделала вид, что не услышала.

Аришка и Юля открывали для себя Дубровск. Правда, не только они, все студенты так делали, но вот куда кого занесёт по дороге открытий, тут уж у всех по-разному.

Сначала занесло их в тир. Вот уж настролялись. Аришка оказалась хорошим стрелком, ей пообещали значок и дали попробовать пистолет. Дали, а сами отвернулись.

Аришка повертела пистолет, приложила его так и сяк, наиболее правильной ей показалась позиция, когда рукоятку приставляешь под глаз – так и целиться удобней и... выстрелила. Рукоятка ей и вlepила фингал под глаз. Так она познакомилась заодно с понятием «отдача».

Потом они открыли секцию дзюдо. И привлекли к новому открытию всю группу. В подвальном помещении, где проходили занятия, весь пол сплошь был устлан матами. В качестве разминки нужно было делать кувyрки от одной стены до другой, не останавливаясь. Никогда бы Аришка не подумала, что это у неё получится, но получалось. Наверное, из-за того, что приходилось делать вместе со всеми. Всеобщая волна мобилизовала скрытые ресурсы. Иначе никак не объяснишь.

Аришка думала, что быстро освоит все приёмы и как начнёт драться – себя защищать. Но это оказалось не так-то просто. Научилась только падать. Причём, по всей вероятности,

очень хорошо научилась. Потому что тренер все приёмы показывал на Аришке. Рассказывая и объясняя теорию, он одновременно вытягивал руку и, не глядя, этой своей рукой нащупывал Аришкино плечо и тянул к себе. Раз – приём показан на практике, Аришка правильно валяется, кто понял, пробуйте, кто не понял, можно ещё показать, и опять рука тянется к Аришке.

А потом Аришка и Юля открыли крышу, вернее, вход на крышу общаги. Это Юля глазастая увидела металлическую простую лестницу, ведущую с пятого этажа к какому-то люку. Люк был железный, были скобы для навесного замка, самого же замка не была. Наверное, решили, что в нём нет особой нужды. Уж очень люк был тяжеленный, неподъёмный. Но сначала Юля, потом Аришка научились его поднимать. Так как руками во время поднятия люка нужно было держаться за лестницу, поднимать его приходилось головой. Такого давления голова не ощущала ещё ни на одной контрольной. Даже при воспоминании о нём, начиналась внутричерепная боль.

Из люка вначале попадали на чердак. Там жили голуби. А потом непосредственно на крышу. Вся группа вскоре полюбила там отдыхать. Можно и загорать, и играть, и гудрон жевать. Можно было залечь на краю в засаде и стрелять мелкими камешками вниз в приходивших к старшекурсникам женихов. Женихи эти стояли обычно на ступеньках или крылечке и скучали, так как девушки вечно заставляли себя

ждать. Но тут засадный отряд на крыше начинал парней развлекать, как мог. Вначале парни не могли сообразить, откуда такая немилость, почему на них сыплются камешки и гудрон, но врождённый боевой дух вскоре приводил организм в боевую готовность и они принимали бой. К тому времени, когда невесты, наконец, выходили, им приходилось парней иногда силой уводить с поля боя.

Потом Аришка всё дело испортила. Стояла она на краю крыши и смотрела в дальнюю даль. Одета она была в костюм для загара: белые дебёлые советские трусы и лифчик в тон, наивно полагая, что с земли её костюм будет казаться купальным. И в тёмных Юлиных очках. И пока она любовалась дальними далями, её личностью заинтересовалась проходящая мимо завуч. Так заинтересовалась, что остановилась и стала пристально всматриваться в смутно знакомую фигуру. Но, белый купальный костюм, возможно, сбивал с толку. Завуч закричала, замахала руками и, наконец, отвлекла Аришку от созерцания далей.

Аришка тоже не сразу узнала завуча, она подумала, кому кричит и машет руками это странно знакомая фигура, а потом поняла. В ту же секунду присела, скрываясь с завучевских глаз, и шёпотом сообщила Юле пренеприятнейшее известие. Они осторожно подползли к краю крыши и выглянули, интересуясь, куда повернёт завуч дальше. Завуч повернула в общагу. Срочно пришлось ретироваться.

В этот же вечер на люке повесили замок.

Прохора забирали в армию. Уезжал он из дома своей бабушки, живущей в деревне Плющино, недалеко от Дубровска. Девчонок пригласили в качестве провожающих, Риту – в полуофициальном статусе девушки. Добираться туда надо было на автобусе, и было всего два рейса: утром, часов в десять и вечером, часов в пять.

Рита решила, что в пять слишком поздно, поэтому поездку наметили на утро. Но наметить – это одно, а вовремя собраться – это другое. Поспешали, как могли. Утром встали, казалось, полдела позади. Но надо ведь ещё одеться. Пошли по комнатам, попросили у девчонок давно нравившиеся юбки и блузки. Причём, стояла морозная зима, а нравились всё больше вещи лёгкие, воздушные, с ними одноклассницы и поделились.

Тут Юля вдруг поняла, что ей не помешало бы голову помыть. Но это явно было лишним, поэтому на неё наорали, мол, посмотри, на Рите лица нет, а ты тут со своей головой. Юля решила, что голова и так сойдёт. Вышли.

До автовокзала идти минут двадцать, до отъезда автобуса осталось минут семь. Аришка первой заметила эту нестыковку и несмело озвучила вслух. Все промолчали. Очевидно, это была не новость. Аришка заметила невдалеке стоящий около частного дома автобус, похоже, водитель приехал

на отдых или обед и сейчас, кстати, ковырялся во внутренних частях своего механизма.

– Девчонки, давайте к нему подойдём, попросим, чтобы он нас довёз.

Подошли, попросили, но чёрствое сердце водителя не пожелало гонять туда-сюда свой транспорт, тем более бесплатно. Пошли дальше. Рита была полна какого-то нездорового оптимизма, она стала торопливо уверять, что надо прибавить шагу, что автобус в Плющино вечно ходит не по расписанию, выезжает позже и всякое может быть. Прибавили шагу, хотя Ритин оптимизм никому не передался.

Но тут Аришка вновь выступила с инициативой:

– Девчонки, а если нам доехать на Брянском автобусе до Плющинского поворота, а там пешком?

Аришка часто ходила пешком, это дело ей казалось не сложным, и она стала уверять, что все весело проведут время в пути, никто не пожалеет, ведь это же настоящее приключение.

Рита ухватилась за это предложение, как утопающий за соломинку, остальные на этот раз были более осторожны. Но согласились. Ведь другого выхода не было.

Через некоторое время маршрутный автобус Дубровск – Брянск высадил девочек в чистом поле. Они оглянулись и слегка оторопели. Пустынная трасса, дорога, поле и зима. Хорошо, что хоть дорога в Плющино была четко обозначена и асфальтирована. Самого же Плющино не было даже вид-

но. Рита лишь указала рукой направление, и первый шаг был сделан.

Когда девочки ещё совсем недавно выбирали себе наряды из чужих гардеробов, они думали, прежде всего, как будут эффектно выглядеть и завлекать всех плющинских и не только плющинских парней. Когда девочки спешили на автобус и за Ритой мчались по городу, они даже немного вспотели и покраснелись. Теперь же лютый ветер, мороз и перспектива далёкого пути заставила их усомниться в правильности выбора одежды. Особенно страшно было глянуть на Юлю: да, сверху тёплая куртка, но ниже коротенькая юбочка и капроновые колготки. Остальные были одеты похоже. Но всё же, у Аришки длинное пальто, оно хоть колени прикрывает, у Маши и Риты брюки.

Пошли. Дорога длинная. Ветер встречный. Солнце тускло светило сквозь серые облака.

– Юль, давай поменяемся: я тебе пальто, ты мне куртку.

Юля немного поразмышляла. От пальто польза сомнительная, а вот переодеться в такой холод совсем не хочется.

– Не надо.

– Девчонки, надо что-то спеть, – у Маши голос нежный, красивый, она запела что-то из Цоя, все остальные поддерживали некоторое время и замолчали. Не получилось. Ветер разрывал слова в клочья, заставлял задыхаться.

Аришка взгляделась вдаль. Она любила зиму, ей нравились

зимние пейзажи. Но от ветра глаза заслезились, и она торопливо прикрыла их рукой. Не хватало только прийти на проходы страшилищем с потёкшей тушью.

Не замёрзли девочки. Наверное, только потому, что где-то на полпути догнал их какой-то служебный автобус и, конечно, не проехал мимо, а доставил как раз к порогу пункта назначения.

И, когда они второй раз за этот день выходили из автобуса, им навстречу выскочил сам Прохор с какими-то тарелками в руках. Он слегка оторопел, когда понял, что целая компания приехала слишком рано. Оказывается, другие гости, в частности приятели Прохора, приедут из Дубровска как раз на пятичасовом автобусе, и это будет вовремя. Да уж.

Но Прохор, парень воспитанный, мама его – тем более, выделили девочкам комнату, сказали, отдыхайте, готовьтесь, через пару-тройку часов начнём. Нет, помощи никакой не надо, отдыхайте.

Отдыхайте. Легко сказать. Как тут можно расслабиться, когда запахи от накрытого стола доносятся обалденные, а у девочек крошки во рту не было со вчерашнего дня. И Аришка, улучив минуту, стащила со стола хлеб. Маша с Юлей налетели, расхватали, мигом проглотили. Рита не захотела.

К вечеру девочки навели полный марафет, накрасились, причесались, согрелись и к столу вышли при полном параде. Но тут их сразу разделили: во-первых, Риту посадили рядом с Прохором на другой конец стола; во-вторых, как-то полу-

чилось, что Машу тоже посадили довольно далеко, рядом с братом Прохора, они сразу же нашли общий язык, увлеклись разговором и стали приятно проводить время.

Аришка с Юлей оказались предоставлены сами себе. Такое в последнее время бывало крайне редко, обычно более серьёзные и ответственные подруги всё контролируют. Они почувствовали себя детьми, оставшимися без присмотра родителей. Молча оценили свои возможности.

– Давай водку пить?

– Давай.

Дальнейшие проводы помнились не совсем чётко. Кушали, танцевали, поздно вечером взрослая часть куда-то разошлась, осталась одна молодёжь.

Аришка помнит себя, стоящую в ярко освещённом коридоре, в нём же находятся какие-то парни. И она целуется то с одним, то с другим. Помнит, что в коридор выглянула Маша, ахнула, схватила Аришку за руку, повела в комнату и уложила на кровать, потом пошла искать Юлю.

Аришка лежала и смотрела на потолок то одним глазом, то другим, пытаюсь найти точку зрения, при которой потолок не вертелся бы и не крутился. Вскоре рядом лежала Юля. Она капризничала, носок левый куда-то запропастился.

– Маш, найди его.

– Ага, щас буду искать его, алкашки хреновы, спите уже, – сказала Маша грубым голосом, что на неё было совсем не похоже.

Довольно часто студентки ходили в концертный зал ДК. Было приятно находиться на сцене в качестве артистов, было не менее приятно сидеть в зале и созерцать, что приготовили другие.

Однажды приехал гипнотизёр. Всё педучилище сидело в зрительном зале. На почётных центральных местах восседала администрация того же педучилища в лице завуча и некоторых педагогов.

Обещали невиданное зрелище и поголовный гипноз. Аришка с Юлей приготовились во всём быть послушными главному затейнику и постараться впасть в транс.

И вот оно началось. Гипнотизёр наказал сомкнуть пальцы в замок, обещал, что произнесёт некоторые волшебные слова, после которых пальцы не смогут разомкнуться. Увы! Разомкнулись. Но не у всех. Тех, у кого пальца сплелись – не отдерёшь, заезжий гастролёр пригласил на сцену. Аришка с Юлей поспешно опять стали складывать свои руки в замок, в смутной надежде, что до некоторых пальцев, как до уток, не сразу доходит, но – бесполезно, пальцы не желали гипнотизироваться. Конечно, разочаровались, ведь одно дело быть на сцене в центре событий, а другое дело за всем этим наблюдать со стороны. Но последующие события показали, что оно, быть может, и к лучшему. Кто его знает, чтобы они на-

творили, вон, с виду приличные девочки, а как, несколько минут спустя, подтвердили пословицу про тихий омут, причём, подтвердили у всех на глазах.

Поначалу на сцену со своими сплетёнными пальцами вышло много народа. Но постепенно гипнотизёр многих забрал и вернул в зал, оставив нескольких самых внушаемых. Ох, и поиздевался же он над ними! По его приказу они собирали и нюхали воображаемые цветы, читали книги, плакали и смеялись от «прочитанного».

Аришка и Юля смотрели и недоумевали, это правда, или их соучащиеся хорошие артисты, в сговоре с гипнотизёром и дурят всем головы. Был и третий вариант, что студентки на сцене дурят головы не только зрителям, но и самому гипнотизёру, а он наивно думает, что это он всемогущий, а они просто подыгрывают по причине... например, неудобно гипнотизёру открыть глаза на то, что на самом деле у него ничего не получается.

Словом, истина где-то рядом, бегают по сцене, порхают в виде бабочек и вытворяют другие чудачества. С их группы – никого, все почему-то оказались гипнозостойчивыми. Поэтому, выяснить, в чём там дело будет не так просто.

Наконец, осталась одна девчонка. С воображаемым мужем она демонстрировала разные сцены семейной жизни. Иногда даже те, которые не следовало выносить на широкую публику. Дошло до того, что в ответ на слова гипнотизёра: «смотри, муж пьяный пришёл, весь в губной помаде», она

сплошными матами заорала на этого «мужа» и стала с ним драться. Тут уж весь зал отвернулся от сцены и повернулся в сторону административного ложа, посмотреть на реакцию завуча. Завуч сидела не шевелясь. Даже как-то окаменев.

– Да ну, Ариш, мне кажется, что она не играет. Не стала бы она так рисковать, матами орать при учителях.

– Ага, наверное.

После к той девочке подослали послов из группы выяснить, что и как. Она сказала, что ничего не помнит. Но осадочек сомнений остался. Как-то не верилось, что такое можно сотворить с человеком.

На каникулах Аришка по-прежнему приезжала в деревню.

Время от времени и там забирали ребят, Аришкиных друзей, в армию, и народ веселился на проводах. Как-то не грустилось, хотя разлука предстояла долгой – два года. Однажды провожали старшего брата Жмуровых – Костю. Вечером деревня долго не спала. Только уж бабушка старенькая лежала на печке одна, а Аришка вместе с другими отплясывала, веселилась и ни о чём не волновалась. А между тем неприятность уже нависла тёмной тучей над её головой и гром приготовился грянуть.

Плоха та деревня, в которой не найдётся гармониста, чтобы развлечь людей на деревенских праздниках. Но пока Рябинки до такого не докатились. Гармонистом был человек приезжий, муж Инки Талалаевой, по имени Митя.

Так вот, в разгар танцев, когда он задорно наигрывал весёлые частушки, а Аришка, хоть их и не пела, но очень даже танцевала, Митя вдруг, почти не останавливая свой музыкальный инструмент, протянул руку и схватил Аришку за грудь.

Если бы Аришка в тот момент хоть минутку бы поразмышляла, то неизвестно, как бы она ответила на такую дерзость, в её глазах это было и есть оскорбление. Возможно, она отошла бы куда подальше и постаралась не допускать

сближения с Митей на вытянутую руку. Но это, если бы Аришка подумала. А подумать она не успела, потому что мозг сразу дал команду – в морду. И она треснула Митю по лицу.

И сразу наступила зловещая тишина. Митя перестал играть, все на какое-то время замерли, а потом одна из присутствующих бабушек вдруг заголосила-запричитала:

– Ой, это ж надо! Гармониста по морде!

Её вопли подхватили другие старушки. Обстановка накалялась по нарастающей. Аришка растерялась. Такого от почтенных бабушек она не ожидала. Думала, уж кто-кто, а они будут на страже порядка и целомудрия, а тут такие вопли.

Митя бледнел и багровел, он всё больше и больше чувствовал себя незаслуженно обиженным и оскорблённым. Митины друзья – молодые мужики оскорбились за компанию. Это, мол, что такое, если нас, таких бравых и здоровых каждая девка-сопелка будет за каждую мелочь бить, так и нафиг тогда такое веселье. Назревала драка. И, если бы можно было бы драться с Аришкой, драка была бы в самом разгаре, но с кем драться?

Андрей стал рядом с Аришкой. Потом потянулись другие: Вика, Юра, Вовка, сам Костя, Аня Галдина. Получились две небольшие стеночки – здоровые бугаи и молодые пареньки и девушки, почти подростки. И вдруг, напряжение спало, здоровые бугаи отступили. Веселье продолжилось. Правда, Аришку теперь держали в некотором кружке, да и она сама

не собиралась из своеобразного убежища носа высовывать.

На следующий день всей своей маленькой стеночкой поехали провожать Костю в Маковское, потом в Брянск.

А в момент описания данных событий, Аришку посетила вдруг мысль, а что, если Мите, как и ей, мозг не дал возможности подумать, а увидев Аришкину молодую фигуру, просто скомандовал руке: «Взять!»

На ноябрьских праздниках Аришка и Юля запланировали поездку в Ленинград. Было к кому. Аришкина подружка Вика там живёт. Правда, ехать почему-то решили без предупреждения. «Позвоним на домашний сразу на месте. Там и сориентируемся, как доехать до нужного адреса». Может, боялись, что откажут?

А вот денег почти не было. Тут уж Юля проявила смекалку. Позвонила папе и рассказала милую историю о том, что все девочки группы решили съездить на экскурсию в замечательный город. Но билеты решили брать каждый сам себе.

– Возьми, пожалуйста, два: мне и подружке. Туда и назад. И папа взял. Правда, в общий вагон.

– А потому что праздничные дни, всё уже продано, девочки, надо было раньше говорить.

– Ладно, сойдёт.

Из Дубровска выезжали втроем: Аришка, Юля и Маша. Маше выходить где-то в середине пути. Она – домой, Арише и Юле до Брянска.

Как всегда опаздывали, неслись, как сайгаки, в автобус запрыгнули, чуть ли не на ходу, поэтому без билетов. Но это была не проблема. Если места были, можно спокойно сидеть, а билет купить на промежуточных станциях по дороге. Так решили и сделать.

Автобус был полупустой. но девочки, дабы поместиться втроём, уселись на самых задних местах, что тянулись во всю ширину. Аришка заняла место у окна, но вскоре пожалела, потому что какая-то коварная струйка стекала с влажных стёкол по стене автобуса и незаметно кралась к её новым джинсам. Кралась, кралась и подкралась. Раскрасила джинсы на бедре замысловатым узором. И тут только Аришка заметила эту подлянку. Подскочила, громко возмутилась, поделилась своими переживаниями с подругами. Подруги очень хорошо понимали эти переживания. Во-первых, джинсы стирать в тазике – не самое приятное занятие, хотя «стирать», в принципе, приятным занятием не назовёшь; во-вторых, при чём тут стирать, если предстоит дальний путь, в чудесный Ленинград, а гости северной столицы будут такие неряшливые. Но ничего не осталось делать, как только отодвинуться подальше от обманчивых окон.

Но Юля предложила более приятный вариант. Сверху, над головами, были автобусные полки, а на них лежали свёрнутые рулонами маты или небольшие матрасики. Возможно, это был материал для ремонта сидений. Вот их-то и решили подложить под девичьи наглые задницы. Сказано-сделано, стащили маты. Размер оказался идеально подходящим, уселись. И приятно, и безопасно. Теперь, если коварная струйка захочет вновь пуститься в своё незаконное путешествие, закончит его она в матрасном нутре, к радости Аришки.

Где-то в середине пути автобус остановился, и водитель,

не заглушая двигателя, стал что-то кричать. Слов было не разобрать, но когда все пассажиры вдруг стали смотреть поочередно то на водителя, то на них, они поняли, что обращаются по их адресу:

– Билеты, что ли? Мы в Утах возьмём, в Утах!!! – громко пытались успокоить водителя, неправильно разгадав причину внезапного интереса всех присутствующих.

– Маты верните на место, – завопил вдруг водитель очень громко.

Девочки встали. И под пристальными взглядами всех пассажиров, под строгим контролёрским вниманием шофёра, водрузили всё на место.

Маше было стыдно. Аришка не очень поняла, а что тут стыдного. Ну, взяли маты, потом вернули на место. Юля хихикала.

Вскоре Маша с большим удовольствием покинула и автобус, и подруг.

Когда Юля и Аришка вошли в рабочий кабинет Юлиного отца, чтобы забрать билеты, тот разговаривал по телефону. Мельком взглянув на них, он махнул рукой в сторону дивана и продолжил разговор. Девочки сели и прислушались.

– Да-да, Светлана Георгиевна, понимаю.

Девочки насторожились. Так звали их завуча. Ту самую, что когда-то махала Аришке рукой, когда она в трусах и лифчике стояла на крыше. Стали слушать дальше.

– Да, Юля – девочка неглупая. Конечно, надо заниматься. Девчонки приуныли. Как это всё не вовремя.

– Плохое влияние? Понимаю. Это же естественно. С кем поведёшься, как говорится... – папа взглянул на Аришку.

Дальше слушали не очень внимательно. Во-первых, потому что разговор всё длился и длился. А потом, похожие разговоры они уже слышали. Поэтому, просто набрались терпения и ждали, когда взрослые наговорятся.

Но это было лишь начало. Когда папа положил, наконец, трубку, он явно ещё не всё сказал.

– Юля, дочь, сейчас я разговаривал со Светланой Георгиевной К-ной, она очень недовольно твоим поведением. И, кстати, твоим, Ариша, тоже. Оказывается, вы...

Дальше шло всё знакомое. Аришка слушала, время от времени украдкой бросая взгляд на часы в кабинете. Как бы

не опоздать на поезд, как вдруг:

– Поэтому, я не могу поощрить вас поездкой в Ленинград. Юля, я не разрешаю тебе ехать, потому что...

Это прозвучало неожиданно. Казалось, вот-вот, немножко, и они окупятся в новый мир. Оказалось, что казалось. Разочарование было слишком велико.

Папа всё ещё продолжал свою речь, а Аришка пыталась вернуть душевное равновесие хоть немного на место. Но не получалось. «Вот так папа. Лучше бы мы взяли билеты без его помощи».

– Папа, – подала голос Юля, – хорошо. Я поняла. Ну, что ж, дай, пожалуйста, билеты. У нас не все девчонки смогли их достать. Мы, хоть им отдадим.

Аришка с сомнением посмотрела на подругу: «Что она мелет? Какие девочки? О чём она?»

– Хорошо, Юля. Не огорчайтесь, девочки. Уверен, что вы правильно всё поймёте, когда как следует поразмыслите над своим поведением. А чтобы вас как-то утешить, возьмите конфеты, угощайтесь.

И он протянул коробку «Птичье молоко».

Девочки встали. Папа отдал Юле билеты. Зачем? Аришка взглянула на время: «Ах, подумать только, поезд скоро уедет, но без них. Плакать хочется».

У самых дверей папа снова их задержал.

– Юля, хочу сказать ещё немного...

Казалось, он не хочет с ними расставаться. Аришка при-

слонилась к дверному косяку, она почувствовала, как ей срочно надо в туалет. Юля продолжила затянувшуюся беседу.

Когда они вышли на улицу с конфетами под мышкой, было ощущение, что у папы в кабинете они провели много-много времени, что, кстати, не так далеко было от истины.

– Юль, я в туалет хочу.

– Потерпи, мы на поезд опаздываем.

– А? А? Аааа...

– Чего тормозишь? Поезд уходит через несколько минут, а нам до него ещё добираться и добираться. Вон, кстати, троллейбус наш. Побежали.

Аришка поняла, что в туалет она сможет сходить и в поезде. Если успеют, конечно. И если дотерпит, естественно. Времени было в обрез.

В свой вагон они вбежали, когда до отправления оставалось около минуты. Пройдя его вдоль, они разочаровались, народу многовато. Им же не хотелось сидеть среди людей. Аришка поспешала в туалет. Но на остановке нельзя. Сели на ящик, который стоял напротив туалета. Вскоре поезд тронулся. Девочки заулыбались – получилось!

Совсем недавно Аришка спрашивала у Юли: помнишь? Она ответила:

– Бедные мои родители!

На том же ящике они и расположились надолго. Конечно, не самое приятное место, зато хоть какое-то уединение.

Когда уплетали конфеты «Птичье молоко», Аришка поинтересовалась:

– Юль, а что подумают твои родители. Они же тебя, наверное, будут искать.

– Догадаются. Ну, сама подумай, куда я могла ещё деться, кроме Ленинграда?

Больше к этой теме не возвращались.

Вскоре на двери обнаружили объявление, что в одном из вагонов устроен кинозал. Желаящие могут его посетить. Цена билета приемлемая. Вау!

И вскоре уютно устроились в креслах кинозала. Аришка смотрела кино и время от времени отдёргивала штору, что-

бы выглянуть в окно и напомнить себе о путешествии. Было так приятно! Она и Юлю толкала в бок, чтобы с ней разделить эту радость. Юля понимала Аришкино состояние без лишних слов, потому что и сама испытывала то же.

Поздно ночью вернулись в свой вагон, чтобы найти себе место для ночлега. Оказалось, что свободна лишь вторая полка и то одна. Разделись, чтобы максимально сузить свои фигуры, легли вальтом.

Всё это время у Юли, оказывается, были мокрые ноги. И теперь носки, которые торчали совсем у Аришкиного лица, нещадно воняли. Аришка терпела, морщила нос, однако же – невозможно. Пришлось вонючки укутывать своей курткой. Всё, можно спать.

Поздно ночью Аришка проснулась от того, что кто-то её толкает в попу.

– Детонька, упадёшь сейчас. Подвинься немного.

Аришка едва взглянула на разбудившую её женщину, но подвинулась.

Ленинград ошеломил своим великолепием. И это они ещё с вокзала не выходили!

К Вике решили обратиться позже, сначала по городу надо было погулять. По схеме метро выбирали станции с интересными названиями, туда и направлялись.

Видели весёлых кришнаитов. С музыкальным сопровождением они направлялись в загадочную даль. Аришка и Юля немного прошли следом, жадно разглядывая их необычный облик. Надо же! Интересно, что происходит в их внутреннем мире? Куда направляются? Вот бы к ним в компанию.

Наткнулись на панков. Один – красавец, привлёк их внимание длинным пёстрым гребнем. Долго с улыбками умиления рассматривали это чудо. Захотелось и себе такие же.

Искали глазами проституток. Очень любопытно посмотреть, как они выглядят. Казалось, они должны кардинально отличаться от обычных людей. Вика рассказывала, что стоят они обычно, согнув одну ногу в коленях, и вертят на пальце ключи. Это как условный знак для потенциальных клиентов. Но никого похожего на проституток не было видно.

Уже вечером в подземном переходе чуть не нарвались на неприятности. Сидели на каком-то выступе у бетонной стены, наблюдали за скользящей мимо них жизнью, и не сра-

зу поняли, что частица этой жизни уже ведёт наблюдение за ними, пока не услышали:

– Вставай, с...а, сейчас ...я ... тебе....

Перепуганно обернулись на мат: к ним подходили несколько пьяных парней, один из них, какой-то потрёпанный и поцарапанный обращался явно к Аришке. Замерли. Аришке стало страшно. Опять нелёгкая кого-то к ней принесла. Похоже, ударит... Но поцарапанный постоял, посмотрел, потом нагнулся к лицу и прошептал:

– А ты киска, – и пошёл дальше. Его друзья за ним.

Решили убраться из подземелья от греха подальше.

На улице уже было темно. Вдруг откуда-то навстречу повалила толпа народа. Заволновались. Где-то явно происходило что-то интересное. Пошли наперерез толпе, спросили, что случилось и как туда добраться. Оказалось, на одной из площадей только что закончился концерт на открытом воздухе, многие звёзды выступали. Эх, вот незадача. Всё же решили на площадь сходить, вдруг какая-нибудь звёздочка задержалась. Но нет, не повезло. Рабочие разбирали аппаратуру. И не видать ни одной звезды.

Пора было звонить Вике.

Через пару дней Вика провожала девчонок на поезд.

Когда подходили к своему составу, закрались смутные сомнения, когда же вошли в свой вагон, сомнения развеялись – тот же самый поезд, тот же самый вагон. Сразу прошли к тому же самому ящику и уселись вновь возле туалета.

С любимой подругой всегда приятно и время бежит быстро. Но сейчас ситуация была не самая радужная, потому что вскоре страшно захотелось есть.

Девчонки в дорогу ничего не купили, по той причине, что финансовые средства иссякли. Осталась какая-то мелочь, на которую можно было только буханку хлеба купить.

– Блин, Ариш, дурочки мы. Надо было хоть хлеба купить.

– Не говори. О чём думали?

Голод усиливался.

– Ариш, давай пройдемся по поезду.

– Пошли.

Прошлись. Интересно было наблюдать за путниками, пусть и поверхностно. Вернулись к своему ящику. Он оказался занят. Какой-то мужчина, увидел их, вскочил:

– О, девчонки, это ваши места. Я ухожу уже.

Юля с Аришкой прыснули: «Наши места!».

Смешной дядька. Вдруг Юля заявила:

– Скажите, у Вас нет хлеба? Мы бы купили немного.

– Есть. Только с тмином.

Какая разница! Хоть с тмином, хоть без тмина. Есть хочется, тут не до вариантов и выбора.

Оказалась – огромная разница. Аришка не смогла есть. И как это понять, что эти маленькие коричневые зёрнышки испортили полностью вкус. Хлеб даже не ощущался. Один несъедобный тмин. И как не оголодала, отвергла такую пищу, хоть в еде никогда не отличалась привередливостью.

Юля же проглотила с огромным удовольствием и свою часть, и Аришкину.

Ночевать решили попроситься в знакомый уже кинозал. Там парни, заправляющие этим делом, оказались добродушные и пустили девчонок. Аришка с Юлей, сидя где-то в самом конце вагона, подальше от экрана, и заснули. Утром на станции «Брянск» ребята их еле добудились.

И вот оно, возвращение на родину. До автовокзала добрались кое-как, возможно зайцами, в памяти детали стёрлись. А с Брянска до Дубровска надо билеты покупать. Оглянулись вокруг. Воскресенье, студентки съезжаются на места учёбы. А вон и знакомая. С какого-то другого курса, но учится в пед. Подошли, попросили в долг. Сегодня же в общаге вернём. Та дала.

Есть ли границы легкомысленной беседы с подругой, когда речь идёт вроде и не о чём, но всё же очень интересно. У Аришки с Юлей эти беседы бывали весьма увлекательны. Настолько, что однажды, сидя на лавочке железнодорожной платформы, поджидая пригородный поезд, Юля в этот день провожала Аришку, они так увлеклись беседой, что опомнились только тогда, когда поезд давно ушёл.

Вот и сейчас они повторили тот же номер. С таким трудом возвращение домой (в общагу) было почти сорвано, когда вволю наболтавшись (не хватило, видите ли, времени на это дело, пока сидели на ящике возле туалета), они взглянули на часы и ахнули. Автобус уже ушёл. Недавно, минут пять назад. Изумлённые, они взглянули друг на друга: «Как так? Мы что, дуры?» Но времени размышлять над этой проблемой не было совсем. Надо было попытаться что-то исправить.

Так как время вспять вернуть они не в силах, решили

попытаться догнать автобус. Вспомнили, что на выезде из Брянска водитель всегда уходит на автобусную мини-станцию по своим водительским делам и отсутствует минут пять. Этой задержкой в пути можно воспользоваться. Рванули к такси. В ряд стояло несколько машин в ожидании клиентов. Правда, совсем не таких, как Аришка с Юлей. Те выгребли из карманов всю мелочь, что осталась после покупки билетов. Да уж. Трясти мощной, не перетрясти. Предложили одному водителю, другому. Вы, мол, всё равно стоите, а тут какой-никакой, а всё ж заработок, а нам недалеко, до телецентра, автобус догнать. Но водителям такие заработки оказались нафиг не нужны.

Девушки после неудачных попыток соблазнить своими копейками всех водителей сразу и поодиночке, стояли совсем растерянные. Планы пока все закончились. Но тут один таксист не выдержал, завёл машину:

– Поехали.

Аришка с Юлей мигом уселись. Протянули деньги. Тот не взял. Такая сумма не представляла, видать, никакой ценности.

Через несколько минут подъехали к телецентру. Увы и ах! Автобус уже ушёл. Водитель высадил их и уехал. Расстроенные, сели на лавочку. Что дальше? А фиг знает.

– Девчонки!

Посмотрели! Заулыбались! Такси вернулось!

– Садитесь, будем догонять ваш автобус.

Догнали на Выгонической станции. Там тоже стабильная пятиминутная остановка. Довольные зашли в автобус, чуть ли не размахивая билетами, прогнали безместных пассажиров, которые заняли их пустые сиденья, пока хозяйки отсутствовали и ... поехали.

В Дубровске увидели хлебную машину, водителя, который разгружал ароматные изделия, купили прямо у него буханку хлеба, мелочи хватило. И по дороге в общагу сгрызли её подчистую.

Вечером рассказывали всем одноклассницам о своих приключениях. Был полный аншлаг. В отдельных местах публика неистовала.

«Пришла пора, она влюбилась...» – так, кажется, у поэта?

У Аришки и девчонок не так. А всё хитро, неуклюже и кувырком. Впрочем, у Татьяны тоже было далеко не радужно. Может, такова она есть по сути любовь человеческая.

Риту частично потеряли ещё на первом курсе. Любовь, похоже, вытягивала из неё все соки.

«А ножки тонкие, а жить так хочется...» – невесело напевала Аришка, глядя на, действительно, худющие ноги подруги.

Мысли Риты всё время кружились вокруг их с Прохором сложных отношений и накручивали, накручивали новые сложности.

Это был для Аришки удивительный пример, как красивые молодые влюблённые никак не могли стать счастливыми.

Причиной раз, по Аришкиному мнению, было Ритино желание впихнуть Прохора в рамки воображаемого принца, образ которого сложился ещё в детстве и стал идеалом мужчины на долгие-долгие годы. Прохор же в те рамки никак не вписывался.

Причиной два – излишняя доброта Прохора. Там, где надо было сказать твёрдое: «Нет, девушка!», он прогибался под сильным Ритиным характером. Мечтал же он родить десятых детей, но своего первого и, получается, единственного

общего ребёнка, который уже был, не родили. Это и стало, возможно, началом конца их отношений.

У Юли дела на любовном фронте шли динамичней. К ней пока никто из парней не подступал, и она сама стала смотреть по сторонам, выбирая, в какую сторону начать атаку. Выбрала. Симпатичный парень Павел, играл в студенческой музыкальной группе, серьёзный и целеустремлённый.

«Перспективный» – поняла Юля и не ошиблась. *В настоящее время он успешный бизнесмен в Москве.*

Юля стала действовать. Перво-наперво, украла его фотографию с доски почёта. Аришке пришлось стоять на стрёме. А потом стала писать ему анонимные письма. Конверт же подписывала всегда одинаково зелёным фломастером. Потом тот конверт вкладывала в соответствующую ячейку, где разложенные в алфавитном порядке лежали письма для всех студентов.

Такую интригу развела в своих посланиях, рассказывала, где, когда и с какого ракурса она сегодня, вчера и так далее за ним наблюдала, что он делал и с кем говорил, что бедный Павел офигел. И влюбился, по всем приметам. Во всяком случае, так подсказывало девичье воображение.

А потом возбуждённая Юля ворвалась после перемены в аудиторию и, страшно взволнованная, рассказала Аришке, что только что раскрылось её авторство. Шла она, значит, по училищному коридору, безмятежно помахивая конвертом в руках, сложенных за спиной, а следом за ней шёл Павел, уви-

дел знакомый фломастер и всё понял. Перепуганную Юлю спас звонок на урок.

Вот так начались их отношения. А закончились в скором времени по инициативе самой же Юли. Скучно ей стало, захотелось вновь опробовать своё умение завлечь нужного парня. И она вновь посмотрела по сторонам... Похоже, Юля стала готовить себя на роль роковой женщины.

В завоевании парней ей сопутствовал несомненный успех. И вскоре стала она их менять, как перчатки. А вот расстаться по-мирному, как с Павлом, не всегда удавалось. Самым тяжёлым расставанием было с Карлушей. Местный самолюбивый парень не привык, чтобы девочки его бросали. Поговаривали, что он ещё и начинающий наркоман был. Короче, он и с ножом в руках пытался договориться с Юлей насчёт продолжения их любви, и без ножа. Закончилось для него тюрьмой, для Аришки сотрясением головного мозга, ну, а своей любимой он нос слегка повредил.

В тюрьму же он сел после того, как Аришка в тяжёлом состоянии на «скорой» поступила в больницу, главврач сообщил директору педучилища, а тот заявил в милицию. На суде с девочками был Юлин папа. Он защищал и поддерживал их, как мог.

На последнем курсе Юля положила глаз на Лёшу – добрейшего парня, студента того же педучилища, но физкультурного отделения. Лёша был частым гостем у них в комнате, его все любили, его невозможно было не любить (есть та-

кие счастливики), но чаще, как друга. У Маши с ним стали складываться романтические отношения. Возможно, это была бы хорошая пара. Но тут вмешалась начинающая роковая женщина. Она навела прицел на Лёшу, и тот не заметил, как влюбился по уши. Но остался человеком. Неизвестно, как они разрулили всё это с Машей, но и они остались друзьями.

Аришка много позже удивлялась, ведь Машу, по сути, бросили, но ни единой жалобы от неё не услышали, она по-прежнему была дружелюбна и ласкова.

А Юля рядом с сильным и спокойным Лёшей и сама немного успокоилась. На какое-то время.

У Аришки же с парнями ничего не получалось.

Все каникулы Аришка проводила у бабушки. Но теперь центром её деревенской жизни были не сад и козы, не Витькина конюшня и лес, а Вика, вечерние и ночные гуляния, сельские клубы (в Рябинках клуб закрыли, но оставались ещё Болушево и Сорино) и дискотека. Мальчишки оставили своих коней, обзавелись мотоциклами, девочки красивыми причёсками и романтическим блеском в глазах.

Впрочем, этот блеск не всегда озарял девичьи лица. В рябиновской компании, где все свои, они оставались весёлыми, беззаботными и дружными, здесь романтический блеск был не совсем уместен. Рябиновская компания – это Андрей и Аришка, Аня Галдина и Вика, Вовка и Рая Окуневы, Костя и Юра Жмуровы, Стёпа Годунов и другие.

Некоторые из ребят уже получили водительские права и стали работать на машинах. И эти машины они без зазрения совести заимствовали из рабочих гаражей и по вечерам катались, как на собственных.

На работе ребятам выдавали транспорт из тех, что не жалко. Вот и Серёге Воробьёву выделили грузовую бортовую. Она гремела, гудела и лязгала всеми своими металлическими запчастями, но это было не важно. Главное, что она была, и теперь можно было кататься и по делу, и без дела. Ребята набивались и в кабину, и в кузов. И там, и там свои плюсы. В

кабинке весело, тесно и вечные шутки. Наверху свежий ночной воздух, возможность какого-то уединения.

Аришка и Вика неразлучны. Всё свободное время вместе. И теперь они вдвоём на верху машины. Девочки со смехом оглядывают прошедший день и свои, несколько часов назад приобретённые, кудряшки.

С утра побывали в Маковском. Там бродили по магазинам, больше рассматривали красивые вещи. Купили кое-что из мелочи, на что хватило мелочи.

Зато сделала химию – химическую завивку. Рискнули, так как эта штука остаётся надолго. Прогадали, потому что не пошло ни одной, ни второй. И вот теперь всеми заколками и резинками пытались усмирить неистовое буйство на голове. Зато было весело.

Вечером рассказали ребятам особо интересные моменты из сегодняшних приключений: как дурно пахнет эта химия, запах стоит уже на подходе к парикмахерской; как Аришка сидела под гудящей «центрифугой» и горячий воздух приятно обдувал её голову; как Вика оказалась неожиданно прикольной и похожей на симпатичную девчонку-африканочку, когда голова её была покрыта мелкими бигудями, из ушей заодно торчали золотые колечки, и она, сама в зеркале отметив сходство, повернулась к Аришке и стала смешить её, растопырив пальцы веером и вертя головой, как в мультике «Чунга – Чанга»; как вошла в парикмахерскую женщина, и девчонки сразу поняли, что это тётя Зина из КБО, хотя ни

разу её не видели, зато слышали, что эта тётя Зина необъятных размеров и сидит на двух стульях сразу; как потрясённая Аришка зашептала Вике, что это та самая тётя Зина из КБО, а Вика округлила в ужасе глаза, но не от тёти Зины, а от Аришкиного шёпота, потому что он шёпотом казался Аришке, окутанной гудением сушилки, а для окружающих он был далеко не шёпотом, и все всё ясно слышали, даже тётя Зина. Всё это и многое другое рассказали, а потом полезли в кузов Серёгиной машины за новыми приключениями. Кабинка уже была забита под завязку.

Серёга завёл свой автомобиль и тронулся в, пока ещё непонятном, направлении. Но это было и не важно, вечер – ночь длинная, всюду успеют. Девчонки с удовольствием подставили лица приятно-прохладному ночному воздуху, ухватились руками за удобный борт, и смотрели поверх кабины на освещаемую фарами дорогу.

Серёга завернул в лес. Что ж, давненько там не были, а в ночном лесу – ооочень давно. Крутились, вертелись по лесным дорогам, остановились возле Колдыбани. Аришке стало не по себе, детские страхи, оказывается, никуда не уходили, ждали – дожидались подходящего момента. Но всё же держалась, понимая, что не следует нагнетать обстановку. Здесь собрались люди впечатлительные, у всех свои закрома памяти полны своими страшилками.

Вот, например, недавно Анька Галдина засиделась со своим парнем Геней в Анькиной летней кухне, и такого страху

натурпелись!!!

Анька рассказывала:

– Сидим мы, слышим шаги приближаются к двери. И очень громкие. И по мере приближения становятся всё громче и громче, просто оглушительные.

По Анькиным словам, так никто не ходит, во всяком случае, таких ходочков ни Анька, ни Генка не знали. И вот, когда по звуку стало понятно, что сейчас дверь откроет некто приблизившийся и страшный, Анька завизжала на всю округу. И... всё пропало. Немного погодя они рванули к остальной честной компании, чтобы предупредить о ходячей по деревне опасности, заодно и самим отойти от шока.

Остальная честная компания мирно спала на ничейном чердаке. Это у честной компании вошло уже в привычку спать вместе. Первоначально получилось всё совершенно естественно, когда после вечерних и ночных прогулок, наступила пора немного умерить пыл. Обнаружился чердак, набитый соломой, где и улеглись все. Спать никто не собирался, все общались, потом затихли разговоры, но вставать было неохота, казалось, немного вздремнём, и со свежими силами пойдём домой досыпать. Но прилив свежих сил так и не наступил. Вовка Окунев на рассвете еле растолкал всех. И сонные, продрогшие, все в соломе, шли, зевая, по деревне под осуждающие взгляды соседусшек, которые уже хлопотали по своим хозяйствам.

И с той поры очень часто ночи проводили под одной кры-

шей, в соломе, но совершенно невинным образом. И знали же, что на рассвете вставать тяжело будет, но всё равно оставались на чердаке.

А Анькин рассказ про непонятого ходока, конечно, взволновал всех, но не особо удивил. Ночью часто случается непонятное.

Аришка не вовремя вспомнила эту историю, стоя в кузове грузовика и нервно вглядываясь в тёмный лес. В кабине народ тоже притих. Но, всё спокойно, кажется. Девочки уж и расслабляться стали, надеясь, что всё будет хорошо и дальше, когда неподалёку раздался страшный и протяжный вопль.

«Человек? Животное?» – головной мозг желал и в этих условиях разгадать непонятное и объяснить всё логически, а девчонки, не обращая внимания на неуместное любопытство головного мозга, повиновались инстинкту и змеюками вползали в раскрытые окна кабины, каждая со своей стороны, а навстречу им вытягивались множество рук, затаскивая их внутрь.

– Серёга, заводи!

Серёгу не пришлось долго упрашивать. Кто-то проворно вертел ручками, поднимая стёкла, и машина довольно быстро помчалась по лесной дороге, задорно подпрыгивая на ухабах. В кабинке сидели, может быть, нижние лежали, короче, один на другом. Каждый старался побереечь свою голову, остальное, как получится. Нормально получилось, все жи-

вы – невредимы добрались до населённой части своей малой родины, где было не так страшно. Хотя, как сказать.

Следующим летом Вика долго не приезжала.

Аришка познакомилась с парнем. Его звали Олег. Это был спокойный, добрый юноша. С ним было весело и хорошо.

Аришка и Олег стали встречаться. Причём, отношения стремительно развивались и за короткое время преодолели несколько стадий. Аришка даже познакомилась с мамой Олега и была несказанно удивлена, когда почувствовала со стороны этой женщины к себе большую симпатию.

Всё казалось стабильно, надёжно и крепко. А Аришка почувствовала какую-то скуку. Слишком гладко получается, без сучка, без задоринки. Чего-то явно не хватало.

Нет, конечно, не хватало Вики. Аришка своему парню все уши прожужжала про свою любимую подружку, всё не терпелось их познакомить.

– Как-то идёт мы с Викторией в Болушевский клуб. На подходе к деревне догнали стадо гусей, те шли гуськом друг за другом. Мы с Викторией пристроились в их компанию, тоже гуськом, и так все вместе вошли в Болушево, долго шли, пока те к своему двору не повернули. Мы тоже хотели повернуть, но там стояла хозяйка с хворостиной и на нас подозрительно глядела. Мы не рискнули.

– А как-то Инка Талалаева попросила нас с Викторией за неё коров подоить утром. Ей надо было в Брянск ехать, а заме-

нить некому. Мы решили, чтобы не проспать, всю ночь не спать. И вот пришли на ферму раньше всех доярок. А толку! Ходили, как сонные мухи. Одна корова смахнула своим копытом присоски прямо в навозную жижу, а аппарат продолжил всасывать это добро в бидон с молоком. Пришлось полный бидон молока выливать. Инка потом удивлялась, какие мы неумехи, мало надоили.

– Один раз пошли в клуб в Болушево. Все тогда пошли, кроме Андрея. Он что-то не захотел, остался дома. А в клубе какой-то парень на автобусе из Лосевки. Пообещал нас до Рябинок довезти после дискотеки. И вот – поехали. Он сразу не туда свернул, потом ещё поворот пропустил, а потом привёз нас в Лосевку, мол, извините, так получилось. Ладно, вышли. Что делать? То ли пешком через Неруссу, то ли подождать до утра и на рабочей машине доехать. Решили ждать, тем более, что до утра недолго. Ждём, ждём. Вот и утро, а рабочей машины всё нет и нет. А потом Вику осенило – суббота ведь наступила. У рабочих выходной. А мы как вышли из дома в пятницу, так и всё думаем, что пятница. Пошли обратно через Неруссу. Проходили мимо моего дома. Мой дом как раз на окраине Лосевки. Меня спрятали в серединку, чтобы мамка случайно не увидела. А Андрей тогда вообще не понял, куда мы все подевались, ушли в клуб – и не вернулись. Мы ему потом объясняли, что возвращались не напрямик, а через Лосевку. Вот хохотали!

– А в восьмом классе на зимних каникулах мы повесели-

лись. Вика тоже приезжала. Новый год вместе отмечали. Мы с девочками до двенадцати в клубе были, а ребята на стол накрывали у Мишки. Его мама на ночь куда-то ушла. Ох, и хорошо сначала было, уютно. Потом ребята соринские приехали. Денис с Юркой подрались. Денис говорит, что он меня любит, а Юрка говорит, что он меня тоже любит. Я хотела их как-то примирить, потом махнула рукой. Нет, мне Юрку было больше жалко.

– Зато на следующий день я проснулась вся в красных пятнах, и голос все каникулы был хрипатый, как у Высоцкого. Потому что водку холодную попробовала. Первый раз. А днём ребята взяли лошадку у Витьки Быкова, и мы на санях катались. Я говорю: «Дай мне вожжи, Костик, я буду править». Он дал. И только дал, там, понимаешь, дорога спускалась вниз, а обочина оставалась на той же высоте. И получилось, что один полоз опускаться стал вниз, а второй поехал по высокой обочине. Миг – и сани перевернулись. Стали перпендикулярно, мы, как горох посыпались, а сани вернулись в исходное положение. Нас выкинуло, как мусор из совка. Мы на земле. В шоке. Как-то быстро всё получилось. Вовка вертится на четвереньках, говорит: «Где моя шапка, никто не видел?», а Вика из-под задницы вытаскивает: «На, возьми, тут она». Сели опять в сани, поехали, я говорю: «Костя, дай вожжи». И все как заорали: «Нет!!! Не давай».

И Андрей тем летом в деревню не приезжал почти. В Лосевке у него появились друзья-подруги, не отпускали. Как

только покажется в деревне, за ним тут же на машине кто-нибудь приезжал – увозил обратно. Без Андрея всем было немного скучно. И Андрей всё ещё не познакомился с Олегом.

Наконец Вика приехала. Обнялась, расцеловалась со своей бабушкой и к Аришке прибежала. Вот и состоялась долгожданная встреча!

– А где Андрей?

– Дома, у мамки, в Лосевке.

– Пошли за ним сходим.

– Сейчас?

– Ага, сейчас.

– Пошли.

Девять километров туда, нашли Андрея, и обратно.

На обратном пути ещё и до Неруссы не дошли, как накатили фиолетовые тучи, засверкало, загрохотало, хлынули хляби небесные. Жутковато стало, спрятаться негде, взялись за руки, так и шли под сверкающими молниями, грохочущим небом и проливным дождём. Думали, что если попадёт молния, то лучше в троих сразу. Промокли до нитки. В деревню зашли – дождь закончился, по дорогам новорождённые ручьи и реки, а у дома машина – Олег поджидает. Увидел их издали – и глаз не может отвести.

Фигурка у Вики редкая. Рядом с ней многие бы девушки неважно выглядели бы. А ту все мокрые, одежда облегает, смотри и сравнивай. И взволновались все внутренности Оле-

говы, дрогнули и ёкнули. Но вовсе не от вида своей подружки хохочущей, взъерошенной и счастливой. Понял он, что сейчас состоится то самое знакомство давно обещанное.

Вечером вся компания была в Сорино. Там объединились с местными – весело.

Кто-то приехал на коне. Давненько Аришка не сидела в седле. А этот конь на дыбы вставал. Вот Аришка и попросила немного погарцевать.

Столько радостных событий в один день, а на душе вдруг тоскливо стало. Пока на коняшке каталась, оглянулась, а где же Олег? Нет Олега. А где Вика? И Вики нет. Слезла с коня, вернула хозяину, подошла к Андрею.

– Где Вика?

– К озеру пошли гулять с Олегом.

Вот и познакомились все.

Позже Олег сказал, что Вика ему очень понравилась, он в неё влюбился с первого взгляда. Что ж, немудрено. Вика многим нравится. Да далеко не всем она отвечает взаимностью. Сказать по правде, в деревне её в первую очередь привлекал Андрей. А тогда Олег и Аришку потерял, и Вику не приобрёл.

Дружба между девочками тоже дала глубокую трещину. Аришка так до конца и не простила Вику. Но что именно она не простила? Не простила, что увела Олега? Нет, конечно. Что Олег? Почти чужой человек. Аришке даже больше жаль было его маму. Но за Андрея душа её болела. За то, что он

тогда переживал. За то, что унизили его сестру. Трудно это объяснить.

Вторая обещанная история о тщеславии.

Аришка заочно училась в Брянске в университете. Как-то после учёбы осталось много свободного времени, и она, вместе с подругой Юлей, поехали в гости к Рите.

Было им уже лет по двадцать семь.

Жизнь подружек после окончания педучилища складывалась сложно и по-разному.

Маша неожиданно для всех вышла замуж за бизнесмена. Это была настолько стремительная история, что подруги с её женихом познакомились, когда он стал её мужем, то есть, на свадьбе. Получается, не рискнула Маша второй раз своим счастьем, держала подруг на расстоянии. Учителем она не работала ни дня, а с головой ушла в новую для себя сферу – муж открыл для неё всю прелесть бизнеса.

Рита тоже вышла замуж, нашла свою новую семью.

Её избранника звали Валера. Он хоть внешне и напоминал принца, но оказался не идеал. С одной стороны – красавец, высокий, душа любой компании; с другой – вечные авантюры, полубандитские разборки и бабы на уме. И свекровь с ними же стала жить. Рита сначала обрадовалась, что теперь и у неё будет мама. Всё ей казалось, что мамы – это особые существа, почти небожители, но оказалось, что эта мама только для Валеры, а не для неё.

Юля рассталась с Лёшей. Это было тяжёлой травмой для Лёши. Даже спустя многие годы он продолжал с нежностью вспоминать её. Это была тяжёлая потеря и для Юли, но вынужденная. Она поверила своей маме, что так будет лучше.

– За кого? За кого ты собралась замуж? Лёша!!! Лёша хорош был в училище, а для жизни нужен серьёзный, перспективный молодой человек. Вот, посмотри, пожалуйста, на Дмитрия. Молодой начинающий юрист. Ты ему нравишься. Всё, забудь про Лёшу.

Юля не сразу сдалась. Пришлось матери признаваться в чувствах, хотя и было неловко говорить с ней столь откровенно.

– Какая любовь? Любит она, видите ли. Что толку от такой любви? Приеду к вам в гости, и стула не найдётся, чтобы мне было где сесть. В нищете куда только любовь денется. Всё, разговор закончен. Тут и говорить нечего. Иди лучше приведи себя в порядок, в парикмахерскую сходи, вечером придут тётя Люся с Димой.

Послушалась Юля, бросила Лёшу, вышла замуж за Диму, но ни богатства, ни счастья ей это не принесло. Ошиблась её мама.

Аришка после училища стала жить самостоятельно. Отчим, наконец-то, выгнал. Гнал, гнал и выгнал. И Аришку, и Андрея. Андрея навсегда. Всех поразогнал, а потом и сам ушёл, бросил жену и двух маленьких мальчиков.

Аришка стала жить с Сергеем, работать в школе, потом

родился сынок. Пришло время поступать в институт, учителям нельзя без высшего образования.

И вот, подруги при первом же удобном случае решили встретиться.

С ними была ещё маленькая Юлина дочка Ангелина.

Рита жила на окраине Брянска вместе с мужем, свекровью и дочерьми.

Мобильников тогда ещё не было, предупредить о своём приезде подругу не смогли, но по этому поводу особо не парились. Риткина свекровь гостей любила, была женщиной общительной и весёлой. Муж Валера вообще не мог жить без кучи народа, вертящейся вокруг него. Ехали вечером с расчётом на ночёвку. И с этим не было проблем, дом у Ритиной семьи был далеко не маленький.

Дверь открыла маленькая дочка Алёнка и сообщила, что мама и папа на дне рождения у тёти Иры.

– Ой, да вы не переживайте, – успокоила вышедшая следом свекровь. – Сейчас я Алёну одену, она вас проводит до тёти Иры. Проводишь, Алёнушка? И вы там договоритесь, как вам дальше быть.

К дому, где отмечался день рождения незнакомой пока Иры, подходили вчетвером: Ариша, Юля и две малышки. У ворот, кстати, стоял Валера по какой-то своей надобности. Он обрадовался девчонкам и большим, и маленьким. С маленькими он не стал церемониться, погнал в дом, а вот больших задержал. Вначале расцеловал смачно в щёки, потом

немного порасспрашивал о жите-бытье, а потом все вместе вошли в дом.

Незванным гостям здесь обрадовались, Риту куда не захотели отпускать, а вот гостей позвали за стол – и никаких отговорок и слушать не захотели. Ну, Аришка и Юля особо не отговаривались, а разделись и сели за стол. Малышек отправили в отдельную комнату, где тусовались хозяйские дети.

В доме жили два родных брата вместе со своими жёнами: симпатичной темноволосой именинницей Ирой и яркой, рыженькой, немного полной Аней. А также их дети. Были они люди весёлые, гостеприимные, дружные, беды и огорчения пока обходили стороной их большой уютный дом.

Это много позже погибнет Ирин муж, который её любил и защищал от всех невзгод, а потом посыплется на неё неприятности и беды, как из рога изобилия. Это потом она и Аня станут врагами. Это потом Ирина психика пошатнётся, и она окажется на краю. Это всё и многое другое будет позже.

А пока у них было всё хорошо. И они искренне не понимали, почему у других по-другому. Да, те, другие просто нытики. А на нытиков не стоит обращать особого внимания.

Аришка с Юлей попали в расслабляющую обстановку. Вкусная еда и напитки не помещалась на столе, Ирин муж играл на гитаре. Хором пели песни. Правда, Юля не могла расслабиться. Из детской ещё в начале вечеринки выскочила немного взлохмаченная Ангелина и громко пожаловалась:

– Мама, они меня подушкой душат.

Рыжая Аня тут же ринулась в детскую, чтобы навести порядок. Вроде навела. Но Юля не до конца в это поверила, поэтому весь вечер просидела в углу стола, максимально приближенно к дверям в детскую, и в застолье принимала пассивное участие, наострив уши, сосредоточилась на шумах из детской.

А вот Аришка блистала. Такое с ней иногда случалось. Она пела, хохотала, танцевала, играла в какие-то игры, словом, отлично проводила время. В какой-то момент она весело крикнула:

– Рит, давай выпьем на брудершафт!

– Давай!

Аришка и Рита встали, сделали всё, как положено, поцеловались, и тут Аришка почувствовала, как из носа у неё потекли сопли. Осторожно поставив бокал, она поспешила в прихожую, где грудой висели пальто. Там в этой куче была её сумка, а в ней зеркальце и платочек носовой. Вот их-то надо было и достать, чтобы привести себя в порядок. В прихожей было темно. Пока всё...

...Как-то необъяснимо и постепенно веселье среди женской части собравшихся угасло. Аришка и Юля не сразу это осознали. Аришка по инерции ещё что-то веселилась, в основном, с мужиками, те, по-прежнему, были жизнерадостны. Юля заполучила назад своего ребёнка целым и невредимым и была несказанно рада. Стали собираться.

Но тут обе золовки попросили уже также почти одетую Риту на пару слов. Втроём скрылись в ванной. Аришка, Юля, Ангелина, Алёнка сидели одетые, ждали. Потом на детях немного расстегнули верхнюю одежду и ждали. Потом детей совсем раздели и снова ждали.

– Что происходит? – в недоумении спросила Аришка. На душе стало скверно.

– Не знаю! – Юле тоже было не по себе.

Мужчины давно уже разошлись. Валера, подождав немного, махнул рукой, сами дойдёте, мужа и братья тоже скрылись в глубинах комнат.

– Пойду, спрошу, – что-то подсказывало Аришке, чтобы она этого не делала, ей вдруг стало неловко. Но пошла, постучала в ванную комнату.

– Можно? Рит, ты скоро?

На Аришку глянули такие знакомые и ужасно чужие Ритины глаза. В них был арктический холод.

– Скоро.

Аришка вернулась.

– Ну что там?

– Не знаю. Разговор, по-видимому, серьёзный. Обещали скоро.

Опять стали ждать.

Наконец, вышла Рита. Стали прощаться с хозяйками. Аришке очень понравилась Ира. Понимая, что, скорее всего она её больше никогда не увидит, ей хотелось сказать ей

что-то хорошее, тем более, повод – день рождения, давал эту возможность. Но хозяйке, похоже, совсем не интересны были добрые Аришкины слова.

Пошли. Аришкино настроение продолжало портиться. Да, что это с Ритой? Совсем холодна, Аришку игнорирует, обращается только к Юле.

Желая растопить лёд, Аришка обратилась к Алёнке:

– Алёнушка, устала?

– Да.

– Хочешь, я тебя понесу?

– Да.

И Аришка взяла на руки эту худенькую девчонку, но нести её оказалось непросто, тем более, этот манёвр не возымел нужного действия. Мама Алёнки, то бишь Рита, не растаяла от умиления. Аришка уже немного шаталась от изобилия событий и добровольной ноши, но навстречу вышел Валера, буркнул, мол, где вы застряли, и забрал Алёнку.

Вскоре дом и его населяющие погрузились в сон. Все, кроме девчонок. Для них самое интересное, за чем Аришка и Юля ехали к своей подруге Рите, только начиналось. Они сидели на кухне и говорили, говорили, говорили. Конечно, посетовали, что нет рядом Маши.

Ритино странное оцепенение постепенно растворилось, и Аришка даже как-то забыла о нём. Как вдруг, в районе трёх часов ночи, Рита спросила:

– Ариш, хочешь вопрос в лоб?

– Хочу! – самодовольно ответила та, обрадовавшись, что всё внимание подруг будет направленно исключительно на неё.

– Ты с Валерой целовалась?

Аришка почувствовала, что неожиданный вопрос полетел не лоб, а куда-то под дых, сбив дыхание. Помолчала, сдержав пожелавшее мгновенно выскочить «нет». Понимала, что этот вопрос имеет под собой какую-то почву. Решила покопаться поглубже. И вдруг её осенило:

– Да! – перевела взгляд с одного ошеломлённого лица на другое и ещё больше ошеломила:

– И она целовалась, – указательный перст обвиняюще вытянулся в Юлину сторону.

У Юли красиво расширились глаза. От неожиданности она не знала даже, что и сказать. Но Аришка и не думала за своей спиной прятать соучастницу. Отвечать за содеянное – так всем. Хотя, с её точки зрения, содеянное не стоит выеденного яйца. Но раз Риту это так интересует, то пожалуйста.

– Когда? – Рита упрямо пыталась добраться до истины в этом распутстве.

– Когда мы подошли к дому Иры, Валера стоял на улице, увидел нас, обрадовался и полез целоваться. К ней, кстати, первой, – опять обвиняющий жест в Юлину сторону, – но в щёчку, – Аришка пожала плечами, мол, теперь ты знаешь всё.

Юля вопросительно посмотрела на Риту, мол, такое объяснение стодиться?

– Нет, – немного подумав, забраковала Рита, – не так. Серьёзно?

Аришка уже пришла в себя. Понимая, что копать глубже – некуда, твёрдо ответила:

– Больше никак.

Девочки молчали. Теперь Ритина очередь объяснять.

– Мне сказали. Аня вас видела.

– Подожди, подожди, – Аришка нервно зашагала по кухне взад-вперёд, – мы ведь всё время были вместе. Когда же она меня могла видеть?.. Хотя, был один момент, когда я ходила в прихожую... Да. Я пошла, потому что у меня потекли сопли, – Аришка вспоминала, повторяя действия и движения, которые происходили ранее. Девочки наблюдали.

– Да, я стала рыться в вещах, пытаюсь найти свою сумку. Было темно. Кто-то вошёл. Кто? Точно, Валера. Я сказала: «Валер, ты знаешь, где выключатель? Включи, пожалуйста, свет». Он включил. Потом... он прошёл к плите, да, точно, он взял спички, закурил. Я стояла и ждала, когда он уйдёт, хотела высморкаться. Но он что-то застрял. Я спиной к нему стояла. Потом подумала, что не дождусь его ухода и высморкалась при нём. А что? Ну и ладно. Неудобно, конечно. Да... потом я положила платок на место и ушла в комнату. А Валера пошёл на улицу. В дверях я столкнулась с кем-то. Кто-то большой, в красном... Аня.

– Точно! – Ариша всё поняла, – входит Аня в прихожую, а тут мы с Валерой резко расходимся в разные стороны, он на улицу, я в комнату. Вот она и сделала вывод.

Аришка села. Девочки молчали.

– А что она сказала? – потребовала Аришка.

– Сказала, что видела.

– Ага, видела, как же! Нет, возможно, она не сомневалась.

По себе, верно, судит. Да?

– Ну, вообще-то, она такая.

Молчали, переживали и пережёвывали. Аришке новые мысли всё приходили в голову, не давая успокоиться.

– Как так можно? На пустом месте? Так наврать! А у Валеры ты спрашивала?

– Нет, не спрашивала.

– Спроси!

– Ты что! Он её убьёт!

Аришка прикинула, заслуживает ли Аня такой кары за своё враньё. Неоднозначно. Ладно, позже об этом подумает.

Вдруг новая мысль ужалила её воображение:

– А, если бы она кольцо какое-нибудь... типа потеряла, кто-то украл, а потом в моей сумке нашли?

Девочки и тут промолчали. Что тут скажешь, сериалы все смотрели. А на что способен настоящий человек – непонятно.

– Как же я в таком случае оправдывалась бы? А?

Аришка мельком взглянула в бездну других возможных

вариантов, поняла, что состоявшийся более-менее ничего, тем более, что он прояснился, и перевела дыхание.

– Так это они тебя в ванной обрабатывали?

– Да. Я не поверила сначала. Сказала, что, может, в шутку целовались или как.

Девочки знали, что Ритины сомнения касались только Аришки. К сожалению, в Валере она не сомневалась.

– А они?

– Аня утверждала, что целовались без всяких шуток.

– А Ира? Тоже поверила? – Аришке неприятно стало, что симпатичная ей Ира так думала про неё.

– Да, – подтвердила Рита, но Аришка и сама это поняла, когда вспомнила, как холодно она с ней попрощалась.

Помолчали.

– Рит, а теперь я на тебя обиделась, – Аришка строго и серьёзно посмотрела на подругу. На, почти, бывшую подругу.

Рита и сама поняла, что дальше последует. Рита умная девочка.

– Нет, что ты поверила, это ладно. Многие бы поверили, если бы им говорили, что видели своими глазами. И что так холодна была со мной. Но ведь мы тут столько сидим. И ты всё это время «знаешь» такое и молчишь.

Тут и Юля вопросительно посмотрела на Риту. Та под перекрёстными взглядами подруг погрузилась в себя, чтобы чётко определить свои чувства и правдиво ответить.

– Я в глубине души понимала, что это неправда. В ка-

кой-то момент они меня убедили, но ненадолго.

И за эти слова Аришка сразу простила Риту.

Окончание этой истории неожиданное. В последнее время Аришка пару раз натыкалась в сети на фотографии с той вечеринки. Она их сразу же удаляла со своей страницы. Потому что на себя смотреть было ужасно неприятно. Толстая самодовольная тупая рожа.

И жалость к себе «как меня, бедненькую, оклеветали» сразу испарилась. Глядя на себя – наглуую и самоуверенную, ну никак не получается осудить Аню.

Поскромнее надо быть, тем более, на чужих днях рождения.

О том, что не надо сдаваться даже в самых, казалось бы, безнадежных случаях, Аришка узнала от своей бывшей учительницы. Причём, она это наглядно продемонстрировала, и своим примером вдохновила свою бывшую учительницу. Ученице – Даше, было тогда года 23, Аришке, соответственно, намного больше.

Случилось это так.

Аришка чуть ли не случайно, по какому-то вдохновению, а может быть от злости на проехавший мимо автобус, когда стояла на трассе, пошла учиться в автошколу.

За соседней партой оказалась Даша. Ариша и Даша тепло поговорили, но компании нашли себе разные. Даша сдружилась с молодой частью группы, Аришка со своей ровесницей Татьяной, очень позитивной и приятной женщиной.

Учёба шла своим чередом, началось вождение. Если с теорией у Аришки всё было в полном порядке, она практически не допускала ошибок на компьютере, то с вождением было как-то всё грубо, неуклюже и неуверенно.

Начались экзамены. Одногоруппников стали терять с первого же этапа, причём большими гроздьями. Аришка на экзамене тоже затупила. Стала чётко и уверенно отвечать на вопросы, предложенные компьютером, все знакомые, десятки раз прокрученные в приложении, но подошёл инспектор,

спросил, отвечает ли она.

– Да-а-а! – самодовольно протянула она.

– Не-е-ет! – с насмешкой тоже протянул инспектор.

Оказывается, после каждого ответа требовалось ещё и подтверждение, чего Аришка почему-то не знала. И, похоже, была единственной из группы, кто не знал.

Но – сдала, спасибо инспектору за то, что вовремя указал на оплошность.

Площадка. Основная часть группы, ожидая своей очереди, стоит и со страхом наблюдает, что вытворяют, один за другим их товарищи. Иногда кто-то тихо ахает: «А так можно было?», оказывается, нельзя.

Ещё вчера все катались одинаково правильно, ошибки всё же были редкими на этом этапе, сегодня же творилось что-то невероятное.

Татьяна даже не тронулась с места. «Не снялась с ручника», кто-то догадался. После Таня сказала Аришке, что «снялась».

Даша заехала на эстакаду, сделала остановку и... заглохла. Завела мотор, попыталась тронуться и вновь заглохла. Всё, ошибок больше делать нельзя. А Даша в таком неудобном положении, когда машина на горку ещё не въехала, назад дёрнуться практически нельзя, двигатель не работает, тело сковала неуверенность, слёзы в глазах вытереть нечем, руки заняты, а впереди ещё длинная дистанция.

Многие в этот момент отвернулись. Всё ясно, ещё одна

сейчас вылетит.

Когда через несколько минут плачущая навзрыд Даша упала в объятия к своей первой учительнице, та учительница не верила своим глазам. Даша вытащила себя из этой передраги. Она смогла! Сделала невозможное, на Аришкин взгляд.

Аришка площадку сдала без ошибок. Как-то уж получилось.

После площадки изрядно поредевшая группа в этот же день поехала в соседний районный центр на сдачу «города».

До экзамена Аришкина группа с инструктором, Олегом Владимировичем, уже побывали там два раза. Прокатились по двум маршрутам. Какой-то из них попадёт на экзамене.

И вот теперь вновь образовалась очередь. Аришка почти последняя. С нетерпением ждут возвращения с экзамена машины, вглядываются в лобовое стекло, кто за рулём. Если инспектор – не сдал. И за рулём чаще сидел инспектор.

Один из первых вернувшихся парней со злостью огоршил всех новостью, инспектор приказал ехать по незнакомому маршруту. Даже Олег Владимирович был, мягко говоря, расстроен.

Теперь всех встречали вопросом: «Как ехали?» И, если маршрут был новый, накидывались с расспросами о деталях. Аришка услышала, что развернуться там можно у зелёных мусорных баков. Больше ничего не запомнила.

С нового маршрута все претенденты на права возвраща-

лись на пассажирском сиденье.

Счастливая Даша не стала ждать окончания экзамена. На этот раз у неё всё получилось, и с маршрутом повезло. Её забрал папа. Сверкая улыбкой, она пожелала Арине Ивановне удачи.

И вот Аришка за рулём. «Сосредоточься, не спеши, одно за другим делай, ничего не упусти» – так она твердила себе, не замечая, что совсем не сосредоточена, мысли скованы тревогой, куда её направят, а руки всё делают на автомате. Хотя, на каком автомате? Автоматом там и не пахнет.

Начала движение грубовато, но пока без ошибок. «Вот сейчас решится, повернём на знакомую дорогу или поедем прямо – неизвестно куда».

– Езжайте прямо.

Аришка почувствовала, что грубоватости в её вождении значительно прибавилось.

– Развернитесь на прилегающей территории.

«Где тут прилегающая территория? Что такое прилегающая территория? Как вообще разворачиваться?» Справа мелькнуло что-то зелёное. «Баки. Мусорные баки. Что-то рассказывали про баки. А, можно развернуться».

Аришка сделала большой полукруг к бакам, чтобы наверняка хватило дороги для разворота и задела колесом бордюр. Она почувствовала, как рядом сидящий Олег Владимирович поморщился. «Хана!» – подумала она и не включила поворотник при развороте.

Почему в этот момент сзади сидящий инспектор не сказал свои волшебные слова: «Спасибо, остановите у обочины», – для Аришки это осталось загадкой. Единственное разумное объяснение, инспектор подумал, что при таком наличии ошибок эта тётка всё равно не сдаст, а он немного потерпит, чтобы уже наверняка не возникло вопросов и возмущений. Короче, Аришка чувствовала, что экзаменующий терпит из последних сил. А ведь маршрут только начался. И сама почти сдалась. Но вспомнила Дашу, девочку, которая несколько часов назад показала ей пример мужества. И попыталась взять себя в руки.

С одной стороны внутренний голос орал в голове что есть мочи: «Бесполезно! Ты уже проиграла! Подумай, когда передача. Подумай по передаче сейчас. Немедленно». А с другой стороны голос чуть потише твердил: «Твоя ученица не сдалась, и ты не будь соплёй. Тебя ещё не остановили, борись до конца». «За что борись? Всё кончено, ты не сдала!» «Когда тебя остановят – тогда и будет всё кончено, а пока старайся изо всех сил».

Когда осталась треть пути, у Аришки затеплилась надежда: «А вдруг?». Она почувствовала, как Олег Владимирович поменял позу, тихонько прокашлялся. «Он тоже почувствовал, что может быть...»

Через какое-то время возбуждённая от радости Аришка выбирала, кому первому звонить, сообщить сногшибательную новость, что она сдала. С первого раза!!!» О, это был

счастливым момент!!! И поразительная новость! Она поразила всех Аришкиных мужиков: мужа, сына, двух братьев. И не поразила маму. Почему-то она в неё верила.

А инспектор, если Аришка верно угадала причину его удивительного терпения, так и не дождался Аришкиной ещё одной ошибки. Возможно, он пожалел, что тогда её не остановил. Но было уже поздно.

Не сдавайтесь! Боритесь до конца. Теперь я это точно знаю!

А вот дети умеют не сдаваться. Может быть потому, что не догадываются до определённого возраста, что это какой-никакой, а выход.

Одну забавную историю про младшую Ритину дочку уместно тут вспомнить.

– Рит! Рит, ты где? – Валера торопливо заглядывал то в одну комнату, то в другую, ища жену. Рита вышла навстречу. Бросила беглый взгляд на ноги мужа. Опять не снял уличную обувь! Хорошо, что хоть на улице сухо. Но с другой стороны, если честно смотреть на вещи, давно пора в комнатах полы вымыть. Совсем с этим огородом дом запустила.

– Рит, сегодня готовь что-то на стол, мы с ребятами будем. Деньги я кинул на холодильник. Я погнал, – Валера круто развернулся и погнал.

«Ну вот, давненько не было гостей! Целую неделю ждать пришлось!» – с иронией подумала Рита. Но гостей и она любила. Вот только хлопот прибавится. Она окинула взглядом свои хоромы – бардак, заглянула мысленно в холодильник – кругом сплошные проблемы.

– Валера! – запоздало бросилась за мужем. Но тот уже ушёл.

«Вот дура, не спросила, когда будут, сколько их. И женщины! Будут одни мужики или с жёнами. И что за повод?»

Рита нерешительно взяла в руки телефон. «Позвонить, что ли?»». Но Валера не любил, когда его беспокоили за рулём. А сейчас он, возможно, как раз и едет.

Всё же рискнула, набрала его номер.

– Не могу говорить! За рулём! – резко бросил Валера.

Надеяться, что он при первой возможности перезвонит – бесполезное дело, и Рита решила начинать подготовку.

Перво-наперво нужно привлечь каких-нибудь помощников. А с помощниками тоже беда. Свекровь пытается устроить личную жизнь, нашла мужчину, переехала к нему. Старшая дочка где-то катается на мопеде. Рита бросила оценивающий взгляд на семилетнюю Ксюшку, которая высунув язык, что-то рисовала за столом.

– Ксюш, сходишь в магазин?

Ксюшка удивлённо взглянула на мать. Нечасто ей доверяли такие дела. Можно сказать – никогда.

– Сама?

– Ну да, доча, я тебе денежку дам, а всё, что нужно купить, на листочке напишу. Ты тёте подашь и всё.

Ксюша обмозговала картину, подумала:

– Схожу.

Рита кинулась на кухню исследовать наличие провизии. Хорошо, что чай – вино есть, даже бутылка водки притулилась в дверце холодильника. А вот с закуской не густо. Пересчитала оставленные деньги. Ого! Стала торопливо набрасывать список. Как бы чего не забыть.

Ксюшка вертелась тут же, заглядывая через плечо матери и подсказывала:

– И шоколадку! Шоколадку напиши!

– Готово! – Рита протянула список дочери.

– Шоколадку записала?

– Тебе какую? Молочную?

– Да, – Ксюша знала, что иногда надо проверять и проявлять настойчивость, если хочешь, чтобы твои интересы тоже соблюдались.

Рита в конце списка торопливо добавила нужный пункт.

– Теперь всё. Вот тебе два пакета. Беги! Да через дорогу осторожней!

Ксюша вприпрыжку побежала, а Рита схватила половую тряпку.

В магазине Ксюша подошла к прилавку, протянула продавщице смятые вместе с запиской купюры и пакеты. Она слегка волновалась, но всё получилось. Тётя стала накладывать продукты в пакеты. Ксюше осталось только отслеживать судьбу шоколадки.

Время шло. Пакеты нагружались, за девочкой уже образовалась небольшая очередь, подошли парень с девушкой. Продавщица стала хмурить брови, что-то стало её беспокоить, она не понимала – что.

– Галь, – крикнула она напарнице, – это не Кузнецовых девочка?

Галя бросила короткий взгляд от изучаемых документов.

– Вроде их.

– Девочка, а где твоя мама?

– Дома.

– А папа?

– На работе.

Продавщица с трудом перекинула набитые под завязку два пакета, каждый из которых килограммов по пятнадцать весом.

– А с кем ты пришла?

– Одна, – Ксюшка улыбалась. Она видела торчащий из одного пакета уголок шоколадки.

Продавщица не улыбалась. Она поняла, наконец, что её смутно беспокоило.

– А как ты продукты понесёшь?

Взгляды всех присутствующих с интересом обратились к ребёнку.

Ксюша обеими руками схватилась за ручки, попыталась поднять, груз даже не шелохнулся.

Мир не без добрых людей. И не без весёлых. Парень с девушкой были и добрыми, и весёлыми. Всё это время они наблюдали, перешёптывались и хихикали, а теперь решили помочь ребёнку.

– Ты где живёшь?

Ксюшка скороговоркой протараторила свой адрес.

– Пошли, покажешь, мы донесём пакеты.

И вот по дороге идут трое. Парень в обеих руках тянет

пакеты. По напряжённым мышцам видно, что ему нелегко. Девушка идёт рядом то хихикая, то поглядывая за девчонкой. И Ксюшка идёт сзади, стараясь набраться храбрости и сказать таким хорошим людям, что шоколадка, которая выглядывает так соблазнительно из пакета, на самом деле её, и она уже может её есть. Осталось только попросить парня, чтобы остановился и отдал её. Но так и не решилась.

Вскоре парень поставил пакеты у указанной калитки.

– Дальше сама справишься?

– Позови маму, – подсказала девушка, и они пошли.

...Рита уже домыла полы и вытряхивала коврики, когда, услышав непонятное пыхтение, заглянула за угол дома.

От калитки Ксюша волоком по дорожке тащила пакет, сдирая в процессе нижнюю часть и теряя по дороге продукты. Второй пакет терпеливо стоял у калитки, ждал своей очереди. Из рта у Ксюшки торчала шоколадка.

Вот что Аришке пришло в голову. (Частично это не её мысли, частично её).

У каждого человека есть внутреннее ядро, основа, которая дана Богом. Она уникальна, неповторима и очень ценна.

И есть некая надстройка, которую каждый лепит самостоятельно. Чаще всего в этой надстройке человек создаёт некое подобие трона, куда усаживает себя, коронуют и глядит свысока на окружающих. Жизнь эту надстройку время от времени обрушивает, и человек летит вверх тормашками, больно ударяется и долго приходит в себя. Потом вновь что-то начинает лепить.

И надо научиться различать в себе то, что даровано свыше, что бесценно и в тебе, и в каждом человеке. Различать и ни в коем случае не уничижать, не обесценивать ни у других, ни у себя. Потому что обесценивание Божественного в человеке – наказуемо.

Помните притчу о талантах? Тому, последнему, господин дал один талант. Может быть, это и есть то ядро, та основа, которая даётся каждому? А раб скрыл талант, как мы скрываем себя истинного под грудой самодеятельной лепнины. И уже даже не понимаем, кто мы есть на самом деле.

А ещё, может, у каждого человека Ангел Хранитель

охраняет как раз то Божественное. И, когда кто-то это уничтожает у другого, то оскорбляет его Ангела, как следствие – получает по зубам.

А, когда в себе это обесценивает, то, как бы прогоняет своего Ангела, словно говоря, что это у меня пустое, ни стоит ничего, охранять и защищать нечего. И Ангел отходит.

Вывод: научиться в другом не оскорбить Ангела, которых стоит на страже бесценного. И у себя под бараклом увидеть Божественное, и ценить его, быть за него благодарным.

А теперь ещё немного погостим в советском деревенском детстве, а потом пойдём дальше, каждый по своей жизненной дорожке.

Аришкина деревня была на самом деле посёлком. Это потому, что в ней был ПМК. Взаимосвязь очевидная или её вообще нет – Аришке неизвестно.

ПМК снаружи выглядело высоким двух или трёхэтажным зданием, а внутри оно на этажи не делилось, было просто высоким.

В раннем Аришкином детстве ПМК был действующим. Там работал её папа. И она несколько раз бывала в его рабочем нутре. Сохранились смутные воспоминания: кругом машины и мужики. Металлический лязг, запах машинного масла, пятна этого масла повсюду, засаленная серо-чёрная одежда рабочих, их крепкие словечки и неожиданный дружный хохот.

Отца здесь уважали, советовались с ним.

По бабушкиным словам, само начальство нередко у него спрашивало «как надо». Начальство не знало, а папка знал. Но, к сожалению, и бабушкиному и, позже, Аришкиному, сам в начальство не стремился, хотя для этого имел все данные. Ну, кроме желанья и честолюбия.

Много позже в Лосевке по соседству со взрослой Ариш-

кой жил дядя Виталик – хороший и добрый человек, а потом выяснилось, что в придачу к своим достоинствам, он в своей юности знал Аришкиного отца, они учились вместе. И дядя Виталик много хорошего рассказал Аришке о нём. Особенно удивлялся его умственным способностям.

«Бывало, на уроках Иван скучает, но как только трудный вопрос, задача, которую никто не может решить, вызывают его. А он, казалось бы, только что спал, но всё решал, отвечая с ходу. Во, умный был».

И Аришке хотелось думать, что хоть частица этих способностей генетически передалась и ей.

А тогда, в детстве, она чувствовала со стороны мужиков к себе симпатию, как к дочери их товарища. И может быть поэтому или вовсе по другой причине, но Аришке всегда казалось, что внутреннему миру мужиков она сочувствовала больше, чем женскому. И считала, что у неё немного мужской склад ума. Хотя, возможно, это лишь ей казалось.

А начальником в ПМК был Сурен Грантович. Его Аришка не помнит, но это имя звучало часто в округе.

Сурен Грантович очень не любил пьяных и всегда выводил их на чистую воду своим методом:

– Пиль? Не пиль? – сурово спрашивал он у подозреваемого.

– Не пил, Сурен Грантович, честное слово, не пил, – мужик приводил тут обычно какие-то свои доводы, доказательства.

– Пиль – не пиль, глаз блестит – пиль, – выносил приговор Сурен Грантович и все доказательства разбивались о его несгибаемую логику.

Потом ПМК закрыли, рабочих стали возить в соседний районный центр, а ПМКовскую территорию стали осваивать дети на том основании, что раз никто не гонит, значит можно и нужно. Не хватало ещё белых пятен и неосвоенных объектов на родной земле.

Внутри попасть никто не мог по причине закрытых дверей и отсутствия лазеек, а вокруг – пожалуёста.

А вокруг был сад. В нём росли яблони и лежали машинные останки. И в этих останках не было ничего печального, а была возможность для игр. Например, в стоявшем без дела бывшем автобусе можно было сидеть в качестве «какбудтошних» пассажиров и горланить песни, а «какбудтошний» водила руководит этим всем хором и везёт в неведомую даль.

ПМКовский сад привлекал к себе ещё и тем, что там было тихо и безлюдно. Но не всегда.

Один раз Аришка с подружками видели, как бежала через сад тётя Зина в странном состоянии. Аришка сначала подумала, что пьяная, позже сказали – белая горячка. А за ней бежала её дочка Света с какими-то башмаками в руках. Света плакала и уговаривала свою мать обуться.

Аришка узнала, что сумасшествие и белая горячка похожи внешне, но всё же разные вещи. Сумасшествие чаще неизлечимо. Один раз сходят с ума и в него уже не возвра-

щаются.

А белая горячка проходит через несколько часов или дней. Главное, чтобы в этом состоянии человек не натворил чего-нибудь. Вот Света и не давала своей матери натворить.

Тётя Зина слыла красавицей. И сам председатель колхоза Сан Саныч споткнулся о её чары. А Аришка с Андреем этому факту не могли не удивляться. Ну как может быть красавицей такая взрослая тётя. Ей уже, наверное, тридцать лет. Да ещё и полная. Но председатель думал, верно, по-другому. И его жена, конечно, тоже как-то думала, но была интеллигентной и держала своё мнение при себе. А дети у тёти Зиной были красивые. Но в кого им быть красивыми, если не в мамку. Вот и получается, что Аришка с Андреем, оценивая внешние данные тёти Зиной, чего-то не учли.

Хотя кто-кто, но Андрей в женской красоте разбирался несомненно. Как-то ему попала картинка с портретом девушки. И Андрей влюбился в неё. Черноглазая красавица чуть надменно и насмешливо глядела на Андрея и Аришку. Но Андрея это не смущало. Он всем объявил, что она его невеста. Осталось только выяснить как её зовут. Но тут вышла загвоздка, никто не знал, даже сам художник. Поэтому внизу картины так и было написано – «неизвестная». Обратились к последней инстанции, авторитету в этом вопросе – деду Петру. Уж он-то в картинах должен разбираться, недаром все стены у бабушки увешаны ими, как в художественной галерее. Но и он развёл руками. Неизвестная и всё тут.

Единственное, чем он мог помочь, сообщить имя художника, но тут уж Андрей не захотел утруждать себя лишними знаниями. Так и осталась его первая невеста безымянной.

Но логическая цепочка увела слишком рано из ПМКовского сада. А в нём ещё есть парочка интересных штучек. Как-то в саду обнаружили колодец. Вот так бывает, сто раз пройдёшь мимо какого-нибудь места – ничего, а на сто первый – бац – колодец. Деревянный такой. Сверху бревно, на бревне цепь закручена, на цепи ведро, с боку ручка. Дети как увидели колодец, сразу все пить захотели. Ведро в воду плюхнули, стали ручку крутить, цепь на бревно наматывать, ведро доставать. Но так как ручка одна, а желающих её крутить – все, вот и крутили все. А у семи нянек, известное дело, дитё без глаз, вот и упустили ручку, завертелась она с бешеной скоростью и заехала Миле Болотиной в лицо. Хорошо, что всё закончилось благополучно. Ну, синяк не считается за настоящую неприятность.

А вот яблоки в саду были кислые, поэтому там больше сурепкой питались. Травка такая, кто-то её сурепкой назвал. Очищаешь стебель от верхней шкурки и ешь. Тошнит, а всё равно ешь.

А когда Аришка училась в 6 классе соринской школы, всем ученикам дали задание собрать металлолом. И даже устроили какое-то соревнование между группами – классами. Рябиновские оказались в одной команде.

Ох, и натащили они тогда кучу! Тянули из этого сада раз-

ные металлические шутовины и складывали недалеко от забора.

Такая инсталляция получилась! Дураку понятно, что они победят. Но никто не торопился всё это добро увозить, куда полагается, чтобы взвесить и объявить победителей. И каждый день, шагая в школу мимо этого рукотворного памятника, девочки и мальчики сначала подсчитывали и прикидывали, точно ли они обогнали соринских ребят, которые тоже, неожиданно много наволокли металла, потом уж перестали про это думать, и, наконец, куча исчезла. Бесследно, то бишь, результат этого труда так никто им и не сообщил. Но к тому времени азарт рассосался, поэтому никто особо не горевал.

Олька вдруг заявила, что она такая же бабушкина внучка, как и Аришка с Андреем.

Ну-у, нет!

– Да, – сказала Олька и представила доказательства. – У бабушки Наташи трое детей. Так?

– Так.

– Ну, бабушку Ларису сейчас рассматривать не будем. Так?

– Так.

– Остаются дедушка Петя, мой отец – ваш дед и бабушка Варвара. Так?

– Так.

– Вот и получается, что я бабушкина Наташина внучка, а вы правнуки. Я даже к ней ближе, чем вы. Так?

Но вот здесь получалось не так. Не может этого быть. Да, Олька хорошая, но для бабушки она не могла быть такой же родной, как и они. Скорее двоюродная.

Пошли к бабушке за разъяснениями. И, к великому Аришкиному удивлению, оказалось, что так.

Аришка внимательно вглядывалась в родные любимые бабушкины глаза, стараясь разглядеть в них искорки лукавства. Может быть, она боится обидеть Ольку? Но нет. Бабушка сказала твёрдо и безапелляционно.

Аришку накрыла волна разочарования. Выходит, если бы Аришка с Андреем жили где-нибудь далеко, редко приезжали бы в деревню, бабушка чуть ли не весь год жила бы себе спокойненько без внуков, вспоминала бы их время от времени, как будто они не родные, а двоюродные.

Так Аришка узнала, что, оказывается, они с Андреем не «пуп земли», и не центр бабушкиной вселенной. И это было неприятно, как будто их отрезали от чего-то доброго, надёжного, материнского и оставили так.

Да, жизнь постепенно показывала свою оборотную сторону, не такую уж весёлую.

Как-то на Новый год Аришкина мама нарядила огромную ёлку, под потолок. Ту самую, которой потом на диктанте Антонина Фёдоровна попрекала свою ученицу. Аришка с братом рассматривали и крутили её игрушки, а затем легли на пол и решили любоваться новогодней красавицей с другой позиции. Что ж, обзор был даже несколько интересней. Виден был ствол, от которого ветви растопыривались в разные стороны, весело сверкали огоньки, дождик, игрушки.

Но Аришка решила – раз уже лежу, так поползу и доползла до самой стены, и уже оттуда оглядела ёлку, с той стороны, которую никто не видит. И что же? А ничего хорошего. Голые колючие ветки. Совсем не нарядные, а унылые и мрачноватые. Праздничное настроение вмиг куда-то ушло. Аришка почувствовала обман.

Вылезла.

– Мам, а почему задние ветки не нарядила?

– А зачем? Их же никто не видит.

Вот и новое разочарование. Новогоднее волшебство пропало.

Жизнь медленно и верно подправляла Аришкины взгляды на неё, слишком восхитительные и доверчивые, учила, что в этом мире многое несовершенно.

А тогда Оляка и бабушка всё больше времени проводили вместе: и коз пасли, и на огороде копались. Оляку бабушка расхваливала:

– Работящая! Молодец!

А Аришка обиженно сопела.

«Никакая Оляка не работящая. Она просто гулять не любит, а любит природу. А вся её работа – это получение удовольствий. Нравится ей ковыряться в овощах и сидеть с козами на лугу. А вот полы помыть её не заставишь. А работящие – это те, кто и нелюбимую работу делают».

Аришка не любила полы мыть, но грязь в доме не любила ещё больше. Терпеть не могла. Но, кроме Аришки, до полов никому не было дела. Она проверяла. Если долго не мыть, никто и не почешется.

Оляка своим укропом будет по-прежнему любоваться, бабушка... Бабушка старенькая. А Андрей не приспособлен к полам. На Андрея она как раз и не рассчитывала. Была надежда «работящую» Оляку приобщить, но не тут-то было. И бабушка за неё заступается, мол, иди, иди, гулёна, отстань от

Оли, она и так много работает. Как же, работает.

Аришка берёт тряпку и ведро. Сначала идёт в дальнюю комнату. Она хоть и огромная, как футбольное поле, но пол покрашен, краска ещё не облезла, это получается, самая лёгкая часть. Но вначале нужно вещи сложить по местам и подмести.

Потом переходит в ближнюю комнату. Она же прихожая и кухня. Здесь сложнее. Все ходят взад-вперёд, чугунки всякие болтаются, посуда. Полы хоть и покрашены, но краска частично сошла. Доски широкие. Аришка вымывает по одной. Сначала мокрой тряпкой, потом ещё раз, крепко выжатой.

Эти полы она до сих пор моет в своих снах.

Всё. В доме всё. Остаётся самое трудное. Коридор. Полы там из досок, которые не покрашены, к тому же не обструганы как следует, не гладкие. Грязи тут полным полно. Здесь Аришка приспособила топор. Щедро смачивает доску водой, вода размягчает грязь, потом скребёт топором туда-сюда. Долго скребёт. Доска постепенно желтеет от чистоты. Опять мокрой тряпкой смывает всю раскарябанную грязь, потом насухо. Всё, одна доска готова, можно переходить к следующей.

Нередко мытьё коридора Аришка заканчивала, когда на дворе ночь наступала.

Затем в душе у Аришки воцарялось умиротворение. Она наслаждалась уютом. За такое вот чувство не жаль было

скрести несколько часов. Оно того стоило.

Её мир становился чуть лучше, чем был до этого.

Сколько Аришка помнит бабушку Ани Галдиной, столько она лежит.

Галдины, так же, как и Аришкина мама поменяли несколько домов для проживания. И Анина бабушка, соответственно, поменяла несколько комнат, в которых стояла её кровать. У бабушки парализована нижняя часть тела. А вот душа её, по Аришкиным понятиям, была здоровой.

Как можно быть лежачим больным и при этом умудриться помогать другим? Оказывается, можно.

Когда бы Аришка не заходила в гости к Галдиным, не проходила бы в комнату, где лежала эта бабушка, всегда видела, как на кровати и на бабушке бултыхается кто-нибудь из малышей. Чаще, самый маленький, который и ходить-то ещё не умеет.

И, стоя некоторое время в дверях, Аришка наблюдала другой мир. Маленький. Первоначальный для малыша и завершающий для бабушки.

Небольшая комната, одно окно, простенькая занавеска, бежевые обои. А дальше – другой мир. Туда малыш ещё не добрался, а бабушке уже не добраться.

А их мир, тот, в котором буквально они находятся сейчас и вчера, и неделю назад – кровать полуторка, широкая и мягкая бабушка, укрытая лёгким одеялом, руки её, заботли-

вые и надёжные, которые, как крылья ангела, трепещут всегда около малыша, бдительные и осторожные, сильные и заботливые.

Малыш беспечен, где ему усидеть на месте, так и норочит кувырнуться туда, в направлении другого мира. Но руки-крылья на подхвате. Ни разу не подвели.

Бабушка раньше жила в самом старом домике в деревне. Крыша его лишь частично была покрыта шифером, в основном, она была соломенной. Когда-то таких домов было больше. Потом он остался один, потом и он сгорел.

А дело было так...

– Пойдём ко мне за яблоками, – предложила как-то Аня Галдина Аришке.

– Куда к тебе? Домой?

– Не, к бабушке.

– А успеем?

Была большая перемена, одна из тех нерегламентированных, когда Антонина Фёдоровна ушла домой по своим хозяйственным делам.

– Да, мы бегом.

Побежали.

В какую бы сторону от школы не направиться, до конечной точки 10, ну для детей 15 минут пробежки. И всё, деревня заканчивается. Анина бабушка живёт не на окраине, но всё же не рядом. Поэтому поспешили.

Анька повела подружку не в сад, не в дом, а прямо по лестнице на чердак. Там, в соломе, на четвереньках, они поползли в угол. Было темно, но Анька предусмотрительно захватила с собой спички.

Вот под руки и колени стали попадаться кругляши яблок. Всё, стоп.

– Сейчас я посвечу.

Аня чиркнула спичкой. Та потухла. Аня бросила её, вытащила на ощупь другую. Чиркнула. Чердак осветился дро-

жащим светом.

– Выбирай.

Аришка схватила парочку посимпатичней.

– А теперь ты свети, а я себе выберу.

Аришка отложила свои яблоки в колени и схватила коробок.

Всё это время её терзали смутные сомнения. Уж очень Анька смелая. Так с огнём не шутят.

Аришка в своей жизни пару раз уже обжигалась. Не в прямом смысле, в переносном. В прямом смысле обжигалась больше. А в переносном...

Раз лес ходили поджигать с Андреем и Вовкой. Тогда от мамки хорошей лупки получили.

Другой раз с Андреем кашеварили. На электрической плитке. Нагревалась она металлическими спиралями. Включаешь в розетку, и спирали тут же начинают раскаляться. Жар пошёл.

Аришка с Андреем поставили на неё сковороду и щедро полили сверху растительным маслом.

Замешкались с продуктами, долго искали нож, нарезали хлеб на гренки, потом решили ещё масла долить.

Долили, частично в сковороду, частично мимо. Как вспыхнуло всё синим пламенем. А рядом окно. А на окне тюль. Как вспыхнул и он синим пламенем. Как ещё дом не вспыхнул синим пламенем?

Так что Аришка знала, насколько коварен огонь. Но ей

казалось, что и все знают. Ровно столько, сколько и она. А учить в таких случаях подругу, предостеречь, в голову не пришло.

На этот раз всё закончилось хорошо.

Прошло несколько месяцев. Наступила зима.

Аришка этот морозный денёк проводила на озере. И на пузе. В прямом смысле этого слова. Лежала на животе и, отталкиваясь руками и ногами «плыла» по льду. Время от времени останавливалась и любовалась завораживающим зрелищем снизу.

В ледяной бело-серой прозрачной неподвижности застыли разные картины, и, медленно передвигаясь, Аришка поочерёдно рассматривала то одну, то другую.

Рядом точно так же ползала другая посетительница этой ледяной галереи – Тамара.

Вдруг они услышали со стороны деревенских домов крики. Взглянув в ту сторону, они увидели страшный чёрный столб дыма. Пожар!

Такого в деревни на их памяти ещё не было. Подобрав полы повыше и сверкая валенками, девчонки побежали туда, боясь опоздать. Успели. Зрелище только разворачивалось. Перед их восхищёнными глазами бушевала стихия. Вдруг что-то затрещало.

– Шифер стреляет. А ну дальше отходите, – заорали на девочек мужики.

Девчонки отошли, постарались в толпе зевак спрятаться

подальше от злых мужиков.

Было весело и страшно.

А потом Аришка узнала, что пока она веселилась, творились вовсе невесёлые дела.

Не скоро приедут в глухую деревню спасатели – пожарные. Дом был обречён. Но в нём осталась бабушка парализованная.

Деревенские мужики отчаянно бросились внутрь. Среди них был молоденький парень Миша, один из членов рябиновской хоккейной команды. Позже он рассказывал, что, когда они с мужиками ворвались в помещение, бабушка на своих руках поползла почти до самых дверей. Мишка про свой подвиг даже не думал, он восхищался мужеством бабушки, переживал, что ей было больно.

Осколок шифера ударил Мишку около глаза. Шрам остался, но все посчитали, что ему повезло.

В сарае визжали запертые животные, звали на помощь людей, но их спасти было уже невозможно.

Аришка обо всём этом не знала. Она с восторгом наблюдала за невиданным доселе зрелищем, а потом, когда всё закончилось, купила в магазине кукурузные палочки, зашла в гости к Тamarке и делилась с ней своими впечатлениями и палочками.

То, что пожар – большое человеческое потрясение и горе, она поняла гораздо позже.

А потом выяснилась и причина этого события. Нарисова-

лась, так сказать, скромная фигура виновницы этого происшествия.

Анька. Захотелось ей полакомиться яблочками. Может, в соломе осталось какое-нибудь завалящее? Надо посветить поярче и покопаться поглубже. Пока копалась – солома загорелась. Она давай её тушить, но не тут-то было, не получилось.

Она с чердака, да в хату. Уселась на стульчик и молчит. Понимает, конечно, что сейчас начнётся, но сказать так и не решилась. Вскоре всё и началось.

А потом бабушка на новой своей кровати выходила ещё много Анькиных братиков. К тому времени, когда пошли сестрички, она уже умерла.

Время и обстоятельства дают возможность взглянуть по-другому на, казалось бы, незыблемые вещи.

Вот и Аришка, с высоты своего зрелого возраста пересмотрела некоторые свои представления о том времени и о жизни бабушки.

Труженица. Ни минуты безделья, никакой дрёмы в послеобеденное время. Столько работы и всё успевала. За хворостом в лес ходила, на спине вязанку таскала, за крапивой для поросят, попутно коз пасла. Огород огромный. Конечно, дети изредка помогали. Но, в основном, сама.

И внуки-правнуки на каникулы со всех концов едут. Аришка с Андреем вовсе жили у неё полдетства.

И никто не поинтересовался, а нужно ли ей всё это? То, что она себе такой вопрос не задавала, это ясно, но другие должны были как-то спросить. Должны, но, похоже, не спрашивали.. Нагружали на неё многое.

И чувства бабушки не принимались в расчёт. Вернее считалось, что она, как мать-земля, всё стерпит.

А сама бабушка? Понимала ли она, что так бесцеремонно нельзя было пользоваться её добротой? Что иногда не мешало бы её согласия спросить и желание узнать. Что можно было бы ей отплатить чем-то, у кого что есть.

Хотя, ей и платили ... любовью.

Эх, и пожалела впоследствии Аришка, что направлены были почти все её интересы на удовлетворение своих собственных удовольствий: поспать побольше и нагуляться вволюшку. Пожалела, что не облегчила, хоть немного, жизнь бабушке и совсем мало радости принесла ей.

На колхозных полях созрел урожай. И, пока пацаны работали объездчиками, объезжали на конях эти самые поля, охраняя от варварских набегов, девчонки тоже поглядывали в ту степь, размышляя, а не пора ли что-нибудь позаимствовать для себя, то бишь, осуществить тот самый варварский набег.

Взять без разрешения в колхозе не считалось воровством. Колхоз чей? Советский. А мы чьи? Советские. Ну и где тут что-то незаконное? К тому же, та капля, которая перельётся в девичью сумку, она никак не истощит море.

Итак, девочки интересовались, прежде всего, кукурузой и подсолнухами. Сии овощи росли и на своём участке. Вон, Аришка чуть ли не каждое утро выходила на огород, проверяла початки, причёски всякие сооружала из их блондинистых и коричневых волосьев. Так что, всё было. Но своё есть полагалось скромно, так как не настолько велик урожай. А колхозное – другое дело, ешь, сколько влезет, а потом ещё немного.

Итак, Аришка с Наткой сообщили бабушкам о планах на сегодня, выбрали подходящие сумки и пошли.

Погода великолепная, идти не близко. В колхозе начальство тоже не дураки, понимали, что можно сажать у самой деревни, а что лучше посадить подальше. Потому что дере-

венский народ такой, может по капельке море вычерпать.

Шагать с подружкой по живописной местности – одно удовольствие. Сумки, правда, мешали. Рукам хотелось свободы, как крыльям птицы, поэтому на ходу решали, куда же эти мешалки деть.

Натка первая сообразила. Ручки у её сумки длинные, а головка маленькая, вот и нацепила её себе на шею, а потом закинула назад. Получилось, словно плащ за спиной болтается.

Аришкины ручки от сумки залезли только на лоб и тут застряли. Получилось, словно длинные волосы болтаются. То же сойдёт.

За этим занятием их и нагнала рыжая лошадка с мужиком на телеге.

– Эй, девчонки, садитесь, подвезу.

Девочки вгляделись в лицо. Глаза добрые, ласковые. Сели.

– Куда путь держите?

Девочки рассказали.

– Хорошее дело, – похвалил дядька, – но сначала давайте ко мне заедем, у меня малина поспела, угоститесь, чайку попьём.

– А где вы живёте?

– А вон моя хата от краю виднеется, – мужик указал кнутом в сторону Болушево.

Девочки неохотно согласились. Малиной созревшей их не

удивишь, чаю вообще не хотелось, но обидеть дяденьку нельзя.

Не успели войти во двор, как следом за ними и женщина какая-то вошла, по видимости его мама. Отвлекла дяденьку своим разговором.

Девочки подошли к малиновым кустам, стали есть эту малину. Долго ели. Чаю не предлагали. Да и дяденька, казалось, утратил к ним интерес.

Сколько можно есть малину? Пора бы и путь продолжить. Неловко попрощались, пошли.

По дороге Аришка свернула разговор на изумляющую её тему.

– Нат, ты только подумай, ведь когда-то нас не было!

– Угу, – бормотнула она, не понимая, что Аришка пытается вот уже не в первый раз ей втолковать.

– Я не понимаю, как это, нас не было? Небо было, Рябинки были, люди были, всё было, а нас не было.

– Угу, – Натка слушала уже вполуха.

– Где мы были? Вот где?

– Угу.

– Вот и я так думаю. И никак не пойму. А, если бы мы не родились, нас вообще не было.

– Пришли, – Натка остановилась, остановилась и Аришка.

Перед ними длинными рядами начинались кукурузные великаны и уходили вдаль, сверкая на солнце зелёными саблями.

Девочки решительно вошли в соседние ряды и двинулись параллельно, чтобы быть рядом, но и не мешать друг другу.

Разговор прервался, началось дело. Нужно было проверять на спелость подходящие початки. Подходящие, это те, у которых чубчики засохли. А проверять – отковыривать ногтем их зелёные шубки, добираясь до зёрнышек. Если зёрнышки жёлтые, можно срывать, очищать и в сумку.

Дело не хитрое, но и не слишком скорое. Плоды старались брать переспевшие, чтобы когда они сварились, зёрнышки лопнули от тучности. Такие – самые вкусные, но они и не висят на каждом стебле.

Высокие растения скрывали девочек от всего мира, а между тем мир готовил для них сюрприз.

Сумки были уже практически наполнены, осталось ещё прихватить парочку самых спелых, прямо оранжевых кукурузин для полноты счастья, когда резкий порыв ветра пригнул кукурузные стебли почти до самой земли. Девчонки от неожиданности и сами едва удержались на ногах. Оглянулись. Мама дорогая, над их головами нависла прямо таки фиолетовая туча. Донеслись раскаты грома.

– Гроза, – выдохнули перепугано обе и повернули в обратную сторону.

Но и торопясь убраться восвояси, они умудрялись на ходу проверять самые пухлые початки на предмет спелости. Всё таки, счастье должно быть полным, а сумки тем более.

Началась гроза. Первые крупные тяжёлые капли смени-

лись холодным душем, а потом просто лило сверху, как из ведра. Такая канонада гремела, что девочки не слышали ни друг друга, ни себя.

Взявшись за руки, они брели, согнувшись и от тяжёлой ноши, и от мощи страшной стихии.

При самых трескучих раскатах, они с писком приседали, хотя Аришка знала, что это бесполезно, потому что поздно.

Сначала молния ударит, а гром уже следом. Причём, по длине паузы между молнией и громом можно узнать, далеко ли она сверкнула. Чем меньше пауза, тем молния ближе.

Она хотела проорать эту информацию Натке в ухо, но потом передумала, всё равно не доорёшься. Да и пауз почти не было. Молнии сверкали, гром гремел без перерыва. Попробуй тут разберись, какой конкретно гром относится к какой молнии.

Только когда дошли до деревни, гроза ушла вдаль, сердито бормоча что-то напоследок.

– Хорошо что мы были без зонтов. – сказала Натка.

– Почему?

– А я слышала, что одна тётка шла под зонтиком, и молния ударила в зонтиковый металлический стержень и тётку убило.

– Жуть, – прокомментировала Аришка и порадовалась своему и Наткиному везению, – хорошо, что мы без зонтов.

Через пару часов чистые и сухие подружки вновь приветствовали друг друга на всё ещё мокрой деревенской улице.

И у каждой в руке дымилась только что сваренная кукурузина с самыми оранжевыми, растрескавшимися от спелости зёрнами.

– Бабуш, а я красивая?

Рано или поздно каждая девочка пытается уяснить один из самых важных в её жизни фактов. Ведь ответ, первоначально, не найдёшь в зеркале, хоть и ищешь там его частенько с малых лет. Здесь нужно слово от авторитетного человека. Чаще мамы. Или бабушки, как в случае с Аришкой. А потом уже зеркало согласится и подтвердит.

Бабушка вздохнула и помолчала. И эта пауза тяжёлой догадкой легла в сердце.

– Да не, не шибко.

– Что, совсем некрасивая? – Аришка иначе подошла к вопросу, надеясь, что бабушка передумает.

– Ну, так себе, нормальная.

Аришка постаралась принять эти слова как истину, что навсегда пойдёт с ней по жизни. Почему-то ей казалось, что она красивая. Оказалось, что казалось.

– А Танюшка Вершинина?

– О, Танюшка красивая.

– А Анька Галдина?

– Ничего себе.

– А Райка Окунева?

– Ну, так себе.

– А Мила?

– Мила хорошенькая.

– А Тамарка?

– Да не, не очень.

– А мамка?

– Мамка красивая. Очень.

– И Андрей?

– Да, Андрей на мамку похож.

– А ты?

– А что я? Я старая.

– Ты была красивая раньше, в молодости?

– Нет, – с грустью сказала бабушка. – Я не была красивой никогда.

– Как? – Аришка даже привстала на кровати, где они лежали рядышком, чтобы попристальней взглядеться в дорогие сердцу черты. – Ты была некрасивой?

Бабушка даже в старости для Аришки была красавицей. Добрые карие глаза, ещё не совсем седые волосы. Тёмные брови. Всё такое знакомое, родное, красивое.

– Да, была некрасивой.

Аришка уже вторую истину старалась уложить в своём сознании. И обе просто не укладывались. Были неудобными, неприятными, чужими и, даже, враждебными.

Но теперь, будь у Аришки внучка, или в будущем, когда у Аришки, дай Боже, будут внучки и правнучки, она знает, что в таком вопросе нельзя быть однозначной. Потому что есть другая правда и её нужно знать девочкам. И не Аришка

её автор: «В молодости мы выглядим так, как создала нас природа, в зрелости так, как мы уж сами постарались».

Аришка эту известную фразу не просто изменила, но и проверила на себе. Работает.

Так что, за неимением внучек в настоящем времени и наличием множества девчонок, которым пришлось услышать тяжёлые слова, подобные бабушкиным, нужно знать: перед вами непростая, но интересная задача, самим постараться сделать себя красивой. Особенно помните про фигуру. В ней уже полдела. А она, чуть ли не целиком, от вас зависит. И ещё важно, не забывайте развивать свой ум. Становитесь интеллектуальными, начитанными. Не менее важны духовное развитие и воспитание.

И часто, к сожалению, красивые девочки, узнав о своей неотразимости, ставят всё на этот факт, считая, что так будет всегда. И лихо проигрывают бывшим некрасивым уже к тридцати годам. И дальше – больше.

В сорокалетнем возрасте Аришка стала часто слышать о своей красоте. Одна женщина даже сказала, что Аришка похожа на француженку. О, было приятно. И смешно.

Так что, девочки, красота – страшная сила, но в умелых руках и с умной головешкой.

Правда Аришка, конечно, таких высот не достигла, да и не ставила этих целей, но вы могли бы попробовать.

Здорово в деревне зимой.

Андрей с Аришкой просыпались рано, ещё до света, спеша навстречу событиям, которыми полон день.

За ночь стёкла окон густо покрывались узорами, так что и не видно, что происходит на полутёмной улице. Эти узоры таинственно блестят оранжевым, отражая печной огонь. А в тени таится холодная синева.

В компании с братом, который с полуслова понимает, который видит всё и чувствует так же, всегда и везде легко и уютно, даже когда всего лишь рассматриваешь морозные узоры ранним зимним утром.

– Смотри, это, как дерево!

– Ага! А это, как пёрышко!

– Да, а это на что похоже?

Оба склонили головы в раздумье.

– На хвост петуха!

Захихикали.

– На хвост петуха! Надо бабушке показать.

– А где она?

– Наверное Зорьку доит.

– Пошли к ней.

– Пошли.

Нацепили валенки на босы ноги, укутались в то, что пер-

вое под руки попало. Но бабушка уже входила в дверь вместе с облаком морозного пара и ведром молока. Увидев внуков, она усмехнулась:

– Проснулись уже? А вот и молочко.

Такое молоко, с шапкой пены, дети любили больше всего.

– Бабуш, можно пенку полизать?

Бабушка поставила ведро на лавку, и дети подошли к нему с двух сторон. Пенка эта быстро лопалась с тихим шуршанием и опадала, поэтому действовать надо сразу.

– Давай, мы котят.

– Давай, мяу-мяу, где тут наше молочко?

Дети стали осторожно языками снимать пенку.

Бабушка, всё это время хлопотавшая у печки, закрыла, наконец, загнетку и повернулась к внукам.

– Ну всё, будя, сейчас в кружки налью.

Дети послушно садятся на лавку и ждут.

Вот и кружки стоят перед ними, они склоняются к молоку, а бабушка гладит то одну белокурую голову, то другую и приговаривает:

– Пей, бычок, пей, бычок. Пей, тёлочка, пей.

Тут уж дело пошло по-другому. Бычок и тёлочка, это вам не котята, они с молоком живо управились.

– Ну, напились?

– Напились, – заулыбались белоусыми ртами «бычок» и «тёлочка».

– Ну, идите, поиграйтесь в зале.

– А можно проигрыватель включить?

– Можно.

– А телевизор?

– Можно.

Мамка на некоторое время привезла к бабушке свою технику.

– Аришка, включай «вологдук-дук».

Аришка покопалась в небольшой стопке пластинок, выбирая нужную.

– «Письма, письма сам я на почту ношу...» – зазвучали знакомые слова.

Андрей с Аришкой взяли за руки и закружились, изображая вальс. Причём старшая сестра взяла на себя ответственность ведущего и старательно носилась по орбите вокруг брата, тот едва успевал следить за ногами, чтобы они не сплелись и не унесли с орбиты и его, и старательную старшую сестру.

– Фу, голова закружилась, – пожаловалась Аришка и, подумав, добавила – и затошнило.

– А я пьяный, – Андрей закачался на месте и упал на пол. Аришка посмотрела на него и тоже свалилась рядом.

Полежали, дожидаясь, когда мир перестанет куролесить и примет обычное устойчивое состояние.

– Давай лучше телевизор смотреть.

– Давай.

Красивая тётенька приятным голосом как раз перечисля-

ла грядущие передачи. Дети прислушались. В основном какие-то малопонятные слова. Но вот прозвучало желанное: «В 17:45 ребята смогут посмотреть мультипликационные фильмы...».

– Ура! Ура! – Андрей побежал к телевизору.

Аришка, как старшая и более ответственная, повторила несколько раз: «17.45 17.45, 17.45», чтобы запомнить и тоже побежала к такой щедрой и доброй тётеньке, которая вот так запросто одарит их сегодня, в 17.45, пока непонятно, когда это, мультиками. Дети в знак своей признательности стали смачно целовать тётеньку прямо в голубой экран. Они так всегда благодарили за мультики и сказки.

Наконец, тётенька ещё раз улыбнувшись, исчезла, и Андрей с Аришкой бросились к бабушке.

– Бабуш, а 17.45 это сколько?

– Ещё не скоро, ближе к вечеру.

– У-у-у, – дети были немного разочарованы.

Но бабушка отвлекла их от развлечений и решила занять делом.

– Нынче, ай завтра Седка должна козляток окотить. Я вот тут, около печки закуточек сделаю, соломки надо.

– Бабуш, козлята здесь будут жить?

– Недолго, пока морозы. Потом в сарай отправим.

– Правильно, а то морозы. Замёрзнут козлятки.

– Дак я говорю, соломки надо.

– Мы соломки сами привезём, мы знаем, где она. Можно,

бабуш?

– Можно.

Аришка с Андреем оделись, в сарае нашли мешок, схватили санки и побежали за околицу.

Там, за деревней стояли стога соломы. Деревенские ребята нарыли в них норки, не хуже мышей. Здесь их тайное место. Если придут фашисты, они где-нибудь раздобудут оружие и будут отсюда с ними сражаться.

Вот только складывалось впечатление, что фашисты не очень торопятся, никак не нападают. Бояться, конечно. А то бы им наподдали, летели б они вперёд ногами и гавкали. Сидя в этих своих норках, девочки и мальчики горячо обсуждали будущие бои.

Оружие можно добыть у убитого фашиста. Вот, например, идёшь, и фашист валяется, а возле него оружие. Оружие забираешь, и всё, ты с оружием. Дальше можешь наубивать ещё фашистов и уже у них забирать. Главное, первого найти.

Но сейчас Аришка с Андреем заняты исключительно мирным делом. Наполнили кое-как мешок соломой, водрузили на саночки с красными деревянными полосочками и побежали назад. Аришка тянула за верёвочку, Андрей поддерживал мешок, который был слишком лёгкий и всё норовил соскользнуть с санок и кувырнуться в любой сугроб.

Уже на подходе к дому увидели вдалеке фигурки, которые, судя по размерам, могли принадлежать только будущим уничтожителям фашизма, а, значит, лучшим и единствен-

ным товарищам.

Аришка с Андреем наскоро прокричали бабушке про солону и, отпросившись погулять, побежали к своим друзьям.

Те как раз собирались в лес. Зачем зимой? Волков гонять. А если волки начнут гонять? А, во-первых, наломаем палок, вон, где орешник, там палки хорошие, во-вторых, Анька Галдина сказала, «семь смертей не бывать, а одной не миновать».

Такая фраза так всем понравилась, что её выучили. Палок не смогли наломать, наломали ивовые прутьики, и по колено в снегу, а то и выше, отправились гонять волков.

Но в лес далеко не продвинулись, всё же тяжело по нехоженным тропам. Зато увидели чьи-то довольно большие следы. Долго рассматривали, определили, что лося. Пошли было по следам, но где четвероногого догонишь! Так и вернулись ни с чем.

Пошли на горку, старательно обходя свои дома сторонкой, так как могут загнать не вовремя. А день зимний, хоть и короткий, но не закончился.

Горка – это чей-то погреб. Никто не гонит, вот и спасибо. А может уже и ничей. В деревни всё чаще возникают «ничейные» сады, дома и прочие сараи.

Так вот, этот погреб был довольно-таки высоким, и накануне его закатали до ледяной гладкости. Вот самое время и продолжить это приятное занятие.

Катались и стоя, и сидя, и лёжа; поодиночке, группами и

кучей. Хохот, визг, писк стоял на всю деревню, так что любая мама, заинтересовавшись, а куда это мог подеваться её ребёнок, могла бы выйти из дома и прислушаться. И из любой точки деревни слышала бы приблизительное местонахождение своего чада.

А чада не заметили, как и потемнело.

У Аришки пальто стало слегка ледяным, варежки сползли с рук, открывая ярко-красную полосу ниже запястья. Но подтягивать их не имело смысла, и было даже неприятно, потому что внизу они превратились в ледяные комья.

Сопли, время от времени приходилось вытирать рукавами, больше нечем, и опять же, эти рукава тоже стали ледяными. Словом, она начинала уже немного звенеть, как, впрочем, каждый из присутствующих, и всё это время буйное веселье омрачала только неприятная догадка, периодически возникающая в голове «скоро загонят».

И вот, действительно, раздался голос тёти Лиды:

– Тамара, Мила, домой!

Девочки в полутьме отпочковались от общей кучи и нехотя бредут на голос. Веселье останавливается. Пора домой. Аришка с Андреем идут вместе с Вовкой и Раей Окуневыми. Они соседи. Рая с Андреем затевают и по дороге какие-то догонялки со смехом. Но Вовка с Аришкой не участвуют. Всё, выдохлись.

Дома Аришку с Андреем ждал сюрприз. Седка всё-таки решила сегодня окотиться. И два маленьких козлёнка неуве-

ренно стояли на соломенной подстилке в специально для них огороженном закутке.

Дети мигом скинули с себя верхнюю одежду и стали рассматривать новых приятелей.

Те почему-то не бе-е-екали и не ме-е-екали, а громко и отчётливо кричали:

– Ма-а-а.

Аришка с Андреем послушали некоторое время, удивляясь такой их человеческой речи с первых часов жизни.

– Что-то они всё мамку зовут.

– Ага. Но, наверное, не нашу.

– А чью? Свою?

– Ага, Седку наверное.

Но тут бабушка загнала правнуков на печку греться. Полезли. Отодвинув одеяла и тонкие матрасы, они добрались до горячих кирпичей и прямо на них уложили руки, ноги и остальные ледяные части тела.

– О-о-о, как тёплышко!

– Ага.

Пригрелись и не заметили, как уснули.

Бабушка уже после лазила к ним с кружками парного молока и полуспящих заставила выпить.

А про мультики так и не вспомнили.

Хорошо в деревне летом.

Настолько хорошо, что, чтобы это понять, достаточно звуков.

Можно стать в любой точке деревенского лета, закрыть глаза и послушать... и самому убедиться, что это так.

Аришка лежала под яблоней в саду. Рядом Олька рассказывала свою волшебную сказку.

Как хорошо!

Аришка села и посмотрела вокруг. «Надо это запомнить. Вот эту самую минуту. Постараться до мельчайших подробностей, чтобы этот день остался со мной навсегда».

И она оглядела яркое небо, зелёные деревья и траву, Ольку.

Аришка посмотрела на бабушкин дом, увидела, как из распахнутого окна вылезает Надя, направляется к ним.

Аришка изо всех старалась запомнить как можно больше деталей этого момента, а потом с удивлением обнаружила, как этот день уносится от неё с огромной скоростью, всё дальше и дальше в прошлое, и их отделяют дни, месяцы, годы, десятилетия. И исчезают из памяти сначала мельчайшие детали, а потом и более существенные.

Где ты, тот летний деревенский день из детства? В каких неведомых мирах?

Аришка с Танюшей Вершининой кормили Седку печеньем. Это занятие было одновременно забавное, неблагодарное и немного опасное, потому что Седка была одновременно забавной, неблагодарной и немного опасной.

– Сегодня уже конец августа, скоро в школу, – У Танюшки закончилось печенье, и она уселась на бревно, лежащее на козлах, на которых его позже распилят. Короче, подальше от Седки.

– Ага, скоро в школу, – унылым эхом отозвалась Аришка и залезла на бревно к подруге.

Её мамка в очередной раз предприняла попытку вырваться из деревни. На этот раз она выбрала Конотоп, что в Сумской области. Аришка сначала его называла Конотопель. Так ей казалось более логичным.

Там, в этом непонятном Конотопе – Конотопеле мамка нашла нового мужа со смешным именем Роман. Это было любопытно. Что же это за Роман? Скоро познакомятся.

В этом Конотопском районе Аришке предстоит пойти в 4 класс. Страшно. Как встретят незнакомые мальчики и девочки? И очень-очень не хочется расставаться с бабушкой и подружками.

– Ты уезжаешь? – спросила грустно Танюшка.

– Да, только мамка что-то не едет за нами. Как бы в школу

не опоздать.

– Да ничего страшного не будет, если она не придет.

Здесь в школу пойдёшь.

– Как? В какую?

– В соринскую. Куда и мы ходим.

– А школьная форма?

– А форму я тебе дам свою старую. Я из неё уже выросла, а тебе как раз будет.

– Хорошо, – Аришке понравилась эта идея и девчонки повеселели.

Но мамка приехала на следующий день и вскоре увезла Аришку и Андрея навстречу новым знакомствам, в неведомый доселе Конотоп, в новую жизнь, в которой долгие годы значимое место будет занимать странная и неоднозначная фигура мужчины, отчима, который не стал отцом.

(окончание)

По пыльной дороге деревенской улицы шли мальчик и девочка.

Девочка крепенькая, с большими внимательными глазами.

Мальчик пониже ростом, светловолосый, хорошенький, худенький.

Они шли, взявшись за руки, и о чём-то негромко разговаривали.

О чём?

Ветер покружил вокруг их милых фигурок, поиграл в волосах, слегка пощекотал коричневые от загара обнажённые ноги и полетел дальше. Ветер слышал, но разве его спросишь? Попробуй, догони.

Солнце сверху выглянуло, бросило горсть веснушек на нос мальчику. Девочке не стало. Солнце слышало. Вон, как заулыбалось. Но тоже не скажет.

А сама деревня слышала? Конечно, она слушала и помнила все разговоры. И рассказала бы. Да вот беда, нет больше деревни. Умерла она.

Заключение

Моя книга похожа на фотоальбом. Снимки в нём, возможно, должны были лежать в хронологическом порядке, но многие перемешались. Так получилось. Думаю, это не важно. Листая его страницы, всматриваюсь в знакомые, милые лица. Некоторые фотографии не хочется разглядывать, перелистываю дальше. Над некоторыми замираю в раздумье. Есть особенно дорогие, к которым возвращаюсь снова и снова.

Каждый эпизод нельзя расценивать как всесторонний обзор ситуации. Скорее, это вид с одной стороны, с той, которую я хотела показать.

Посвящаю книгу брату Андрею,
который прожил в этом мире 18 лет и 17 дней.
Просьба к православным – помяните Андрея.